

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Хуссейн Отман Абдулла Хуссейн

**КИММЕРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА В РОССИЙСКОЙ И
УКРАИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ
И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ**

Специальность 07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Медведев А.П.

Воронеж – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	С. 4
ГЛАВА 1. КИММЕРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА: ЕЕ ИСТОКИ, ФОРМИРОВАНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ.....	С. 25
1.1. Ближневосточные тексты о киммерийцах.....	С. 25
1.2. Античная литературная традиция о киммерийцах.....	С. 29
1.3. Археологические источники.....	С. 34
ГЛАВА 2. КИММЕРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX вв.	С. 39
2.1. Появление «киммерийской эпохи» в археологических периодизациях конца XIX – начала XX вв.....	С. 39
2.2. Археологический поиск киммерийцев в трудах советских учёных 20-40-х гг. XX в.....	С. 49
2.3. Автохтонистские концепции происхождения и развития киммерийской культуры в трудах советских учёных конца 1940-х гг.	С. 60
ГЛАВА 3. ВЫДЕЛЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ КИММЕРИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (50-е – СЕРЕДИНА 70-х гг. XX в.).....	С. 65
3.1. Выделение позднейших предскифских памятников на территории Южной России и Степной Украины в 1950-е гг.....	С. 65
3.2. Новые достижения в разработке киммерийской проблемы в 1960-е гг.....	С. 69
ГЛАВА 4. ВКЛАД А.И. ТЕРЕНОЖКИНА, ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИЗУЧЕНИЕ КИММЕРИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (СЕРЕДИНА 70-х – 90-е гг. XX в.).....	С. 78
4.1. Концепция А.И. Тереножкина о киммерийцах и их культуре.....	С. 78

4.2. Киммерийская проблема в трудах последователей и оппонентов А.И. Тереножкина в 70-90-е гг. XX в.....	С. 84
ГЛАВА 5. НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КИММЕРИЙЦЕВ КОНЦА XX – ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВВ.....	С. 116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	С. 138
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	С. 150
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	С. 170
Приложение. Иллюстративный материал.....	С. 173

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В конце VIII в. до н.э. на юге Восточной Европе и на Ближнем Востоке практически одновременно происходят процессы, нарушившие политическую ситуацию и привычный уклад жизни населения этих сильно удаленных друг от друга регионов. Ближневосточные клинописные тексты времени ассирийского царя Саргона II (722-705 гг. до н.э.) сообщают о появлении здесь ранее неизвестных орд кочевников *гиммири* (аккад. *Gimir(r)āia*). Одновременно этот этноним в форме *Κιμμέριοι* становится известен и Гомеру, но он помещает их на противоположном берегу Океана, омывающего ойкумену. С VII в. греческие авторы знают их уже и на Ближнем Востоке, где они не только постоянно воюют с великими восточными державами, но и со вторгнувшимися сюда их давними врагами – скифами (аккад. *I/Askuzāia*)¹. Очевидно, в масштабе всемирной истории, это был по существу первый, зафиксированный в источниках контакт носителей древних ближневосточных цивилизаций и выходцев из наших степей. В первую очередь это и обуславливает **актуальность** избранной нами темы диссертационного исследования. Если по точному выражению В.А. Городцова: «Киммерийцы являются первым историческим народом Восточной Европы...»², то в Ираке о киммерийцах практически не знают, арабских историков народ *Gimir(r)āia* особо не интересует. В то же время в России и на Украине накоплены многочисленные археологические материалы и богатый, более чем столетний опыт изучения киммерийской проблемы, который будет полезен нашим соотечественникам

¹ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. М., 1996. С. 15-18.

² Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН. Т. III. М., 1928. С. 46.

из Ирака. Необходимо провести изучение этого опыта и тем самым устранить историческую несправедливость.

В начале I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы наступила новая эпоха – ранний железный век. Использование этого металла со временем привело к весьма радикальным переменам в жизни людей, их материальной и духовной культуре. Широкое распространение строгой конской упряжи, железного меча и другого оружия ознаменовало в истории Юго-Восточной Европы наступление новой, «героической эпохи». В начале железного века на Юге Восточной Европы происходит перемещение больших масс населения из Великой Евразийской степи и прилегающих к ней районов на юг, в зону древних южных цивилизаций³. Очевидно одним из таких народов, известных по письменной античной традиции и по материалам археологии, были киммерийцы. Видимо, именно они являлись создателями первого крупного объединения воинственных кочевых племен на юге Восточной Европы, способного совершать далекие и длительные походы в Переднюю Азию.

Диалектика научного поиска требует постоянного соотнесения обобщающих разработок со все возрастающей суммой эмпирических, в первую очередь археологических данных. За последние десятилетия произошел значительный количественный рост источников по изучению предскифского периода Восточной Европы⁴. Новые исследования по

³ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л., 1974. 156 с.; Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. 461 с.; Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007. 510 с.;

⁴ Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999. 240 с.; Дударев С.Л. Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху: IX-первая половина VII в. до н. э. : автореферат дис. ... докт. ист. наук. М., 1999. 37 с.; Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. Киев-Полтава, 1999. 136 с.; его же. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. 323 с.;

киммерийской проблематике во многом существенно уточняют, а порой и радикально изменяют устоявшиеся взгляды на культуру и историю киммерийских племен в предскифский период. Однако следует признать, что на сегодняшний день накопление источников по интересующей нас теме далеко неадекватно уровню их теоретического осмысления – существует ряд неразрешенных проблем, порожденных различными подходами ученых к киммерийской проблеме в целом, а также их приоритетами к отдельным видам источников, в частности. Разработку проблемы невозможно осуществить без более глубокого рассмотрения тех концепций, которые ранее выдвигались исследователями, а также изучения новых, прежде всего, археологических источников по истории киммерийцев и их современных интерпретаций.

Поэтому в основу нашей диссертационной работы положен исторический принцип – рассмотрение киммерийской проблемы в развитии от ее истоков до современного состояния. Прежде всего нас интересует правомерность соотнесения с киммерийцами тех или иных групп археологических памятников на Юге Восточной Европы и Ближнем Востоке. Особое внимание обращает на себя и тот факт, что без специального изучения киммерийских (предскифских) древностей невозможно решение многих вопросов не только киммерийской и скифской истории, поскольку эти древности не только предшествовали скифским, но, как сейчас становится все более очевидным, и являлись одним из источников формирования скифской культуры ⁵. Более того, без учета киммерийского фактора невозможно объективно изучать историю Ассирии и Вавилонии VII в. до н.э. Все сказанное выше дополнительно определяет **актуальность** выбранной темы исследования.

Махортих С.В. Культура та історія киммерійців Північного Причорномор'я : автореф. ... докт. істор. наук. Київ, 2008. 31 с. и др.

⁵ Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2011. С. 198-199.

Степень разработанности проблемы. Интересующая нас проблема имеет богатую научную литературу, она неоднократно дискутировалась в российской науке. Однако до сих пор нет целостного исследования, посвященного киммерийской проблеме, хотя в историографическом плане она рассматривалась неоднократно и в разное время.

Для нашей темы киммерийская проблема представляет: комплекс нерешенных и решенных в той или иной степени вопросов: атрибуции археологических памятников, оставленных киммерийцам, особенностей их материальной культуры, их этнической и культурной принадлежности, происхождения, времени появления и территории (территорий) распространения, а также соотношения с хорошо изученными раннескифскими памятниками и др. При этом, следуя традиционной характеристике киммерийцев как кочевников, мы считаем не подтвержденной оригинальную, но безуспешную попытку Т.М. Кузнецовой доказать, что они кочевниками не были, а представляли вполне оседлый народ ⁶.

Вопрос об археологических следах киммерийцев в Северном Причерноморье впервые был поставлен в русской науке последней четверти XIX в. Уже Д.Я. Самоквасов в своей периодизации курганных древностей южной и средней России в 1892 г. выделил киммерийскую эпоху, датировав её промежутком от каменного до железного века ⁷. В археологическом отношении для киммерийцев Северного Причерноморья по Д.Я. Самоквасову были характерны наиболее древние захоронения, сопровождающиеся каменными и бронзовыми орудиями труда.

⁶ Кузнецова Т.М. Были ли киммерийцы кочевниками? // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М.П. Абрамовой. М., 2007. С. 209-234.

⁷ Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации могильных древностей Европейской части России. Варшава, 1892

Н.Е. Бранденбург считал киммерийскими погребения «со скорченными и окрашенными костяками», при этом содержащие металлические предметы ⁸.

В этот же период времени А.А. Бобринским были проведены археологические работы в Киевской губернии, давшие серию погребений «со скорченными и окрашенными костяками» и металлического инвентаря. Учёный датировал их эпохой бронзы ⁹. Спустя полвека, в 1950-е гг., было установлено, что часть захоронений, открытых близ Смелы, относятся к предскифскому периоду и могут быть сопоставлены с киммерийскими ¹⁰.

А.А. Спицын в конце XIX в. также занимался исследованием «погребений со скорченными и окрашенными костяками». Он выделил девять групп таких погребений, разделяющихся по второстепенным признакам, не учитывая при этом сопровождающий покойных инвентарь ¹¹.

В начале XX в. В.А. Городцов вычленил группу впускных поздних курганных погребений в степях Украины, но ошибочно связал их с народом, ставившим на курганах каменные бабы. В 1928 г. он опубликовал статью «К вопросу о киммерийской культуре» ¹². В поиске киммерийских древностей Василий Алексеевич исходил из правильного утверждения о том, что их культура должна непосредственно предшествовать хорошо известной скифской. Он указал на ряд бронзовых изделий, которые могли принадлежать киммерийской культуре (*в его статье – рис. 2 – О.Х.*). Однако, как показали

⁸ Бранденбург Н.Е. Об аборигенах Киевского края // Труды XI археологического съезда. Т. I. М., 1899. С. 155.

⁹ Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы // Т. II. СПб., 1894. 232 с.

¹⁰ Покровська Е.Ф. Кургани передкіфського часу в басейні р. Тясмин // Археологія. 1953. Т. VIII. С. 128-137.

¹¹ Спицын А.А. Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1/2. СПб., 1899. С. 53-133

¹² Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН. Т. III. М., 1928.

последующие исследования, ни один из приведенных в статье В.А. Городцова артефактов не имел прямого отношения к культуре киммерийцев. Все они оказались более древними.

Второй послевоенный период открывается попытками ученых решить киммерийскую проблему на старом археологическом материале. Так Л.А. Ельницкий предложил отнести к киммерийцам знаменитую кобанскую культуру на Северном Кавказе рубежа бронзового и железного веков¹³. В точном соответствии с указаниями Геродота на киммерийскую топонимию некоторые исследователи пытались найти археологические следы киммерийцев на Керченском полуострове. Например, М.И. Артамонов считал киммерийцами носителей катакомбной культуры эпохи средней бронзы¹⁴. Однако мы знаем, что катакомбная КИО нигде не доживает до начала I тыс. до н.э. – самые поздние ее памятники едва ли датируются позже начала II тыс. до н.э.

Важное место в изучении срубной культуры и проблемы киммерийцев принадлежит О.А. Кривцовой-Граковой. По её мнению, срубные племена, перекочевавшие из Нижнего Поволжья и расселившиеся в XII – IX вв. до н.э. в степях Причерноморья, вышли на новый уровень своего развития и стали известны грекам, как киммерийцы. В качестве аргументации, О.А. Кривцова-Гракова ссылалась на мнение В.А. Городцова о принадлежности причерноморских кладов бронзовых орудий киммерийцам¹⁵.

В этот же период времени, супруг Ольги Александровны – Б.Н. Граков в своих исследованиях сделал однозначный вывод о том, что в степях Северного Причерноморья накануне скифского нашествия проживали не

¹³ Ельницкий Л. А. Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. 1949. №3 (29). С. 14-26.

¹⁴ Артамонов М.І. Кімерійська проблема // Археологія. Вип. 9. Киев, 1973. С. 5.

¹⁵ Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. Вып. XVII. М., 1948. С. 151-155.

только киммерийские, но и родственные самим скифам племена ¹⁶. Данная гипотеза обосновывалась им в книге «Каменское городище на нижнем Днепре»¹⁷. В исследовании доказывалась ошибочность гипотезы М.И. Артамонова о помещении киммерийцев в Прикубанье, потому что данная локализация не соответствует ни одному из памятников античной литературной традиции о нахождении этих кочевников в областях Северного Причерноморья ¹⁸.

Принципиально важный шаг в разработку интересующей нас проблемы внес ленинградский исследователь А.А. Иессен. В начале 50-х гг. именно он выделил в степях Восточной Европы небольшую группу позднейших предскифских памятников и датировал их VIII-VII вв. до н.э., предложив название «памятники типа Новочеркасского клада 1939 г.». Следует заметить, что учёный не относил их к одним лишь киммерийцам – он считал, что это памятники древнейших кочевников, еще не разделившихся на киммерийцев и древнейших скифов ¹⁹.

Московский кавказовед Е.И. Крупнов в ходе изучения материалов Каменноостского могильника на Северном Кавказе также обратил внимание на группу погребений с вещами переходного от бронзового к раннежелезному веку времени ²⁰. Аналогии им он нашел в степных памятниках Юга Восточной Европы конца VIII – нач. VII в. до н.э. и связал с киммерийским влиянием ²¹.

¹⁶ Граков Б.М. Скифы. Киев, 1947. С. 13-14.

¹⁷ Граков Б.Н. Каменское городище на нижнем Днепре // МИА. №36. М., 1954. 238 с.

¹⁸ Там же. С. 9-10; 167-168.

¹⁹ Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. Т. XVIII. М., 1953. С. 49-110.

²⁰ Крупнов Е.И. Киммерийцы на Северном Кавказе по археологическим данным» // МИА. 1958. № 68. С. 176.

²¹ Крупнов, Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. 520 с.

В 1976 г. была опубликована монография А.И. Тереножкина «Киммерийцы»²². В книге были собраны, опубликованы и проанализированы практически все степные, и отчасти лесостепные памятники юга восточной Европы переходного периода от бронзового к раннежелезному веку. Алексей Иванович предложил собственную концепцию решения киммерийской проблемы, выделив памятники черногоровско-новочеркасского типа. При этом, он выводил черногоровские древности из срубной культуры эпохи поздней бронзы и таким образом даже срубников считал древнейшими киммерийцами. Большинство российских и украинских археологов тогда приняли «киммерийскую» концепцию черногоровско-новочеркасских древностей А.И. Тереножкина.

Выделение двух культурно-хронологических групп позднейшего предскифского времени признал и другой киевский археолог А.М. Лесков. Он также выводил киммерийскую культуру из срубной, но существенно разошелся с А.И. Тереножкиным в датировке и этнической интерпретации позднейших предскифских древностей. Черногоровские погребения он датировал второй половиной VIII – началом VII в. до н.э., а новочеркасские концом VIII – последней четвертью VII в. до н.э., допуская сосуществование тех и других в конце VIII – начале VII в. до н.э. При этом с киммерийцами учёный соотносил лишь памятники типа Черногоровки – Камышевахи, предполагая, что новочеркасскую группу следует связывать уже с собственно скифами. Учитывая различную локализацию тех и других, он полагал, что позднекиммерийская культура типа Черногоровки формируется в Причерноморье, а древнескифская – в Волго-Донском междуречье²³. Наоборот, Н.Л. Членова попыталась связать со скифами лишь черногоровско-камышевахский комплекс, а с киммерийцами –

²² Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 224 с.

²³ Лесков А.М. Предскифский период на Юге Украины: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1975. 45 с.

новочеркасский²⁴. Однако доводы А.М. Лескова и Н.Л. Членовой оказались не слишком убедительными.

В 80-90-е годы концепцию А.И. Тереножкина развивали его ученики (В.В. Отрощенко, С.А. Скорый и др.). О.Р. Дубовская провела корреляционный анализ основных признаков погребений черногоровского и новочеркасского типов. Получился результат, в целом подтверждающий концепцию А.И. Тереножкина. Однако статус самостоятельной культуры она признала только за черногоровскими погребениями, тогда как памятники новочеркасского типа в степи и лесостепи предложила считать кладами²⁵.

Спустя почти два десятилетия после выхода книги А.И. Тереножкина «Киммерийцы», в 1993 г. почти одновременно выходит в свет совместное исследование трех петербургских ученых А.Ю. Алексеева, Н.К. Качаловой, С.Р. Тохтасьева «Киммерийцы: этнокультурная принадлежность»²⁶, а также статьи, а позже монография А.И. Иванчика «Les Cimmériens au Proche-Orient»²⁷, вскоре изданная на русском языке²⁸. В решении вопроса об изначальной территории обитания киммерийцев авторы предложили опираться на источники времени утверждения в Причерноморье скифской гегемонии

²⁴ Членова Н.Л. Памятники I тысячелетия до н.э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности // Искусство и археология Ирана. М., 1971. С. 323–329.

²⁵ Дубовская О.Р. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада / О.Р. Дубовская // СА. 1989. №1. С. 63-69; её же. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений). // РА. 1994. №2. С. 15-29; её же. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. №6. Донецк, 1997. С. 181-218.

²⁶ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. 121 с.

²⁷ Ivantchik Askold I. Les Cimmériens au Proche-Orient (OBO 127). 127. Fribourg. Göttingen, 1993. 324 p.

²⁸ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. М., 1996. 324 с.

(VIII-VII вв. до н.э.). На основании полного отсутствия каких-либо аутентичных свидетельств о киммерийцах в понтийском регионе названными исследователями сделан однозначный вывод о фиктивности их северочерноморской локализации, хотя известно, что античная традиция о населении этого региона сложилась значительно позже. По их мнению, киммерийцы «появились» здесь спустя несколько веков в результате позднейшей рационалистической интерпретации мифического образа «людей киммерийских» в «Одиссее» Гомера. При этом для создания оригинальной гипотезы сделан ряд допущений и оговорок. С.Р. Тохтасьевым полностью отвергается «киммерийская» топонимия, использованная Геродотом для доказательства обитания этого народа в Северном Причерноморье (История: IV, 12), на том основании, что киммерийцы не дожили здесь до времени основания первых греческих апоекий (второй пол. VII в.).

Региональному анализу предскифских древностей, была посвящена работа В.Р. Эрлиха «У истоков раннескифского комплекса», вышедшая в 1994г.²⁹ Основной ее задачей автор поставил изучение формирования новочеркасского комплекса и переход от него к раннескифскому. В.Р. Эрлих не соглашается с точкой зрения об удревнении новочеркасских памятников вплоть до IX в. до н., считая, что ключевым моментом в их формировании являются военные контакты с Передним Востоком³⁰. В свете анализируемого материала В.Р. Эрлих выступает в защиту причерноморского происхождения киммерийцев. Он убедительно доказал, что комплексы типа Новочеркасского клада, при сегодняшнем уровне наших знаний, являются наиболее адекватным археологическим свидетельством восточных текстов о киммерийцах.

В 1999 г. была опубликована книга С.И. Лукьяшко «Предскифский период на Нижнем Дону»³¹, в которой собраны практически все

²⁹ Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. 148 с.

³⁰ Там же. С. 90-91.

³¹ Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999. 239 с.

исследованные на то время погребения с территории нижнего Подонья. Учёный предложил характеристику погребального обряда и типологию инвентаря, рассматривая памятники региона как нижнедонской вариант черноговорской культуры. Его специфической чертой он считает сильное северокавказское влияние и предполагает, что этот вариант сформировался на основе традиций позднерубной культуры при влиянии кобяковской, а на более позднем этапе – протомеотской культур. Двигателем инновационных тенденций были хозяйственные изменения ³². Исследователь подчеркивает, что современный уровень накопленных материалов не подтверждает существование миграции с востока, которая послужила основой сложения культуры предскифского времени ³³. В тоже время воронежский археолог А.П. Медведев выделяет на Среднем Дону группу предскифских погребений как с черноговорскими, так и с новочеркасскими чертами ³⁴.

Следует отметить большой вклад в изучении древностей позднейшего предскифского периода Северного Кавказа С.Л. Дударева ³⁵. По мнению исследователя, прослеживаемые близкие связи и контакты населения Северного Причерноморья и Предкавказья с Закавказьем, Западной Азией в позднейшее «предскифское» время убеждают в том, что причерноморская версия происхождения киммерийцев осталась актуальной ³⁶.

В изучение киммерийской проблематики большой вклад внес С.А. Скорый. Ему принадлежит фундаментальное исследование по

³² Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999. С. 192-194.

³³ Там же. С. 194.

³⁴ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М., 1999. С. 15-27.

³⁵ Дударев, С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999. 405 с.

³⁶ Дударев С.Л. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. № 4. 1998. С. 77-93.

киммерийской проблеме в украинской лесостепи ³⁷, а также датировка и интерпретация уникального Стеблевского комплекса в Поросье VIII вв. до н.э., обладающего несомненными раннескифскими признаками, но по традиционной периодизации относящегося к «предскифскому времени» ³⁸.

Следует отметить разработки С.Б. Вальчака по предскифской проблематике, и в частности защищенную им в 2003 г. диссертацию «Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период» ³⁹. В ней были обобщены предметы вооружения и конского снаряжения предскифского периода, дана их подробная характеристика и классификация, а также произведено деление материала на хронологические группы ⁴⁰.

В 2008 г. киевский археолог С.В. Махортых успешно защитил докторскую диссертацию «Культура и история киммерийцев Северного Причерноморья», основные положения которой ранее были опубликованы в монографии ⁴¹. Он предложил разделить предскифские древности не на две, а на три хронологические группы: 1 - первая половина IX в. до н.э., 2 - середина IX – первая половина VIII вв. до н.э., 3 - с середины VIII по начало VII вв. до н.э. Как видим, эта периодизация не существенно отличается от предложенной А.И. Тереножкиным. Более существенно другое – в отличие от А.И. Тереножкина, С.В. Махортых не считает черногоровский и новочеркасский типы памятников двумя последовательными этапами развития предскифской степной культуры. По его мнению, самые ранние

³⁷ Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. Киев-Полтава, 1999. 136 с.

³⁸ Клочко В.І., Скорий С.А. Курган № 15 біля Стеблева у Пороссії // Археологія. 1993. № 2. С.71-84.

³⁹ Вальчак С.Б. Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период : автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 2003. 30 с.

⁴⁰ Там же. С. 24-26.

⁴¹ Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях, 2005 380 с.

погребения новочеркасского типа также можно датировать IX в. до н.э., что и черноговорские, то есть они сосуществовали.

Подводя определенный вывод, необходимо заметить, что проблематика, затрагиваемая в рассмотренных выше работах, заявляет об увеличивающемся интересе учёных в настоящее время к анализу вопросов о киммерийской культуре и связанных с ней аспектах. Многолетние полевые исследования в Северном Причерноморье, Малой Азии, предоставили в пользование учёных-археологов достаточно обширный и интересный по содержанию материал, иллюстрирующий киммерийскую культуру на этой обширной территории. Этот момент подталкивает исследователей к рассмотрению всевозможных вопросов, объединенных историей киммерийских племен восточноевропейской степи-лесостепи. Однако, как неоднократно уже было сказано, к настоящему времени не существует специального исследования, посвященного обобщению всех накопившихся к сегодняшнему моменту точек зрения на проблему киммерийцев.

Объект диссертационного исследования – археологические и исторические публикации, доклады и научные дискуссии по предскифскому периоду на Юге Восточной Европы и по киммерийской проблеме.

Предмет исследования – интерпретации археологических и исторических источников по киммерийской проблематике российскими и украинскими исследователями конца XIX – начала XXI вв., которые вывели интересующую нас проблему на современный уровень понимания культуры и этноса киммерийцев.

Хронологические рамки. Хронологически диссертационное исследование охватывает время с конца XIX в. – когда в российской археологии начинает формироваться идея отождествления киммерийских погребений «со скорченными и окрашенными костяками» в трудах Д.Я. Самоквасова и других русских ученых. Верхняя хронологическая граница определяется в рамках первого десятилетия XXI в. выходом серии работ по исследуемой проблематике (В.Р. Эрлих, С.А. Скорый, С.И. Лукьяшко,

С.В. Махортых, С.Б. Вальчак и др.) и появлением конкурирующей концепции в решении киммерийской проблемы (А.И. Иванчик, А.Ю. Алексеев, Н.К. Качалова, С.Р. Тохтасьев).

Географические рамки исследования определяются территориями, на которых исследователи искали следы киммерийцев в различные эпохи, опираясь на данные античной литературной традиции и археологии: от Северного Причерноморья до Ближнего Востока.

Цель и задачи исследования. Основной целью выполняемого диссертационного исследования является комплексный анализ научных концепций в их историческом развитии, формировавшихся в киммерийской археологии с конца XIX – до начала XXI вв., базирующихся на интерпретации данных письменных и археологических источников. Для достижения цели было необходимо решить ряд исследовательских задач:

- Изучить историю исследования памятников позднейшего предскифского периода на Юге Восточной Европы, процесс поиска и выделения археологами из этих древностей тех, которые допустимо считать киммерийскими.
- Разработать периодизацию изучения киммерийской проблемы.
- Проанализировать основные периоды изучения киммерийской проблемы в российской и украинской археологии.
- Выявить причины расхождений в интерпретации исследователями памятников позднейшего предскифского времени для каждого периода.
- Дать оценку новой «переднеазиатской» гипотезе решения киммерийской проблемы.

Методология исследования. Методологической основой диссертационного исследования являются принципы научной объективности и историзма, а также традиционные методы историографического, источниковедческого и конкретно-исторического анализа. Для получения наиболее полного результата был использован историографический метод

научного анализа, методы анализа и синтеза результатов проведенного исследования.

В соответствии с принципом объективности мы ориентировались на то, что каждая из анализируемых нами гипотез об истории и культуре киммерийцев, в силу дефицита исторических источников, в той или иной мере, субъективна. Мы пытались объективно оценить степень этой субъективности и минимизировать субъективность в нашем диссертационном исследовании.

Принцип историзма позволил рассмотреть развитие исторических знаний о киммерийцах как в хронологическом, так и в диалектическом единстве. В соответствии с этим принципом взгляды разных исследователей на киммерийскую проблему рассматривались в диссертации в их временном, пространственном и социокультурном контекстах. Особое внимание уделялось степени верификации взглядов тех или иных специалистов на киммерийскую принадлежность предскифских древностей. Этот подход позволил проследить не только эволюцию взглядов учёных, но и сопоставить их друг с другом с целью поиска оптимального решения киммерийской проблемы. Такая направленность определила применение к исследованию сравнительно-исторического метода, позволяющего проследить не только процесс развития взглядов учёных, но и сопоставить друг с другом различные этапы в их археологических исследованиях.

Источники исследования. Источниками для написания нашей работы являются публикации, рукописи и доклады тех учёных, которые успешно занимались указанной тематикой. В составе источников следует выделить исследования обобщающего характера, где отдельные главы посвящены истории изучения проблемы ⁴², общие фундаментальные труды по истории

⁴² См. например: Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 224 с.; Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005. 583 с. и др.

киммерийцев а также обобщающие работы по отдельным ее аспектам ⁴³. Заметим, что в настоящем диссертационном исследовании вопросы, связанные с накоплением источниковой базы по киммерийцам (археологические работы) рассмотрены в общем плане, поскольку их анализ выходит за рамки нашего исследования.

Следующей группой источников явились статьи по исследуемой проблематике. В общем, их объём достаточно велик – мы использовали около 100. Из них хотелось бы выделить наиболее важные, отражающие принципиальные взгляды учёных на проблему киммерийцев. Это работы

⁴³ Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации могильных древностей Европейской части России. Варшава, 1892; его же. Могилы Русской земли. М., 1908; Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград, 1918. 188 с.; Rostovtseff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922; Граков Б.М. Скифы. Киев, 1947.; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы: (от появления на исторической арене до IV в. до н. э.). Л., 1974. 156 с.; Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 224 с.; Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. 124 с.; Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993; Ivantchik Askold I. *Les Cimmériens au Proche-Orient (OBO 127)*. 127. Fribourg. Göttingen, 1993. 324 p.; Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. М., 1996. 324 с.; его же. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. 323 с.; Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. 148 с.; Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. Киев-Полтава, 1999. 136 с.; Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999; Медведев А.П. Ранний железный век лесотепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М., 1999. С. 15-27; Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994; его же. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев, 2003; Вальчак С.Б. Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 30 с. и др.

В.А. Городцова ⁴⁴, В.Д. Блаватского ⁴⁵, Л.А. Ельницкого ⁴⁶, А.А. Иессена ⁴⁷, О.Р. Дубовской ⁴⁸, И.Н. Медведской ⁴⁹ и др.

В особую группу источников мы включили материалы дискуссий о киммерийцах на страницах «Вестника древней истории» ⁵⁰, а также публикацию международного круглого стола о сложении скифской культуры, где немало внимания уделяется и киммерийской тематике ⁵¹.

⁴⁴ Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН. Т. III. М., 1928.

⁴⁵ Блаватский В.Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей // ВМУ. №8. М., 1948. С. 9-18.

⁴⁶ Ельницкий Л.А. Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. 1949. №3 (29). С. 14-26.

⁴⁷ Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. Т. XVIII. М., 1953.

⁴⁸ Дубовская О.Р. О погребениях группы Новочеркасского клада // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Научно-практический семинар: тезисы докладов. Донецк, 1986. С. 37-39; её же. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА. №1. 1989. 63-69.

⁴⁹ Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. №3. С. 104-106.

⁵⁰ Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных // ВДИ. 1993. №4. С. 110-118; Грантовский Э.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. Киммерийцы в Передней Азии. (По поводу монографии: Ivantchik A.I. Les Cimmeriens au Proche-Orient (Orbis Biblicus et Orientalis. 127). Fribourg Suisse, Gottingen, 1993. Русское издание: Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII — VII вв. до н. э. М., 1996) // ВДИ, №4. 1997. С. 69-85; Махортых С.В. Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. № 2. 1998. С. 95-104; Иванчик А.И. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. 1999. №2. С. 77-97.

⁵¹ Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура». Дискуссия // ВДИ. 1994. №1. С. 64-82.

В качестве дополнительных источников привлекаются материалы научных конференций – статьи и тезисы выступлений, в которых зафиксированы результаты обсуждения наиболее приоритетных направлений исследования киммерийской проблематики, позволившие более отчетливо выявить дискуссионные аспекты темы⁵².

Особую историографическую ценность имеют диссертации, в той или иной степени посвященные рассматриваемой проблематике и позволившие выяснить степень изученности проблемы в разные периоды ее истории. Это диссертации Н.Н. Чередниченко (1973), А.М. Лескова (1975), А.И. Иванчика (1989), В.А. Ромашко (1990), С.Б. Вальчака (2003), С.В. Махортых (2008), С.С. Вострикова (2010), С.И. Лукьяшко (2013) и других исследователей

Научная новизна исследования заключается в обобщении всех исследований, проводившихся российскими и украинскими учёными по киммерийской проблематике за последнее столетие. На основе детального анализа широкого круга источников впервые в науке намечены и раскрыты основные этапы становления, развития и эволюции киммерийской проблемы в научной деятельности учёных разных периодов. Более подробно в исследовании проанализированы основные подходы в решении киммерийской проблемы, реализуемые в современной науке. В результате предложено выделить четыре периода изучения киммерийской проблемы в России и на Украине, отличающихся друг от друга состоянием источниковой базы, уровнем профессиональной подготовки и специализации исследователей, используемыми ими методами и подходами. Проанализированы современные

⁵² См. например: Тереножкин А.И. Киммерийцы и Кавказ // Тезисы докладов секционных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971. С. 34-38; его же. Начало железного века на юге Европейской части СССР // Тезисы пленарных и секционных доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970-1971 років на території України). Одеса, 1972. С. 166-171.

конкурирующие концепции в решении киммерийской проблемы и дана им оценка.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В изучении истории киммерийской проблемы в российской и украинской археологической науке удалось выделить четыре периода:

1. Первый период – конец XIX в. – первая половина XX в.
2. Второй период – 50-е – середина 70-х гг. XX вв.
3. Третий период – середина 70-х – 80-е гг. XX в.
4. Четвёртый период – 90-е гг. XX в. – 2000-е гг.

2. Выявлены первые попытки выделения археологических признаков киммерийских погребений (курганные «скорченные и окрашенные костяки») и отдельных категорий сопровождающего инвентаря в первый период развития киммероведения (конец XIX в. – первая половина XX в.). Как оказалось, все они были неверными.

3. Установлено, что в 50-е – середине 70-х гг. XX вв., благодаря масштабным раскопкам степных курганов в России и на Украине, удалось открыть небольшую группу достоверных предскифских погребений, скорее всего оставленных киммерийцами.

4. Безусловно, качественный перелом в изучении киммерийской проблемы произошел к середине 60-х гг. прошлого века и завершился выходом в свет фундаментальной монографии А.И. Тереножкина «Киммерийцы». Ему удалось выделить две последовательные ступени в развитии киммерийской культуры в Северном Причерноморье, поддержанные большинством специалистов.

5. Последний период развития киммероведения (90-е гг. XX в. – 2000-е гг.) ознаменовался появлением, наряду с развитием традиционной, новой альтернативной гипотезы, связанной с археологическими открытиями нескольких погребений раннескифского облика на востоке Малой Азии. Но она оставляла «за скобками» сотни погребений в Северном Причерноморье и

на Северном Кавказе, которые, по археологическим признакам, вряд ли могли быть оставлены ни кем другим, кроме киммерийцев.

6. На наш взгляд, в киммерийской проблематике на рубеже веков не произошло смены научной парадигмы. По-прежнему, гипотеза А.И. Тереножкина о принадлежности киммерийцам памятников черноголовского и новочеркасского типов с последующими модификациями представляется наиболее предпочтительной и обоснованной.

Практическая значимость исследования. Диссертационное исследование, посвященное изучению киммерийской проблемы, может заинтересовать широкий круг учёных-историков, изучающих позднейший предскифский период. Основные выводы нашей работы могут быть использованы при построении лекций по археологии в ВУЗах России и Украины, спецкурсов по раннему железному веку, в музейном деле при создании новых музейных экспозиций и выставок. Но особенно наше диссертационное исследование будет полезно иракским историкам и археологам, незнакомым с этой проблематикой и таким образом пропустившим целый период своей древней истории.

Апробация результатов исследования. Основные разделы, выводы и положения настоящего диссертационного исследования были обсуждены на кафедре археологии и истории древнего мира исторического факультета Воронежского государственного университета; представлены на международных, региональных общеисторических и археологических конференциях в г. Белгород (2017), г. Воронеж (2018, 2019).

По теме диссертационного исследования автором издано 6 публикаций общим объемом 3,2 п.л., из них – 3 статьи общим объемом 1,7 п.л. – в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованный ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертационное исследование, в соответствии со своей целью и задачами, включает введение, пять глав основной части, заключение, список использованных русскоязычных и

украиноязычных источников и литературы, список сокращений, а также приложение, содержащее иллюстрации.

ГЛАВА 1. КИММЕРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА: ЕЕ ИСТОКИ, ФОРМИРОВАНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

По точному выражению В.А. Городцова: «Киммерийцы являются первым историческим народом Восточной Европы...»⁵³. Действительно, этноним «киммерийцы» – самый древний из числа известных имен народов Восточной Европы в передаче греческими авторами. Их имя и история нашли отражение в трех основных независимых группах источников:

1. Ближневосточные клинописные тексты;
2. Античная литературная традиция;
3. Данные археологии.

Литература по каждому из этих источников практически необозрима. Ниже дается их характеристика в той мере, в какой они необходимы для изучаемой проблемы.

1.1. Ближневосточные тексты о киммерийцах

В письменной традиции киммерийцы появляются практически одновременно, ближе к концу VIII в. до н.э.: на Ближнем Востоке и на противоположном краю мифического Океана, омывающего ойкумену. Ассирийские клинописные источники носят документальный характер, поэтому они наиболее достоверны, хотя и предельно отрывочны. Аккадоязычные тексты аутентичны, то есть относятся к тому времени, о котором речь идет в самом тексте. Они более разнообразны по жанрам. Это «анналы» (надписи, помещаемые на фундаментах) ассирийских царей Асархаддона и Ашшурбанипала; переписка царей Саргона II, Асархаддона и Ашшурбанипала с представителями администрации и астрологами; оракулы.

⁵³ Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН. Т. III. М., 1928. С 46.

Необходимо отметить, что круг этих источников и конкретен, и историчен, так как оставлен современниками событий.

Так, ассирийские агенты сообщают в письмах Саргону II о появлении на севере Месопотамии, на границах Урарту страны *Гаммир* и нового воинственного народа *гамирра*⁵⁴. Еще в 1907 г. немецкий ассириолог Гуго Винклер отождествил упоминавшихся в клинописных текстах *гиммира-гаммираи* с киммерийцами греческой традиции. Клинописные таблички весьма подробно освещают ближневосточный этап военно-политической истории киммерийцев. В том же донесении сообщается, что *гамирра* разбил войско царя Урарту и, теперь представляют опасность для ассирийского владений на севере. По мнению большинства исследователей, эти события происходили около 714 г. до н.э. где-то в районе к северу или северо-западу от озера Севан.

Далее свидетельства о киммерийцах на Ближнем Востоке надолго прерываются, лишь спустя 35 лет *гамирра* вновь появляются в клинописных текстах – они выступили во главе с царем Теушпой, но были разбиты ассирийским царем Ассархадонем в Каппадокии. Так в «призме» царя Ассархадона, датирующей 676 г. до н.э., сообщается о победе над киммерийцами и скифами: «*И Теушпу киммерийца (Teušrâ gimirgâja),– умман-манду я (Ашшурахиддин, 680-669 гг. до н.э.) поразил на земле Хубушкна вместе с его войсками оружием моим*» (перевод А.И. Иванчика)⁵⁵. В одном из писем Ашшурбанипалу содержится важное разъяснение, что киммерийцы (*Gimig-ra-a-a*) – это один из народов в составе и *умман манда*⁵⁶. *Uman-mandu* – буквально «воинство манда», так месопотамские клинописные тексты издавна обозначали воинственных врагов с севера (мидийцев, киммерийцев и др.).

⁵⁴ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. М., 1996. С. 24.

⁵⁵ Там же. С. 187.

⁵⁶ Там же. С. 205.

В дальнейшем характер отношений киммерийцев с Ассирией изменяется радикально – с этого времени они обычно упоминаются как союзники Ассирии, воюющей с вторгнувшимися «*шикуза*» – скифами. Так клинописная традиция полностью подтверждает свидетельство Геродота о вражде киммерийцев и скифов и на азиатской почве (Hdt: IV, 11-12). С начала 70-х гг. VII в. до н.э. главную опасность для ассирийского владычества представляли уже не киммерийцы, а скифы во главе с царем Ишпакаем. Из клинописных источников известно, что на службе у ассирийского царя одно время находился даже киммерийский полк. С 70-х годов VII в. до н.э. основная масса киммерийцев перемещается на территорию Малой Азии, где клинописные тесты фиксируют их наибольшую военно-политическую активность. Киммерийцы совместно с Урарту напали на Фригию и убили знаменитого фригийского царя Мидаса. По другому преданию, записанному Страбоном, Мидас, не вынеся позора поражения, сам отравился бычьей кровью. В 660 гг. до н.э. киммерийцы нападают на Лидию, лидийский царь Гигес, не имея достаточно сил для отпора, обратился за помощью к Ассирии, но вскоре погиб.

Апогей могущества киммерийцев приходится на время правления царя Дугдамме (у греческих авторов он известен как Лигдамис) в середине VII в. до н. э. Он вновь нападает на Лидию и захватывает ее столицу город Сарды, хотя и не сумел взять ее хорошо укрепленного акрополя (об этом подробно рассказывает Геродот)⁵⁷. Здесь дело доходит до столкновения киммерийцев с ионийскими греками. Киммерийцы захватывают некоторые греческие города: Магнесию, Эфес, где разоряют знаменитый храм Артемиды. Греческий поэт Каллин в одном из своих стихотворений как раз в середине VII в. до н.э.

⁵⁷ Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, 2005. С. 120.

призывал молодежь бороться против этого опасного врага: *«Ныне орда киммерийцев ужасных на нас наступает»* (Strabo: XIII,4,8)⁵⁸.

Однако после гибели Дугдамме в Киликии, по одной из версий, от скифского царя Ишпакая, могущество киммерийцев быстро тает, в результате на какое-то время они закрепляются в окрестностях Синопы на южном побережье Черного моря, где их знает Геродот (Hdt: IV, 12). В клинописных источниках здесь же вновь упоминается страна Гаммира. В это время сильный удар киммерийцам нанесли скифы во главе с царем Мадием. *«В течение двадцати восьми лет скифы властвовали над Азией, и за это время они, преисполненные наглости и презрения, все опустошили. Ибо, кроме того, что они с каждого взимали дань, которую налагали на всех, они еще, объезжая страну, грабили у всех то, чем каждый владел»* (Hdt: I, 106, 1).

Неясные сведения о киммерийцах есть и в Библии. В так называемой «Таблице народов», составленной в VIII в. до н.э., среди сыновей Ияфета упоминается *Гомер* – в такой форме передается аккадский этноним *гаммирра*. Любопытно, что среди сыновей Гомера назван *Ашкеназ = Ашкуза* (Скиф). К концу VII в. до н.э. киммерийцы окончательно сходят с политической арены Ближнего Востока. Последние упоминания их относятся к 614-611 гг. до н.э.

Но память о киммерийцах-гаммири на Востоке и Кавказе сохранялась веками. В VI в. до н.э., когда киммерийцев на Ближнем Востоке уже не было, вавилонские писцы термином *гаммири* обозначали скифов и саков, подобно тому, как спустя тысячелетия византийские авторы именовали славян и русов скифами. Армяне еще долго называли Каппадокию страной *Гамирк*. В грузинском языке сохранилось слово «гмири», что означает богатырь», «Великан». В осетинском героическом эпосе «Сказания о нартах» еще в XIX

⁵⁸ Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, 2005. С. 113.

в. упоминались *богатыри-гумиры*, которые предшествовали собственно осетинским (аланским) героям-нартам.

1.2. Античная литературная традиция о киммерийцах

Недавно она также подробно проанализирована А.И. Иванчиком ⁵⁹ и С.Р. Тохтасьевым ⁶⁰. Поэтому мы используем лишь результаты их анализа с нашими критическими замечаниями. В античной традиции имя киммерийцев впервые упоминает Гомер (**рис. 1**) в поэме Одиссея (XI, стк.14). Здесь рассказывается о том, что храбрый Одиссей решил спуститься в Аид и там у мертвого прорицателя Тиресия узнать, когда он сможет вернуться на родную Итаку. В этом рассказе Гомер помещает страну киммерийцев где-то на северном краю ойкумены у «глубоко текущих вод Океана», данном случае, скорее всего, на противоположном северном берегу Черного моря. В XI песне со слов главного героя Страна киммерийцев, предстает перед глазами в весьма мрачных тонах: *«Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло предела глубоководного Океана. Там народ (δήμος) и полис (πόλις) людей киммерийских, окутанные мглой облаков и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами – ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными»*. (Одиссея XI, 14).

⁵⁹ Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, 2005.

⁶⁰ Tokhtas'ev S R. Die Kimmerier in der antiken Überlieferung, Hyperboreus. 1996; его же. Источниковедческие проблемы истории киммерийцев : автореф. ... канд. Ист. Наук. СПб, 1999. 19 с.

Свидетельство древнегреческого поэта, таким образом, показывает, что в гомеровскую эпоху греки непосредственно с киммерийцами до этого, видимо, не сталкивались и, поэтому никакой информацией, кроме их этнонима, не располагали. Киммерийцы описываются у Гомера, как полумифический народ людей, живущих в стране, покрытых мглой и тучами, у пределов глубокого Океана, в который не проникают лучи солнца (Одиссея, XI, стк.12-19) Но именно эти строки гомеровские поэмы сделали образ киммерийцев, живущих в мрачной стране на краю обитаемого мира, популярными в античной литературе.

Нужно отметить, что гомеровское свидетельство о *«народе и городе людей киммерийских»* содержит ряд противоречий. Во-первых, страна киммерийцев находится по ту сторону Океана, который по представлениям греков омывал Ойкумену⁶¹. Скорее всего, здесь в ранних греческих географических представлениях под Океаном понимается Черное Море, которое греки в VIII в. до н.э. еще не выделяли в отдельный водоем⁶². А.И. Иванчик убедительно доказал, что в тексте Одиссеи действительно упоминаются киммерийцы. Значит они уже были известны грекам, как минимум, к концу VIII – началу VII вв. до н.э.

Но главную загадку этого свидетельства Гомера составляет его сообщение о *«народе и городе людей киммерийских»*. Упоминание города никак не согласуется с последующей устойчивой античной традицией о киммерийцах как номадах-кочевниках. Хорошо известно, что слова «полис» и «демос» греки употребляли исключительно к цивилизованным народам с городским образом жизни. Чтобы выйти за пределы этой коллизии С.Р. Тохтасьев предложили искать Страну киммерийцев на Колхидской

⁶¹ Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, 2005. С. 67-82

⁶² Там же. С. 67-82.

низменности, приведя более чем слабую аргументацию со ссылкой на туманную низменность в устье Фасиса⁶³. Очень близкую локализацию «Страны киммерийцев «Одиссеи» предлагает и А.И. Иванчик. По его мнению, это – мифическая Эйя – Колхида⁶⁴. Таким образом, как мы видим, оба автора строят очень громоздкую и малоубедительную концепцию, чтобы вывести киммерийцев за пределы северо-причерноморских степей.

Совсем недавно появилась третья еще более экзотическая версия локализации киммерийцев уже на северо-востоке Понта, а именно – на Тамани, где Д.А. Мачинский и В.Т. Мусбахова предлагают искать о. Эйю (Айяю), по соседству с которой лежит Гермонасса – хорошо известный таманский топоним. По их мнению, здесь-то и обитают несчастные киммерийцы, которые *«никогда не видят сияющее солнце»*⁶⁵. Так под пером Д.А. Мачинского и В.Т. Мусбаховой киммерийцы появились на Кубани.

Здесь мы специально не затрагиваем еще более сложную проблему о соотношении киммерийцев с *гомеровских гиппемолгами («доителями кобылиц»)* и галактофагами – буквально «млекоедами», а также абиями – «справедливейшими людьми» из Илиады (XIII, 1-7). Более позднее упоминание гиппемологов вновь расшифровывает данный этноним, как принадлежащий киммерийцам. Александрийский филолог Каллимах (конец IV – вторая треть III вв. до н.э.) в гимне «К Артемиде» утверждает о том, что

⁶³ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 49-50.

⁶⁴ Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, 2005. С.64.

⁶⁵ Мачинский Д.А., Мусбахова В.Т. Остров Кирки, и изображение на Келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (По Одиссее и археологическим материалам // БФ – 2009. Искусство на периферии Античного мира. СПб, 2009, с. 319-355.

гиппемологи киммерийцы живут отдельно от других у самого пролива Инаховой телицы (Каллимах, 248-258) ⁶⁶.

В античной литературной традиции ключевое свидетельство о киммерийцах принадлежит Геродоту (**рис. 2**), которое излагает общее для эллинов и варваров предание («третий рассказ» Геродота о происхождении скифов) следующим образом: *«Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами, ушли, перейдя реку Аракс в Киммерийскую землю (именно ее теперь и населяют скифы, а в древности, как говорят, она принадлежала киммерийцам...»* (IV, 11). Итак, согласно представлениям Геродота, древнейшим доскифским населением Северного Причерноморья были киммерийцы, которых скифы вытеснили из их страны силой. Для подтверждения древности обитания этого народа в северопонтийском регионе «отец истории» приводит киммерийскую топонимию: *Киммерийские стены, Киммерийские переправы, страна Киммерия, Боспор Киммерийский* (IV, 12).

Здесь уместно заметить, что все ссылки авторов-гиперкритиков на фиктивность, искусственность этого интереснейшего геродотова свидетельства отличаются голословностью и отсутствием сколь-нибудь убедительной аргументации, не говоря уж об анализе этого пассажа, как якобы продукта позднейшего творчества Геродота или скорее его ионийских предшественников⁶⁷. Никаких аргументов, помимо их возможных имен, не приводится. Сам Геродот этому рассказу полностью доверяет (IV,11). Доверяют и подавляющее большинство современных исследователей, хотя бы потому, что фактически «Отец истории» первым описал известный закон

⁶⁶ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. М., 1996. С. 119-122.

⁶⁷ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С.21-22

«пульсации степей»⁶⁸ и «обретения родины» (нем. Land name) у кочевников. Принципиально не анализирует это уникальное свидетельство и А.И. Иванчик.

Таким образом, самая ранняя бесспорная локализация киммерийцев в Северном Причерноморье принадлежит «отцу истории», хотя следует помнить, что он жил примерно спустя три века после описываемых событий. У него киммерийцы выглядят конкретным историческим народом, вытесненным из Северного Причерноморья пришельцами-скифами. По представлениям Геродота о киммерийцах можно сделать вполне определенные заключения:

1. Основной областью обитания киммерийцев был Восточный Крым, где сосредоточена их топонимия (IV, 12). В тоже время могила (явно хорошо заметный курган) киммерийских вождей, по его словам, и теперь видна у реки Тираса – Южного Буга, т.е. в Северо-Западном Причерноморье (IV, 11)⁶⁹.

2. Чуть раньше Геродот называет Киммерийской землей страну, ныне населенную скифами, т.е. Северное Причерноморье (IV, 11).

3. Геродот девять раз упоминает киммерийцев. И хотя его сведения о киммерийцах весьма скупы, по ним можно сделать некоторые конкретные выводы. Легкость, с которой простой народ решил отдать скифам родную землю, свидетельствует о большой подвижности киммерийцев, характерной для кочевников. О кочевом характере киммерийцев говорит и их тактика военных действий на Ближнем Востоке. (Hdt., I, 6). *«Нашествие киммерийцев... не было длительным завоеванием, а скорее простым набегом для захвата добычи»*, — сообщает Геродот (I, 6, 15). Сопоставление этих

⁶⁸ Мачинский Д.А. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья // Кочевники евразийских степей и античный мир. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1989. С. 7-30.

⁶⁹ Черняков И.Т. Могила царей киммерийских у реки Тираса (историко-археологический комментарий) // Историческое краеведение Одесщины: Сборник материалов. Вып. 1. Одесса, 1992.

свидетельств с более ранними упоминаниями Гомера гиппемолгов и абиев позволило некоторым греческим авторам эллинистической эпохи отождествить последних с киммерийцами⁷⁰.

3.1. Археологические источники

В течение долгого времени археологические источники не привлекались для решения киммерийской проблемы в силу отсутствия какой-либо специфической информации о культуре киммерийцев, сопоставимой с археологическими материалами⁷¹. Лишь к концу XIX в., исходя из логики предшествования погребений киммерийцев скифским, хорошо изученным к тому времени, русские археологи стали отождествлять с киммерийцами курганные погребения с т.н. «скорченными и окрашенными костяками»⁷². Понадобилось еще полвека, чтобы российские и украинские археологи научились выделять погребения позднейшего предскифского периода IX - середины VII до н.э., которые непосредственно предшествовали раннескифским. Эта нелегкая работа завершилась выходом в 1976 г. фундаментального труда А.И. Тереножкина «Киммерийцы»⁷³, в котором, казалось бы, киммерийская проблема археологически решена безупречно раз и навсегда. Ему удалось убедительно выделить две последующие ступени позднейших предскифских древностей в степях от Дуная до Волги: черногоровскую 900-750 гг. до н.э. и новочеркасскую 750-650 гг. до н.э.

⁷⁰ Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, 2005. С. 42-43.

⁷¹ Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. С. 16.

⁷² Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли. М., 1908. С. 141-145.

⁷³ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 224 с.

Подавляющее число археологов с энтузиазмом встретили выход этой важной книги. Тем более, что в Северном Причерноморье и Волго-Донском междуречье число погребений черногооровского и новочеркасского типа увеличивалось чуть ли не в геометрической прогрессии.

Тем временем в археологии Восточной Турции произошли два важных события, на первых порах не замеченные нашими ученым. В 1972 г. германский археолог К. Гауптман раскопал два нетронутых конских кочевнических захоронения в больших прямоугольных ямах на акрополе Норшунтепе, причем во втором погребении найдены остатки железного пластинчатого панциря⁷⁴. Уцелевший сопровождающий инвентарь имел ярко выраженный раннескифский облик и не мог датироваться позже середины VII в. до н.э. Еще одно раннекочевническое погребение было разграблено у д. Имирлер в Восточной Анатолии близ Амасьи⁷⁵. Оно также было совершено в большой квадратной яме. Судя по остаткам здесь был погребен воин-всадник с конем. Его инвентарь еще более выразительный, чем в Норшунтепе: длинный железный акинак, биметаллический клевец, бронзовые удила со стремечковидным окончанием, бронзовый вток и набор бронзовых наконечников стрел. Из клинописных текстов было известно, что этот район в это время занимали не скифы, а киммерийцы. Спустя два десятилетия, погребения в Восточной Анатолии дали основания ряду российских ученых радикально пересмотреть вопрос о характере культуры киммерийцев.

Остро встал вопрос не только об этнокультурной принадлежности восточноанатолийских погребений, но и о характере киммерийской культуры, поскольку сопровождающий инвентарь и в Норшунтепе, и в Имирлере был практически идентичен самому раннему скифскому. Так в результате

⁷⁴ Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasiens. Festschrift für K. Bittel. Frühmittelalterliche Funde an der nordkaukasischen Seidenstraße. München, 1983. S. 251-270.

⁷⁵ Там же. S. 268-269

открытий в Восточной Анатолии киммерийская проблема еще более усложнилась. Сторонники новой гипотезы на основании этих единичных открытий поставили под вопрос киммерийскую принадлежность сотен северопричерноморских погребений черногоровского и новочеркасского типа, поскольку те разительно отличались от раннескифских и были еще более древними. И это при том, что никаких прямых свидетельств письменных источников о киммерийской принадлежности именно этой многочисленной группы северопричерноморских погребений погребения IX-VII вв. до н.э. не было, да и не могло быть, поскольку в то время Северное Причерноморье еще не было заселено греками.

Завершая эту главу стоит мнением выдающегося советского востоковеда Игоря Михайловича Дьяконова⁷⁶. Проанализировав упоминания киммерийцев в различных ближневосточных источниках, он пришел к заключению, что киммерийцы-*гиммираи* – это не конкретный народ-этнос, а историческая фикция. В клинописных текстах этим словом обозначался просто «конный подвижный отряд» без подчеркивания его этнического содержания – аналог более древнему аккадскому «*умман манда*». Именно так ассирийцы и вавилоняне называли орды конных варваров, вторгавшихся с севера в VIII-VII вв. до н.э. Действительно, киммерийцы в источниках VIII-VII вв. до н.э. предстают перед нами как летучие конные отряды, первые применявшие тактику конной атаки, обычную для скифов и других евразийских кочевников. По его мнению, в этническом отношении они были близки или идентичны ранним скифам. Эту точку зрения приняли многие специалисты (И.В. Куклина, А.Ю. Алексеев, А.И. Иванчик, С.Р. Тохтасев и др.). В тоже время эта гипотеза не объясняет одного принципиального факта

⁷⁶ Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории ("киммерийцы") // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. С. 90 - 100.

различного наименования киммерийцев и скифов в ассирийских и вавилонских источниках. Они их легко различали.

Собранные в этой небольшой главе факты показывают всю сложность и многогранность киммерийской проблемы, стоящей на стыке ряда наук: истории, археологии, лингвистики и др. Как уже отмечалось во Введении в основу настоящей диссертационной работы положен исторический принцип – рассмотрение киммерийской проблемы в развитии от ее истоков до современного состояния. Прежде всего нас интересует правомерность соотнесения с киммерийцами тех или иных групп археологических памятников на Юге Восточной Европы и Ближнем Востоке и степень ее обоснования. Основная проблема сокрыта в том, что для этого нужно сопоставлять разнообразные по своему характеру типы источников по истории киммерийцев. Правильнее даже будет сказать – различные источники по содержащейся в них информации: захоронения людей с погребальным инвентарём (археология) и перечень сведений о киммерийцах из разных литературных традиций (клинописной, эпической, прозаической), дошедших до нас, как правило, во фрагментарной форме⁷⁷.

Однако, если посмотреть на эту проблему с другой стороны, то необходимо отметить, что археологические источники, которые анализируют исследователи, как самая внушительная группа источников – неотъемлемый элемент того, что на самом деле было в прошлом. Конечно, этот тоже лишь фрагмент, и весьма ограниченный (отдельные захоронения и могильники). Естественно, на основании анализа этих источников выявляются культовые черты населения, оставившего погребальные комплексы. Но отражает ли эта культурная специфика этнографические признаки? Вероятность этого мала. Вследствие этого, учёные и прибегают к «помощи» письменных памятников,

⁷⁷ Медведев А.П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону (проблем этнокультурной интерпретации) // ВДИ. 2002. № 3. С. 163 – 164.

в которых, как правило, фиксируется какой-либо древний народ на условно определенной территории. Исследователю приходится довольствоваться тем, что определенная группа археологических памятников «по месту и времени» соотносится с упоминанием на этой территории того или иного древнего народа⁷⁸. Все эти трудности присущи киммерийской проблеме, которую в историческом аспекте мы будем рассматривать в последующих главах.

⁷⁸ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 59.

ГЛАВА 2. КИММЕРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX вв.

2.1. Появление «киммерийской эпохи» в археологических периодизациях конца XIX – начала XX вв.

Прежде, чем перейти непосредственно к теме нашего исследования, хочется отметить, что ещё в XVIII в. русские историки спорадически обращались к киммерийцам, как древнейшему народу на территории Российского государства. Так, отец русской историографии В.Н. Татищев, составил полный перечень племён народов, когда-либо населявших территорию России. Он тщательно пересмотрел весь историко-географический материал, имевшийся к тому времени, при этом разоблачив несколько этнографических легенд, которые объединяли племена по созвучию. Так, В.Н. Татищев первым указал на неправильность отождествления киммерийцев Причерноморья с германским племенем кимров или гетов – с готами⁷⁹. Н.М. Карамзин считал, что предшественники скифов в русском Черноморье были киммерийцы – кимвры (германцы)⁸⁰.

Предваряя главу о поиске киммерийских древностей в «археологическом поле», необходимо отметить, что об этом народе учёные XIX в. в России знали прежде всего благодаря публикации «Реального словаря классических древностей» (с нем. – *Reallexikon des klassischen Altertums für Gymnasien*). Эта энциклопедия стала учебным пособием в немецких, а после перевода 1882 г., и русских классических гимназиях. В РСКД статья «*Сimmerii, Киммерію*» содержит компиляцию сведений из «Одиссеи» Гомера

⁷⁹ Татищев В. История Российская (в 3-х т.). Т. 1. М., 2005. С. 92, 411.

⁸⁰ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти томах. Т. 1. Под ред. А. Н. Сахарова. М., 1989. 640 с.

(Одиссея, XI, 14 слл.) и Геродотовой истории (Hdt: 1, 15. 4, 11) ⁸¹. Причём гомеровский пассаж здесь сразу подвергнут сомнению – «...Разуметь под ними народ исторический невозможно...». В тоже время авторы, следуют за Геродотом, помещают киммерийцев у Азовского моря на Таврическом полуострове, а также в Сарматии(?). Этому народу составители РСКД приписывают частые вторжения в Азию из-за натиска скифов (в том числе взятие и разграбление Сард в 650 г. до н.э.). Киммерийцы, как народ, прекращают своё существование из-за разгрома их лидийским царем Алиаттом.

Кроме этого, на русских археологов и антиковедов этого времени оказывали влияние гипотезы, разработанные зарубежными исследователями. Немецкие историки на основании анализа только античной литературной традиции полностью исключали киммерийцев как реальный народ из истории Северного Причерноморья. Хорошо известен вердикт авторитетного антиковеда Карла Мюлленгоффа: *«Вне Малой Азии народ с этим именем исторически неизвестен нигде»* ⁸².

Необходимо подчеркнуть, что этот вывод закрепился у антиковедов надолго. Тот же вывод мы находим в статье о киммерийцах в энциклопедии Паули-Виссова (см., например: Lemman-Haupt 1921, coll. 397-434)⁸³ и других ученых конца XIX в – первой четверти XX в.

В русской археологии предскифские памятники в XIX в. не были известны просто потому, что их было трудно вычлениить из массы позднебронзовых и раннежелезных захоронений при достаточно низком уровне методики полевых и камеральных исследований.

⁸¹ Реальный словарь классических древностей по Любкеру. Издание Общества классической филологии и педагогики. СПб, 1885, с. 288.

⁸² Müllenhoff, K. Deutsche Altertumskunde / K. Müllenhoff. – Bd.3. – Berlin, 1896. S. 20.

⁸³ Lemman-Haupt C. F. Kimmerier // RE XI. 1. 1921. Coll. 397-434.

Первым из дореволюционных учёных, обстоятельно подошедших к понятию «киммерийской культуры», стал профессор Варшавского, а затем Московского университетов Д.Я. Самоквасов (рис. 3). Он был маститым «полевым» археологом, под его непосредственным руководством к середине 1880-х гг. на территории Восточной Европы было раскопано не менее 700 курганов⁸⁴. Это подтолкнуло учёного к составлению периодизации курганных древностей южной и средней России.

В 1892 г., в опубликованном в Варшаве труде «Основания хронологической классификации [могильных древностей Европейской России], описание и каталог коллекции древностей профессора Д.Я. Самоквасова»⁸⁵, он попытался построить авторскую хронологию дописьменного периода истории России. В получившейся периодизации, которая базировалась на системе трёх веков датчанина К. Томсена, русский учёный выделил и киммерийской эпоху. Её по хронологии он разместил ниже скифского периода. К такому выводу учёный пришёл, основываясь на рассмотренном рассказе Геродота об изгнании киммерийцев скифами из Северного Причерноморья в глубины Азии (Hdt: IV, 11, 12). В археологическом отношении для киммерийцев Северного Причерноморья по Д.Я. Самоквасову были характерны наиболее древние захоронения, сопровождающиеся каменными и бронзовыми орудиями труда.

Взгляды Д.Я. Самоквасова оказались итогом знаний позапрошлого столетия об археологии людей, которых он считал киммерийцами. Более подробно он был раскрыт исследователем в монографии «Могилы русской земли». В ней были опубликованы результаты многолетних раскопок учёного

⁸⁴ Пряхин А.Д. История отечественной археологии. Воронеж, 2005. Ч. I. С. 91-92; Голотвин А.Н. Д.Я. Самоквасов и археологическое изучение "славяно-русских древностей": автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Воронеж, 2010. 20 с.

⁸⁵ Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации могильных древностей Европейской части России. Варшава, 1892.

курганов разного времени. Д.Я. Самоквасов выступал активным сторонником комплексного подхода к анализу археологических источников и данных античных авторов. Ему было важно определить не только хронологию культуры, но и её этническую наполненность. При всём этом, ссылаясь на практически полное отсутствие источников, и письменных, и археологических, исследователь ограничился в своих размышлениях лишь разграничением памятников во времени. Он считал, что киммерийская эпоха на юге страны отличалась отсутствием навыков обработки железа и производства из него орудий труда. Захоронения этих кочевников, по мнению Д.Я. Самоквасова, отличались от некрополей следующих исторических эпох в основном тем, что не содержали в себе орудия труда и бытовые предметы из железа. Сопутствующий инвентарь киммерийцев состоял из керамической посуды, орудий из кости, камня и меди ⁸⁶.

Практически одновременно с Самоквасовым киммерийской эпохой занимался член ИРАО, военный историк Н.Е. Бранденбург. Его археологические исследования были сосредоточены над решением целого ряда задач, одной из которых являлось определение и классификация погребений со «скорченными и окрашенными костяками». Полевые работы Н.Е. Бранденбурга в Днепро-Донском междуречье, проводившиеся с 1888 по 1902 гг., позволили учёному выявить значительное количество погребений эпохи бронзы, позднее отнесенные к ямной, катакомбной, бабинской и срубной КИО. Он обратил внимание на то, что среди сопровождающего покойных инвентаря имелось достаточно много бронзовых предметов. Опираясь на это, исследователь исключил возможность датирования этих погребений концом позднего каменного века Группу погребений «со скорченными и окрашенными костяками», содержащих металлические

⁸⁶ Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908. С. 141-145.

изделия, Николай Ефимович считал киммерийскими и датировал уже в рамках железного века ⁸⁷.

В последней четверти XIX в. граф А.А. Бобринский проводил археологические исследования, локализующиеся в районе Керчи и в Киевской губернии. В результате раскопок был опубликован его грандиозный труд «Курганы и случайные находки близ м. Смелы» в 3-х томах (I – 1886 г., II – 1894 г., III – 1901 г.). На страницах издания были представлены и погребения «со скорченными и окрашенными костяками». Автор датировал эти погребения по чисто внешним признакам. Если среди инвентаря захоронений были найдены только каменные орудия, он относил их к эпохе камня, и только при обнаружении в инвентаре бронзовых орудий погребения относились им к эпохе бронзы ⁸⁸. Только к середине XX в. Е.Ф. Покровская убедительно доказала, что часть захоронений, открытых А.А. Бобринским близ Смелы относятся к предскифскому периоду и могут быть сопоставлены с киммерийскими ⁸⁹.

Точка зрения Д.Я. Самоквасова на киммерийскую эпоху, как предшествующую скифской, была вскоре подтверждена в энциклопедических изданиях конца XIX – начала XX вв. Так, в вышедшем в 1895 г. XV томе «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (ЭСБЕ) про киммерийцев помещена статья выдающегося немецкого историка-востоковеда Эдуарда Мейера из его работы «*Gesch. des Altertums*»⁹⁰. В статье сказано, что около VIII в. до н.э. «киммерийцы были изгнаны из своей родины перешедшими

⁸⁷ Бранденбург Н.Е. Об аборигенах Киевского края // Труды XI археологического съезда. Т. I. М., 1899. С. 155.

⁸⁸ Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы // Т. II. СПб., 1894. 232 с.

⁸⁹ Покровська Е.Ф. Кургани передкіфського часу в басейні р. Тясмин // Археологія. 1953. Т. VIII. С. 128-137.

⁹⁰ Meyer Ed. *Gesch. des Altertums*. I. 452-455.

через Дон с востока сколотами-скифами»⁹¹. Эта заметка примечательна тем, что для её написания немецким автором привлекались не только данные Геродота, но и аккадоязычные тексты. Однако какие-либо археологические сведения в статье отсутствовали, несмотря на то, что редактор отдела истории XV тома ЭСБЕ Н.И. Кареев, как основатель и член Исторического общества при Петербургском университете, наверняка был знаком с фундаментальной работой Д.Я. Самоквасова.

В более поздних двух изданиях «Малого энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (МЭСБЕ) статья про киммерийцев лаконичнее, но новых сведений, в том числе археологических, не содержит: «Киммерийцы, (Kimmerios), в «Одиссее» Гомера баснословный народ на крайнем Западе океана, окутанный в вечный мрак. Исторические киммерийцы – кочевые всадники на С. Черного моря, в VII в. до Р. Хр. разорили Малую Азию и были уничтожены лидийцами»⁹².

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. киммерийцы из сочинений историков стали время от времени появляться и в курганной археологии. Правда, чаще всего с ними по времени отождествляли погребения бронзового века со скорченными и окрашенными костяками. Ход мыслей русских археологов в целом был правильным (киммерийцы должны предшествовать хорошо изученным археологически скифам), но они ошиблись на одну-две археологические эпохи, так как связывали с киммерийцами гораздо более древние захоронения.

Однако, процесс накопления археологического материала по степным районам Северного Причерноморья постепенно заставлял учёных менять точки зрения. И основное археологическое открытие этого времени – раскопки

⁹¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XV. 1895. С. 62.

⁹² Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. I. Вып. 2. 1907. С. 201.

В.А. Городцова в Изюмском и Бахмутском уездах (1901–1903 гг.)⁹³ - существенно продвинули этот процесс. Изучение стратиграфии и материалы раскопок разнотипных погребений дали возможность хронологически разграничить погребения с окрашенными и скорченными скелетами на несколько видов. Все они еще относились к эпохе бронзы. После этого открытия их отождествление с киммерийцами стало затруднительным. В.А. Городцовым была выделена триада ямной, катакомбной и срубной культур бронзового века, установлена их последовательность. Правда в отдельную группу он вынес погребения в насыпях курганов и на горизонте, установив их близость по обряду погребения и инвентарю к срубной культуре. Однако, по мнению учёного, данная группа памятников появилась в результате новой миграции – но с киммерийцами он их не связывал⁹⁴.

Следующим учёным, который попытался решить киммерийскую проблему на ином профессиональном уровне и иных источниках стал М.И. Ростовцев (**рис. 4**). Не имея возможности своевременно издать свою фундаментальную работу «Скифия и Боспор», он, накануне эмиграции из Советской России, выпустил в 1918 г. небольшую книгу – общий очерк «Эллинизм и Иранство на юге России»⁹⁵ в послереволюционном Петрограде, Эта книга была в расширенном варианте переиздана им в Оксфорде на английском языке практически под тем же названием «Iranians and Greeks in South Russia»⁹⁶ в 1922 г.

⁹³ Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, 1901 г. // Труды XII археологического съезда. Т. I. М., 1905. С. 174-340; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. // Труды XIII археологического съезда. Т. I. М., 1907. С. 211-365.

⁹⁴ Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН. Т. III. М., 1928.

⁹⁵ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград, 1918. 188 с.

⁹⁶ Rostovtseff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922.

Учёный начинает анализ проблемы с вопроса о родстве киммерийцев и скифов. Он отмечает, что этот вопрос чрезвычайно труден⁹⁷. По его мнению, и данные античных авторов, и сведения аккадских текстов, распознают эти два народа, как отличающиеся друг от друга⁹⁸. В тоже время М.И. Ростовцев полагал, что именно эллинские авторы упорно доказывали генетические связи киммерийских племён с фракийскими. Он отмечает, что античные тексты подтверждают миграцию киммерийцев именно с Балканского полуострова, а не с востока в противовес аккадоязычным хроникам и оракулам⁹⁹.

Таким образом, следуя только письменной традиции и проигнорировав наработки русских ученых в изучении скорченных и окрашенных костяков, известнейший антиковед считал, что киммерийцы не являлись коренным восточноевропейским народом. Им, по культуре были родственны фракийские племена, с которыми они вступали в контакты не только на Балканах, мигрировав туда из южнорусских степей, но и в Малой Азии, где проживал конгломерат фракийских племен, перешедший туда с Балканского полуострова в более раннее время. Встреча этих этнических групп с киммерийцами произошла, по мнению М.И. Ростовцева, уже на западном берегу Понта, когда последние возвращались из Урарту¹⁰⁰.

Только после возвращения из переднеазиатских походов М.И. Ростовцев считал несомненным не только переход киммерийцев через степи Северного Причерноморья, но и их проживание на указанной территории в течении длительного периода времени. Основные его доводы сводятся к данным Геродотовой топонимики. По мнению исследователя, целая серия географических названий, в особенности в непосредственной близости к древнему Боспору Киммерийскому, имели указующую приставку

⁹⁷ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. С.30.

⁹⁸ Там же. С. 39.

⁹⁹ Там же. С. 27.

¹⁰⁰ Там же. С. 27-28.

«киммерийский». В качестве примера М.И. Ростовцев приводит следующие названия: поселение Киммерик (Опук (?), современный учёному), второй Киммерик на севере Таманского полуострова, «Киммерийская переправа» («Киммерийский брод» = Керченский пролив) и др. Эти топонимы, согласно представлениям учёного, демонстрируют длительную задержку киммерийцев у Боспора. А высказанные Геродотом сведения о столкновениях в районе Днестровского Лимана между киммерийцами (вернее их царями-басилевсами) и народом (покоренным населением по М.И. Ростовцеву) подтверждают гипотезу о том, что на западе волна рассматриваемых номадов дошла почти до Балкан ¹⁰¹.

М.И. Ростовцев полагал, что вместе с тем, киммерийцы, первоначально в объединении, а затем в противостоянии со скифами, прошли с опустошительными набегами по малоазийским государствам. По мнению исследователя, собственно эта кочевническая волна произвела очень сильное впечатление на всю Малую Азию и глубоко закрепились в сознании местных этногрупп. Затем данное предание проникло в труды греческих авторов ¹⁰².

М.И. Ростовцев даже полагал, что киммерийцы основали в малоазийском регионе своё государство ¹⁰³. В качестве аргументации этой точки зрения, он приводит довод о том, что в областях Малой Азии, хранящих предание об их подчинении киммерийцам, сохранились легенды об амазонках (античные авторы часто путали тех и других). Центр их государственного образования находился на р. Фермодонт, к югу от Черного моря. А античные легенды затем передвигают сказания о женщинах-воительницах на берега Азовского моря. Обосновывая связь киммерийцев и амазонок, М.И. Ростовцев приводит легенду Геродота о брачных союзах скифской молодёжи и занесённых в Азовское море амазонах Фермодонта. По рассказу Геродота от

¹⁰¹ Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. С. 28.

¹⁰² Там же. С. 28-30.

¹⁰³ Там же. С. 30.

этих связей пошли савроматы ¹⁰⁴. Согласно концепции М.И. Ростовцева, по закону места и времени упоминания в греческих источниках амазонок наиболее близки киммерийцам. Именно поэтому он предполагает выдающуюся роль женщин для киммерийцев в их военной и племенной иерархии, допуская у них матриархальный строй ¹⁰⁵, правда ничем не подтвержденный. Таким образом, близость киммерийцев к амазонкам и фракийцам казалась М.И. Ростовцеву очевидной.

Таким образом, Михаил Иванович оспаривал утвердившуюся в науке начала XX в. интерпретацию погребений со скорченными и окрашенными костяками, как оставленных древними киммерийцами. Он считал, что ни хронология этих захоронений, ни их наиболее характерные черты в обряде и инвентаре не дают серьёзных оснований для сближения киммерийцев и «скорченников».

Доказывая близкие культурные связи киммерийцев и фракийцев, М.И. Ростовцев помещал центр Киммерийской причерноморской державы в Тамань и Приазовье. Вещественное свидетельство тому он видел в стилистических и технических приёмах изготовления древнейших местных орудий и украшений из бронзы, выполненных в зверином стиле. Ещё одна смежная область двух культур, по мысли учёного – религия. Поклонение сильному женскому божеству, великой богине было свойственно не только для всего фракийского мира, но и для Тамани и Приазовья. Амазонки в концепции М.И. Ростовцева выступают в качестве служительниц культа верховного женского божества ¹⁰⁶.

Все это позволило исследователю заключить, что киммерийские племена, как генетически связанные с фракийцами, были одной из ветвей алародиев – яфетического племени. По мысли учёного, киммерийцы

¹⁰⁴ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. С. 30.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. С. 32.

«...последними, после Митанни, хеттов и халдов, попытались создать мировую причерноморскую державу и упрочить господство алародийцев в северо-западной части восточного мира»¹⁰⁷. Теми яфетическими чертами, которые влились в новую культуру, распространившуюся на побережье Черного моря и которые не перемешались с иранскими и эллинскими заимствованиями в степях южной России, позднейшие народы этой полосы, по мнению учёного, обязаны именно киммерийцам¹⁰⁸.

Финал киммерийской эпохи на юге России, согласно концепции М.И. Ростовцева, был связан со скифами – мощной волной номадов, перекочевавших с Востока. Именно они являлись носителями иранской культуры. По его расчетам случилось это только в VI в. до н.э. Хронологию учёный подтверждает археологически. Именно этим временем он датирует появившиеся в погребениях юга России предметы азиатского и иранского происхождения¹⁰⁹.

2.2. Археологический поиск киммерийцев в трудах советских учёных 20-40-х гг. XX в.

Необходимо отметить, что в 20-е гг. XX в. киммерийская проблема постепенно выходит на международный уровень и интересует прежде всего тех учёных, которые учились и работали в бывших русских университетах – Тартуском, Хельсинском, Варшавском. Польский археолог, профессор Варшавского университета В. Антонец видел в киммерийцах одно из племен фракийского происхождения¹¹⁰. Он высказывал предположение о глубинных истоках киммерийцев в Западной Подолии. По его мнению, в

¹⁰⁷ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. С.32.

¹⁰⁸ Там же. 32-33.

¹⁰⁹ Там же. С. 33.

¹¹⁰ Antoniewicz W. Archeologia Polski. Warszawa, 1928. S.108, 125.

конце эпохи бронзы киммерийские племена были вытеснены отсюда и частично ассимилированы населением лужицкой культуры.

Финский археолог, профессор Тартуского и Хельсинского университетов А. Тальгрэн, рассматривал киммерийцев, как фракийское племя, жившее около Карпат. Он утверждал, что позднее они распространились к востоку вплоть до Кавказа ¹¹¹.

Но наиболее важный шаг в разработке киммерийской проблемы в те годы сделал В.А. Городцов¹¹² (рис. 5). Руководствуясь собственной концепцией истории бронзового века, намеченной в начале 1900-х гг., В.А. Городцов в 1920-х гг. предпринял попытку вычленив из общей массы памятников эпохи бронзы такие древности, которые следовало бы отнести по времени к «киммерийской эпохе». Причём, он обратил внимание на самый поздний этап их нахождения в степях юга Восточной Европы. В.А. Городцов предположил, что именно в этот период по боевой силе киммерийские племена могли удачно состязаться с наиболее развитыми народами древнего мира – ассирийцами, лидийцами и другими. Здесь киммерийцы часто смешиваются со скифами. Из этого, по мнению В.А. Городцова, следует близость носителей двух кочевнических культур. Эта гипотеза стала основополагающей в концепции учёного. «Так как этот факт, – писал он еще в начале XX века, – указывает на отсутствие резкой разницы и в бытовой обстановке этих народов, то нужно полагать, что киммерийские памятники, если только они имеются в наших собраниях, скрываются в одной массе со скифскими» ¹¹³. Следует отметить, что В.А. Городцов почти на полвека

¹¹¹ Tallgren A.M. La pontide prescythique apres l'introduction des metaux // ESA. Vol. II. Helsinki, 1926. S. 217.

¹¹² Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН. Т. III. М., 1928.

¹¹³ Городцов В.А. Бытовая археология. М., 1910. С. 344.

опередил этой идеей И.М. Дьяконова, обратившегося к ней в середине 50-х гг. XX в.¹¹⁴

Необходимо отметить, что В.А. Городцов в своей статье «К вопросу о киммерийской культуре» наметил тот круг вопросов, которые актуальны и сейчас. Во-первых, едва ли не первым из археологов, учёный обратил внимание на то, что характеристика материальной культуры такого древнейшего этноса, как киммерийцы, возможна только с привлечением археологических древностей и вещественных памятников. История и лингвистика, по мнению исследователя, хоть и способны пролить свет на другие культуры древнейших времён, в отношении киммерийских племён находятся в достаточно непростой ситуации из-за малого количества данных. Из-за этого стремления осветить киммерийскую культуру в свете только лишь лингвистических сведений часто безосновательны и нередко просто неверны¹¹⁵. Фактически, учёный высказал мнение о том, что только на основе комплексного анализа материальных памятников можно построить приближенную к реальности историю этого древнего народа.

В.А. Городцов обратил внимание и на то, что греческие, персидские, ассирийские письменные источники фрагментарны. Из-за этого, они не сообщают расовое или этническое происхождение, время и длительность нахождения рассматриваемых племён в Северном Причерноморье, откуда они туда пришли. Этот вид памятников не описывает даже быт, духовную или материальную культуры¹¹⁶, в чем учёный был, конечно, не прав.

¹¹⁴ Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времён до конца IV в. до н.э. М.-Л., 1956.

¹¹⁵ Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН. Т. III. М., 1928. С. 46.

¹¹⁶ Там же. С. 47.

И, наконец третий и наиболее важный вопрос, в решении которого и заключается киммерийская проблема по мнению В.А. Городцова – это вопрос времени, места, этнической принадлежности киммерийцев.

Свой анализ он начинает с рассуждений о названии народа, повторяя сведения давно уже известные и востоковедам и антиковедам ¹¹⁷. Учёный приводит и сохранившиеся до Геродота топонимические сведения, упоминающие киммерийцев и встречающиеся в Северном Причерноморье – «Киммерийский Босфор» и «Киммерийский брод» (Керченский пролив), «Киммерийская стена» и «Киммерийские могилы на Тирасе» (на Днестре), киммерийские города (без указания конкретной локации). На основании этих данных он пытается очертить территорию занятую киммерийцами,

В.А. Городцов в своей концепции уделяет особое внимание социально-экономическим сторонам жизни киммерийского общества. Основными их занятиями он считал скотоводство и земледелие при первостепенной роли первого. Кроме того, подспорьем в их хозяйстве выступали охота и собирательство. Касаясь социальной структуры, В.А. Городцов отмечает, что правителями в указанной кочевнической среде выступали «царьки», которых, по сообщению Геродота, было принято погребать у реки Тирас (Днестр).

Однако для нашей темы наибольший интерес представляют археологические изыскания В.А. Городцова. Он исходил из правильной идеи, что памятники позднего этапа киммерийской культуры должны были иметь общую линию развития с близкими им по датировкам уже известными культурами начала железного века ¹¹⁸.

На Кавказе наиболее близкой, по мнению учёного, являлась кобанская культура; в Прикамье – ананьинская; западнее, в Европе – гальштатская. Для подтверждения данных им была составлена таблица с

¹¹⁷ Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН. Т. III. М., 1928. С. 48.

¹¹⁸ Там же. С. 48-50.

представленными в ней основными формами вещей, найденных на территории России, и возможно, оставленных киммерийцами (**рис. 6**). Чтобы выделить синхронную им киммерийскую культуру, необходимо было указать такие вещи в древностях Восточной Европы, которые хронологически и морфологически совпадали с древностями Кавказа, Прикамья и Западной Европы раннего железного века.

К сожалению, эту перспективную программу ни самому В.А. Городцову, ни его последователям в 20-30-е гг. XX в. осуществить не удалось. Основанием тому являлась ограниченность и малое количество археологических памятников переходного периода от эпохи бронзы к железному веку, известных к тому времени. Выделенную «киммерийскую археологическую культуру» В.А. Городцов «сконструировал» главным образом на предметах из кладов и случайных находок вещей из бронзы типа Райгородского или Кабаковского ¹¹⁹. В 1950-е гг. эти находки были более правильно атрибутированы, как принадлежащие к «сабадиновской ступени» срубной археологической культуры (сер. II тыс. до н.э.) ¹²⁰.

Десятилетием позже, занимаясь изучением нижнедонских городищ первых веков н.э., В.А. Городцов отмечал, что Кобяковское и Хапrowsкое городища возникли на местах стоянок, вероятно, принадлежавших киммерийцам, имевших бронзовые орудия и глиняные сосуды с геометрическим орнаментом, датированные им VIII в. до н.э. ¹²¹. Это уже было существенно ближе ко времени киммерийской эпохи. Но и это не помогло В.А. Городцову выйти на правильный путь поиска достоверных

¹¹⁹ Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН. Т. III. М., 1928. С. 51-59.

¹²⁰ Шарафутдинова И.Н. К вопросу о сабадиновской культуре // СА. 1968. №3. С. 16-34.

¹²¹ Городцов В.А. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 году // Памятники древности на Дону. Ростов н/Д., 1940. С. 3-6.

киммерийских древностей, так как указанные памятники содержали лишь поселенческие материалы.

На какое-то время точка зрения В.А. Городцова получила признание в советской археологии. Только в конце 40-х гг. XX в. она начинает оспариваться. Однако, у него сохранились и сторонники. Например, даже в начале 60-х гг. XX в., Е.И. Крупнов в основном по случайно найденным предметам из бронзы, относящимся к срубной археологической культуре (типа кельтов, ножей-кинжалов), пытался отследить перемещения киммерийских племён в VIII – VII вв. до н.э. через Кавказ из степей юга России в переднеазиатские страны ¹²².

Почти одновременно с В.А. Городцовым вопрос о фрако-киммерийских древностях Поднестровья проанализировал польский исследователь бронзового и железного веков Галиции Тадеушь Сулимирский. Он считал киммерийцев местным населением, обитавшим здесь с эпохи неолита и в конце III - начале IV периодов бронзы столкнувшимся с военной экспансией фракийцев ¹²³. С местным киммерийским наследием он связывал кремневые орудия и каменные молотки ¹²⁴. По мнению Т. Сулимирского в дальнейшем, около 650 г. до н.э., территория киммерийцев была захвачена скифами. Это завоевание, однако, не привело к полному вытеснению киммерийского населения, поскольку скифы составили там только правящий слой.

Фрако-киммерийскому периоду на территории юго-восточной Подолии Т. Сулимирский посвятил специальную работу ¹²⁵. Центром распространения древностей фрако-киммерийского круга, расцвет которого он датировал VII-VI вв. до н.э., исследователь считал Трансильванию. К фрако-

¹²² Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С.114-115; его же. О походах скифов через Кавказ // ВССА. М., 1954. С. 190.

¹²³ Sulimirski T. *Kultura wisocka*. Krakow, 1931. S. 158.

¹²⁴ Там же. S. 165.

¹²⁵ Sulimirski T. *Die thrako-kimmerische Periode in Sudostpolen* // WPZ. XXV. 1938. SS. 129-151.

киммерийским древностям на территории Подолии исследователь относил металлические изделия из кладов типа Михалковского и Голиградского), а также некоторые другие находки. Внутри фрако-киммерийского периода Подолии Т. Сулимирский выделил две фазы. Первая фаза, начало которой относится ко времени около 700 г. до н.э., характеризуется идущим из Семиграда продвижением, которое прерывает старые культурные связи с Алфёлдом и более западными областями, а также приводит к тому, что территория Подолии подпадает под сильное и продолжительное семиградское влияние ¹²⁶. Во второй фазе направление культурных связей и сопряженная с ними политическая зависимость перемещается из Семиграда в степную область Северного Причерноморья. Прослеживаются связи с понтийскими землями. Эти перемещения, однако, не явились причиной нарушения и перерыва в культурном развитии Западной Подолии, поскольку переориентация культурного процесса совершалась постепенно. Хронологическая граница между двумя фазами, по замечанию Т. Сулимирского, является трудноуловимой. Для ее определения он использовал Михалковский клад, который является свидетельством крушения фрако-киммерийского господства и включения Западной Подолии в скифскую державу. Время сокрытия Михалковского клада он относил к 600-550 гг. до н.э.

В силу понятных причин, во время Великой Отечественной войны проблемой киммерийцев в советской науке не интересовались. Лишь после военных событий возобновился поиск затерявшейся в глубине веков киммерийской культуры. Изучению проблемы киммерийцев в конце 40-х гг. XX в. посвящены работы многих учёных: Л.А. Ельницкого, В.Н. Даниленко, В.Д. Блаватского, О.А. Кривцовой-Граковой и др.

¹²⁶ Sulimirski T. Die thrako-kimmerische Periode in Sudostpolen // WPZ. XXV. 1938. S. 150.

Ряд интересных соображений о киммерийцах в 1948 г. был высказан В.Д. Блаватским, обратившим внимание, видимо под действием работ М.И. Ростовцева и В.А. Городцова, на связь их этнонима с «киммерийской» топонимикой восточного Крыма. Он исходил из того, что эта важная черта отчётливо определяет названия «киммерийский» применительно к водным, поселенческим и другим объектам ещё с античных времён ¹²⁷. По мнению В.Д. Блаватского, названия типа Киммерийский Боспор, два Киммерика – поселения по двум берегам пролива, мыс, выступающий над устьем Кубани – Киммерий и тому подобное были даны географическим объектам вследствие особого могущества киммерийцев на Боспоре. Однако, по сообщениям античных авторов, этот народ был прежде всего кочевым с местом обитания преимущественно в степи, откуда их вытеснили скифские племена. Из-за этого гипотеза В.Д. Блаватского, который размещал киммерийцев на территории Керченского и частично Таманского полуостровов, является достаточно уязвимой. Нам представляется, что Восточная часть Крыма являлась границей обитания киммерийских племён. Очевидно, из-за этого их этноним оказался востребованным для географических названий согласно основному закону возникновения топонимов в пограничных территориях ¹²⁸.

Исследование видного учёного-антиковеда Л.А. Ельницкого, характеризующее киммерийскую культуру, начинается с разбора письменных данных об этих номадах ¹²⁹. Учёный оценивает их критически. Поэтому он отрицает существование киммерийцев, как народа, и то, что они кочевали в степях Северного Причерноморья. Л.А. Ельницкий считал, что данные античных авторов о скифах и киммерийцах на территории северо-

¹²⁷ Блаватский В.Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей // ВМУ. №8. М., 1948. С. 9-18.

¹²⁸ Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 23-28.

¹²⁹ Ельницкий Л. А. Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. 1949. №3 (29). С. 14-26.

причерноморских степей – это ошибочно передвинутая из малоазийских и кавказских областей на рассматриваемую им территорию этнографическая группа (по его терминологии, «географическая модель распределения этносов»). Придерживаясь данной гипотезы, учёный перемещает на Кавказ все племена с севера и востока от Скифии по данным Геродота. У Л.А. Ельницкого этот подход явился определяющим при отождествлении киммерийцев с племенами – носителями кобанской археологической культуры. Свою гипотезу учёный подкреплял тем, что время расцвета этой культуры во многом совпадает с расширением зоны обитания киммерийцев на юг и юго-запад в VIII и VII вв. до н.э. – в пределы Малой Азии, Урарту, Ассирии. Кроме того, кобанская культура по своей яркости, самобытности и превалированию различных видов оружия наиболее может соотноситься с киммерийцами, известными по письменным данным, как сильные воины. В тоже время нельзя не заметить, что в гипотезе Л.А. Ельницкого существует явное противоречие: с одной стороны – отрицается историчность киммерийцев в Причерноморье, с другой стороны – учёный ищет те археологические памятники, которые можно было бы связать с «мифическими киммерийцами» на Северном Кавказе. В итоге получается, что киммерийцы, все же, являются народом – носителем кобанской культуры Кавказа. Сложные и запутанные построения Л.А. Ельницкого, как несостоятельные, были решительно опровергнуты советской наукой, да и не были поддержаны сразу после их появления¹³⁰. Кавказоведы, скифологи, антиковеды по поводу отождествления носителей кобанской культуры с киммерийцами высказались одинаково: данные античной письменной традиции сообщали о расселении киммерийцев не на Кавказе, а только в Северном Причерноморье.

В конце 40-х – начале 50-х гг. встала ещё одна проблема – интерпретация антропоморфных стел. Несколько стел было обнаружено ещё в 20-х гг. в

¹³⁰ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 10; Граков Б.Н. Ранний железный век. М., 1977. С. 106-110.

Белогрудовском лесу близ г. Умани. Из-за своего залегания вблизи широко известных белогрудовских зольников финальной бронзы, эти древности стали ассоциироваться с киммерийской культурой. Позже было выявлено ещё несколько аналогичных стел в Пантикапее, Тиритаке, Мирмекии, Илурате. Эти памятники также были интерпретированы как оставленные киммерийцами ¹³¹. Однако открыватели этих стел подобную датировку не считали нужным уточнять какими-нибудь основательными научными доводами, кроме метода культурной атрибуции по известным аналогиям. К числу таких учёных относится В.Н. Даниленко, опубликовавший в 1951 г. Натальевскую стелу из Поднепровья. В качестве подобия к ней исследователь привлёк два антропоморфных столба, обнаруженные над могилой ямной культуры также в нижнем Поднепровье, у с. Белозерка Г.Л. Скадовским. Он датировал их началом железного века. Кроме того, при помощи этих стел, исследователь пытался решить проблему киммерийцев конца предскифского периода, даже для реконструкции их социального строя ¹³². В каменных стелах, по мнению В.Н. Даниленко, можно увидеть воссоздание воителей, снаряженных в достаточно простой военный костюм северно-средиземноморского типа. Он интерпретировал изображения, как воинов-пехотинцев, воинов-колесничих, предшествующих военной организации скифского общества и культуры гальштата. Киммерийцы, как народ, принадлежащий этой военной организации, скорее всего были членами героического периода в истории не только северо-причерноморских степей, но и территорий Северо-Восточного Средиземноморья. Киммерия, чтобы добиться победы в войне, по выражению В.М. Даниленко, достигла «...хозяйственной и социальной зрелости, стала заметной политической силой в международных отношениях»¹³³.

¹³¹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М-Л., 1959. С. 31. Рис. 2.

¹³² Даниленко В.М. До киммерийської проблеми // Археологія. 1951. Т. V. С. 218-219.

¹³³ Там же. С. 223-224.

Правда вскоре стелы, выявленные Г.Л. Скадовским, были небезосновательно отнесены к эпохе энеолита. Это противоречило идеям истолкования стел «белогрудовского» типа как киммерийских и всей концепции В.Н. Даниленко. Окончательно ошибочность подхода В.Н. Даниленко была доказана благодаря тому, что в одном из курганов в долине р. Молочной в 1951 г. было обнаружено древнейшее захоронение с перекрытием в виде антропоморфной стелы белогрудовского типа. Эта находка еще раз подтвердила глубокую «докиммерийскую» древности стел, открытых в свое время Г.Л. Скадовским ¹³⁴. В 60-е гг. XX в. стало известно множество находок стел подобного рода в степных курганах. Там они обнаруживались при древнейших захоронениях. Всё это подтверждает, что каменные антропоморфные стелы этого типа не имели никакого отношения к культуре киммерийцев ¹³⁵.

Особое место в разработке проблемы киммерийцев принадлежит О.А. Кривцовой-Граковой (рис. 7). О.А. Кривцова-Гракова была руководителем экспедиции по исследованию древностей андроновской культуры в Казахстане, хорошо знала материалы позднего бронзового века. Она сумела обобщить результаты раскопок срубных поселений и погребений степного Поволжья, осуществленных в 20-30-е гг. XX в. П.С. Рыковым, П.Д. Рау, В.В. Гольмстен и др. Ею были начаты систематические исследования памятников срубной культуры в низовьях Днепра, способствовавшие разработке новой концепции развития срубной проблематики. Периодизация развития срубной культуры, разработанная в конце 40-х гг. XX в. О.А. Кривцовой-Граковой, долгое время использовалась исследователями

¹³⁴ Тереножкін О.І. Кургани в долині р. Молочної // АП. Т. VIII. Киев, 1960. С. 7, 38. Рис. 17-18.

¹³⁵ Щепинский А.А. Памятники искусства раннего металла в Крыму // СЭ. 1963. №2. С. 38-39; Формозов А.А. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. 1965. №6. С. 179-181.

эпохи бронзы. По её мнению, срубники, расселившись в XII – IX вв. до н.э. в степях Причерноморья, вышли на новый уровень своего развития и стали известны грекам, как киммерийцы. В качестве аргументации, О.А. Кривцова-Гракова ссылаясь на мнение В.А. Городцова о принадлежности причерноморских кладов бронзовых орудий киммерийцам ¹³⁶.

2.3. Автохтонистские концепции происхождения и развития киммерийской культуры в трудах советских учёных конца 1940-х гг.

С начала 50-х гг. XX в. в отечественной археологии Б.Н. Граков (рис. 8) и М.И. Артамонов (рис. 9) обращаются к проблеме происхождения скифской культуры и в корне меняют её решение. Они выступили против миграционистской концепции сложения скифской культуры в духе М.И. Ростовцева, отвергли гипотезу о миграции скифов в Причерноморье с востока в VII в. до н.э. Исследователи разработали автохтонистскую гипотезу происхождения скифов и киммерийцев, доказывали, что оба этих этноса являлись исконными обитателями Северного Причерноморья. Концепция обосновывалась исторически генеалогическими легендами о происхождении скифов у Геродота. Согласно одной из скифских генеалогических легенд, переданных Геродотом, «как считают сами скифы», сын Зевса и дочери Борисфена-Днепра – Таргитай был первым человеком, жившим в Скифии от которого произошли скифы ¹³⁷. По другой легенде ¹³⁸, скифские цари ведут своё происхождение от связи греческого героя Геракла и Ехидны – местной полузмеи-полуженщины, обитавшей в одной из пещер Нижнего Поднепровья.

¹³⁶ Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. Вып. XVII. М., 1948. С. 151-155.

¹³⁷ Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 21.

¹³⁸ Там же. С. 21-22.

Кроме того, в конце 40-х гг. XX в. набирает популярность, высказанная финским археологом А.М. Тальгреном в 20-е гг. XX в. гипотеза об истоках скифской культуры в срубной. Это предположение подкреплялось фактом находок среди сопутствующего инвентаря в захоронениях срубной археологической культуры трехгранных наконечников стрел из кости со втулками. По типологии эти предметы имели ближайшие аналогии среди бронзовых позднескифских трёхгранных наконечников. Ещё одно доказательство близости этих культур по А.М. Тальгреному – использование дерева в обряде погребения – срубы у «срубников» и столбовые гробницы у скифов. Финский исследователь полагал, что племена – носители срубной археологической культуры, обитавшие в Поволжье, являлись протоскифами, и переселились на рубеже VIII – VII вв. до н.э. в степи Украины ¹³⁹.

В конце 1940-х гг. эта достаточно обоснованная А.М. Тальгреном модель процесса сложения этнической общности скифов из срубных племён подверглась несущественной модернизации в трудах советских археологов. Эту концепцию последовательно стал развивать видный М.И. Артамонов. Он, вслед за О.А. Кривцовой-Граковой, подробно остановился на переселении носителей срубной культуры из поволжских степей в западном направлении и связал этот процесс с легендой Геродота о набегах скифских племён на территорию Северного Причерноморья из Азии. Однако, это событие он сильно удревнил и датировал самым концом II тыс. до н.э., а не принятым в науке VII в. до н.э., когда скифы впервые попали в поле зрения ближневосточных и греческих авторов. Киммерийские же племена, по мнению М.И. Артамонова, оставили большие кубанские курганы катакомбной культуры бронзового века. Исследователь, вразрез с утвердившимися в науке данными, омолодил эти курганные группы и датировал их позднейшим предскифским этапом истории.

¹³⁹ Tallgren A.M. La pontide prescythique apres l'introduction des metaux // ESA. T. II. Helsinki, 1926. S. 202-205.

Уязвимость подобного омолаживания хронологии больших кубанских курганов была в 1950-е гг. научно обоснована А.А. Иессеном. Ленинградский учёный доказал, что на самом деле их следует датировать XXIV – XVII вв. до н.э. Поэтому эти захоронения не могут быть соотнесены ни с киммерийской, ни, тем более, со скифской культурами, вопреки очень заманчивой точке зрения отождествления погребений в огромных курганах с прямыми предтечами скифских правителей VI в. до н.э.¹⁴⁰ Так была доказана ошибочность предположения М.И. Артамонова, полагавшего, что именно Прикубанье было основным местом кочевий киммерийских племён и отправным пунктом их походов в Малую Азию через Кавказ.

В те же годы краснодарский археолог Н.В. Анфимов раскопал ранние протомеотские могильники на Кубани, материалы которых затем сыграют важную роль в хронологии при выделении позднейшего предскифского периода¹⁴¹. При этом он не связывал их с киммерийцами

Б.Н. Граков в конце 1940-х гг. допускал, что в степях Северного Причерноморья перед скифами в одно и то же время проживали не только киммерийские племена, но и родственные скифам племена¹⁴². Эта точка зрения в более развёрнутом виде была разработана им в книге «Каменское городище на нижнем Днепре». В исследовании доказывалась ошибочность гипотезы М.И. Артамонова о помещении киммерийцев в Прикубанье, потому что данная локализация не соответствует ни одному из памятников античной литературной традиции о нахождении этих кочевников в областях Северного Причерноморья¹⁴³.

¹⁴⁰ Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. Т. XVIII. М., 1953. С. 193.

¹⁴¹ Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 170-171.

¹⁴² Граков Б.М. Скифы. Киев, 1947. С. 13-14.

¹⁴³ Граков Б.Н. Каменское городище на нижнем Днепре // МИА. №36. М., 1954. С. 9-10; 167-168.

Причерноморская «срубная» гипотеза прародины скифских племён была разработанная О.А. Кривцовой-Граковой, была принята и развита Б.Н. Граковым. Он также считал срубников предками праскифов. Но в таком случае причерноморская «срубная» гипотеза О.А. Кривцовой-Граковой просто не оставляла киммерийцам места в Северном Причерноморье. С достаточной долей условности, как оставленные киммерийцами, ими назывались некоторые поселения на территории Восточного Крыма ¹⁴⁴. Но О.А. Кривцова-Гракова правильно заключила, что предскифским должен был быть предшествующий этап разработки и развития форм предметов, выполненных из железа ¹⁴⁵. По существу, несмотря на ошибочность своих конкретных построений по сабатинской и белозерской культурам, именно О.А. Кривцова-Гракова поставила проблему выделения памятников позднего предскифского периода в степях Восточной Европы¹⁴⁶.

Выявлению начала железного века в археологии степей юга Восточной Европы очень способствовали новые археологические исследования на Кавказе. Первые такие раскопки состоялись в 1948 г. под руководством известного кавказоведа Е.И. Крупнова (**рис. 10**) в Кабарде на Каменноостском могильнике кобанской культуры. Именно там были открыты погребения с предметами этого переходного этапа от бронзового к железному веку. Вслед за тем под его руководством раскопками изучаются Кисловодские курганные погребения кобанской культуры. В этих некрополях он открыл захоронения, в которых среди инвентаря обнаружилось оружие переходного этапа от эпохи бронзы к эпохе железа. В погребениях были обнаружены металлические части сбруи – бронзовые удила стержни с двумя

¹⁴⁴ Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46. М., 1955. С. 6-7, 156-169

¹⁴⁵ Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. Вып. XVII. М., 1948. С. 163.

¹⁴⁶ Там же.

кольцами на концах и металлическими пластинками в виде лунниц. Аналогии подобным удилам станут широко известны в степях юга Восточной Европы в последующий период. Таким образом, по значению открытия Е.И. Крупнова далеко выходили за пределы только кавказоведения. Кисловодский и Каменноостровский могильники Е.И. Крупнов называет едва-ли не самыми показательными с точки зрения смещения киммерийской (степной) и более ранних черт кобанской (горной) культуры ¹⁴⁷. В значительной мере именно они стали отправной точкой качественно нового этапа понимания предскифских древностей в степях юга Восточной Европы, о котором речь пойдет в следующей главе.

Таким образом, первый период изучения истории и культуры киммерийцев, выпавший на первую половину XX в., в целом, на всём своём протяжении, характеризуется с одной стороны попытками отождествления киммерийцев с культурами эпохи бронзы – вначале со скорченными и окрашенными костяками, затем – с катакомбной (М.И. Артамонов, Б.Н. Граков), срубной (О.А. Кривцова-Гракова) культурами. С другой стороны, в работах антиковедов, игнорирующих местные археологические источники – этот народ характеризуется как родственный фракийцам (М.И. Ростовцев, В.Д. Блаватский). К середине XX в. стала очевидной актуальность киммерийской проблемы для изучения исторических этапов предскифского и скифского периодов, и была подготовлена почва для поиска истинных памятников предскифского периода и их интерпретации.

¹⁴⁷ Крупнов Е.И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // УЗКНИИ. Вып. V. Нальчик, 1950. С. 273.

**ГЛАВА 3. ВЫДЕЛЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО
ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В
КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ КИММЕРИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ
(50-е – СЕРЕДИНА 70-х гг. XX в.)**

Новый период в изучении киммерийской проблемы приходится на начало 50-х – середину 70-х гг. XX в. Он связан с именами А.И. Тереножкина, А.А. Иессена, Е.И. Крупнова и др.

**3.1. Выделение позднейших предскифских памятников на
территории Южной России и Степной Украины в 1950-е гг.**

В начале 50-х гг. XX в. украинский исследователь А.И. Тереножкин, выступая в то время активным сторонником «срубной» теории происхождения скифов, с большой долей уверенности отнес четыре кургана с ярким инвентарем в погребенных конных воинов к числу позднейших предскифских памятников на территории Южной России и Степной Украины¹⁴⁸: Обрывский могильник в Ростовской области (Россия); Мало-Цимбальский – в Запорожской области (Украина); Черногоровский курган в Харьковской области (Украина); Камышевахский – в Днепропетровской области (Украина).

Перечисленные курганы, ранее интерпретировавшиеся учеными как скифские, содержали в себе предметы конской упряжи и вооружения несколько иного культурного круга. В Мало-Цимбальском некрополе были найдены наконечники стрел из кости, тождественные стрелам второго этапа чернолесской культуры в Правобережье Поднепровья. Кроме того, погребение содержало псалии и стремечковидные удила из бронзы. Они были известны по материалам фрако-киммерийских могильников в странах Карпато-Дунайского

¹⁴⁸ Тереножкин А.И. Памятники предскифского периода на Украине // КСИИМК. Вып. XLVII. М., 1952. С. 3-14.

региона. Аналогичные предметы конской упряжи были обнаружены в Камышевахском кургане. В Обрывском кургане были обнаружены бронзовые удила с двумя кольцами, находящие аналогии в некрополе у пос. Каменноостский в Кабардино-Балкарии. Он также по хронологическому принципу органично влился в гипотезу о их принадлежности предскифскому времени. Части древнего бронзового уздечного набора (псалии со стремечковидными удилами), найденные в захоронении конного воина в кургане у Черногоровки, имели ближайшие аналогии на Субботовском городище чернолесской культуры и на среднеевропейских фрако-киммерийских памятниках в предметах узды из кости. Эти памятники А.И. Тереножкин с уверенностью отнёс ко времени VIII – начала VII в. до н.э.¹⁴⁹ Такая хронология была предложена в связи с близостью комплексов степной Украины фрако-киммерийской культуре. Датировка этой культуры Средней Европы концом гальштата В к середине XX в. достаточно прочно установилась в археологии.

Следующим учёным, внёсшим особый вклад в разработку позднейшего предскифского периода степей Восточной Европы, стал А.А. Иессен (**рис. 11**). Своего рода «толчком» к исследованию памятников VIII – VII вв. до н.э. для А.А. Иессена стал найденный в г. Новочеркасске в 1939 г. клад бронзовых изделий¹⁵⁰ (**рис. 13**). Он содержал вещи, не встречавшиеся до того времени в подобной комбинации: кобанский топор; бронзовые двукольчатые удила и псалии с тремя петлями и одним кольцом, по форме напоминающие изогнутую лопасть с уплощенным концом; металлическая конфигурация из бронзы для отливки бронзовых длинновтульчатых наконечников стрел с маленькой ромбовидной головкой.

¹⁴⁹ Тереножкин А.И. Памятники предскифского периода на Украине // КСИИМК. Вып. XLVII. М., 1952. С. 10-14.

¹⁵⁰ Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. Т. XVIII. М., 1953. С. 51. Рис. 1.

Для того, чтобы обосновать датировку Новочеркасского клада, А.А. Иессен подробно рассмотрел вопрос об относительной хронологической позиции удил и псалиев из Новочеркасска и историю развития узды на Северном Кавказе (рис. 14; 15). Бронзовые удила с двумя кольцами на концах в комплекте с псалии с тремя петельками, отнесенные исследователем к типу I, по его мнению, имеют северокавказские корни, так как аналоги им не были встречены на территории Средней Европы. Данный тип удил исследователь датировал предскифским временем. Удила типа II и II-A – следующий этап развития бронзовых удил, последовавший за временем бытования удил типа I. Это удила с однокольчатыми концами существовали, по А.А. Иессену, не долго, так как основная часть находок сосредотачивается на Северном Кавказе при отсутствии их на Дону и на Украине. На этих территориях широко представлены удила типов I и III. Самая поздняя группа удил – тип III – удила со стремечковидными концами были отнесены им ко второй половине или к концу VII в. до н.э.¹⁵¹

Со времени публикации А.А. Иессеном Новочеркасского клада и типологии удил и псалиев все древности позднейшего предскифского этапа стало принято называть памятниками «новочеркасской группы». Однако, сам исследователь, как и многие другие учёные, в течение еще очень длительного временного промежутка атрибутировали как раннескифские, памятники черноговорской группы¹⁵².

Таким образом, анализируя составные части конской упряжи, А.А. Иессен делает вполне обоснованный для того времени вывод о том, что киммерийцы, упоминаемые в письменных источниках, также, как и скифы, находились примерно на одной и той же ступени развития. И киммерийские,

¹⁵¹ Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. Т. XVIII. М., 1953. С. 98-99.

¹⁵² Иессен А.А. Некоторые памятники VIII— VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // ВССА (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). М., 1954. С. 112-131.

и скифские племена существовали на юге Восточной Европы последовательно сменив друг друга. Причём, в VIII-VII вв. до н. э. они обладали очень сходной материальной культурой, да и следующая ступень – «скифская», не была только культурой скифов. Однако, исследователь осторожно заявлял о преждевременности выделения собственно киммерийской культуры, так как в неё обязательно будет включена и культура раннескифских племен ¹⁵³.

Вместе с тем, А.А. Иессен утверждал и о том, что киммерийская культура сама по себе является и древнейшей скифской. Гипотеза А.А. Иессена, для того периода развития археологической науки, в целом была вполне сформировавшейся концепцией развития культур предскифского периода. Она снимала существенные противоречия во взглядах учёных на данный промежуток истории.

Несмотря на это, позитивные моменты в исследовании А.А. Иессена оказались и слабые места. Во-первых, учёный в плане хронологии украинских памятников типа Черногоровского кургана омолодил их, несмотря на то, что по общеевропейской хронологии они определенно относились к предскифскому времени. Во-вторых, исследователь явно переоценил значение кавказского производственного центра для раннего железного века в Восточной Европе, что было свойственно и трудам Е. И. Крупнова.

На протяжении второго этапа изучения истории и культуры киммерийцев продолжалась разработка проблемы фрако-киммерийских взаимоотношений. Однако в связи с достаточно слабой археологической базой эти исследования велись, преимущественно, в теоретическом плане на основе немногочисленных письменных источников.

Так, в работе, посвященной обзору киммерийской проблемы, Т. Сулимирский пересмотрел многие свои положения относительно

¹⁵³ Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. Т. XVIII. М., 1953. С. 109-110.

киммерийцев¹⁵⁴. В киммерийской истории он выделил три периода, которые были результатом великих перемещений. Их причиной было движение восточных народов в XIII и VIII вв. до н.э., которое воздействовало на весь степной пояс Восточной Европы. По его мнению первый период начался с образования киммерийского народа (XIX-XIII вв. до н.э.), средний период (XIII-VIII вв. до н.э.) соответствовал второй фазе киммерийской истории, третий период закончился исчезновением киммерийцев около 500 г. до н.э.¹⁵⁵. Для середины XX в. такая периодизация была явным анахронизмом.

3.2. Новые достижения в разработке киммерийской проблемы в 1960-е гг.

60-е гг. XX в. ознаменовалось новыми достижениями в разработке киммерийской проблемы. Его отправной точкой стали два интересных открытия. Во-первых, в результате раскопок Ушкольского поселения в низовьях Днепра Д.Я. Телегиным, по хорошо читаемой стратиграфии (культурный слой был разделен толстым стерильным пластом глины), удалось обосновать новую относительную хронологию позднего этапа срубной культуры Северного Причерноморья. Исследователь убедительно доказал, что белозерская ступень следует после сабашиновской, а не наоборот, как в своё время утверждала О.А. Кривцова-Гракова¹⁵⁶. Таким образом, все ее хронологические и типологические построения фактически были дезавуированы – из типов сабашиновской керамики никак нельзя было вывести скифскую, тем более на начальном этапе истории у скифов своей лепной посуды не было.

¹⁵⁴ Sulimirski T. Polska przedhistoryczna. С. II. Londyn, 1957-1959. S. 45-64.

¹⁵⁵ Там же. S. 62.

¹⁵⁶ Телегін Д.Я. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я // Археологія. Т. XII. Київ, 1961. С. 3-10.

Это сразу учел А.И. Тереножкин, выступавший в 50-е гг. сторонником «срубной» теории ¹⁵⁷. На основе хронологии Д.Я. Телегина, учёный начал разрабатывать новую периодизацию культур позднего бронзового века Украины и вышел на правильный путь выделения древностей позднейшего предскифского периода. Свою хронологию он обосновал, прежде всего, находками импортных западноевропейских древностей, которые в небольшом количестве были найдены на Украине. При этом, исследователь пользовался наработками П. Рейнеке и Г. Мюллера-Карпе, которые разработали систему абсолютного датирования артефактов позднего бронзового и гальштатского этапов в Центральной Европе путем сопоставления их с хорошо датированными памятниками Восточного и Западного Средиземноморья. На основании ознакомления с центрально европейской хронологией А.И. Тереножкин осознал необходимость удрежнения хронологических рамок культур эпохи поздней бронзы, начала раннего железного века на территории Восточной Европы, необоснованно омоложенных в советской археологии сторонниками «срубной» теории происхождения скифской культуры, оставляющими за «скобками» переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку.

В результате исследования этой проблемы, А.И. Тереножкиным была предложена следующая периодизация позднего бронзового и начала раннего железного века Восточной Европы. Самая ранняя ступень срубной культуры (покровская) – XVI-XIV вв., следующая – сабашиновская ступень – XIV-XII вв., поздняя ступень срубной культуры – белозерская – XII-IX вв. и позднейшая предскифская ступень – VIII-VII вв. до н. э. ¹⁵⁸ Подобная

¹⁵⁷ Тереножкин А.И. Памятники предскифского периода на Украине // КСИИМК. Вып. XLVII. М., 1952. С. 3-14.

¹⁵⁸ Тереножкін О.І. Поховання епохи бронзи біля с. Солонець // Археологія. Т. XVI. Київ, 1964. С. 202-207; Тереножкин А.И. Основы хронологии предскифского периода // СА. 1965. № 1. С. 76-80.

хронология, по мнению А.И. Тереножкина, ставила изучаемые им области распространения археологических культур переходного от бронзового к раннежелезному веку периода в степях Восточной Европы в точное соответствие по датировкам со среднеевропейскими археологическими культурами – Ноуа и фракийским гальштатом.

Нужно подчеркнуть, что после статьи А.И. Тереножкина «Основы хронологии предскифского периода», многие учёные вступили в полемику о проблеме безотносительной хронологии поздней бронзы – начала железного века. Они доказывали, что А.И. Тереножкин в разработанной им периодизации предскифского периода удревил датировки. Кроме того, в 60-е гг. XX в. наметились новые направления в изучении срубной культуры Украины. Сабатиновская культура была выделена, как особенная от срубной. По концепциям В.Д. Рыбаловой, И.Н. Шарафутдиновой, данная культура была распространена к западу от Днепра, объединяя памятники поздней бронзы этой территории. По их мнению, они принципиально отличались от срубной культуры междуречья Волги и восточного Поднепровья¹⁵⁹.

Украинский исследователь Н.Н. Чередниченко, вслед за хронологией позднего этапа эпохи бронзы по А.И. Тереножкину, сосредоточил своё исследование на перемещениях носителей срубной культуры из Заволжских степей в западном направлении. То есть исследователь продолжил разработку проблематики, затронутой О.А. Кривцовой-Граковой. Согласно концепции Н.Н. Чередниченко, срубные племена синхронно никогда не заселяли огромные территории от Урала на востоке до Днестра на западе. Он отстаивал точку зрения, что самые ранние памятники срубной культуры были оставлены ими в основном в областях от Урала, не пересекая Волги. На более позднем этапе существования культуры племена мигрировали на запад – в Поднепровье и Поднестровье. Таким образом, учёный старался обосновать

¹⁵⁹ Шарафутдинова И.Н. К вопросу о сабатиновской культуре // СА. 1968. №3. С. 16-34.

концепцию о миграционном характере перемещений срубных племен из Заволжья в Северное Причерноморье ¹⁶⁰. По его мнению, указанные племена продолжили обитать в областях Подонья и Причерноморья почти до скифской экспансии на эту территорию ¹⁶¹.

Как отмечалось выше, данный период развития археологической науки отличается масштабными археологическими работами. Это привело к увеличению источниковой базы для изучения позднего бронзового века и начала раннего железного века. В 1960-1967 гг. в Восточном Крыму А.М. Лесковым было исследовано Кировское поселение, на котором открыта серия керамики, переходной от поздней бронзы к раннему железу. Им же в 1961-1963 гг. был исследован грунтовый некрополь белозерской культуры близ с. Широкое (Херсонская область) ¹⁶². В 1972 г. курганный некрополь с разграбленными захоронениями социально-престижной группировки белозерской культуры раскопал В.В. Отрощенко у совхоза «Степной» в Запорожской области ¹⁶³. В 1970-е гг. были также введены в научный оборот следующие памятники: грунтовой могильник белозерской культуры с захоронениями рядовых общинников близ хут. Компанийцы в Кобелякском районе Полтавской области (рук. Е.В. Махно); поселение белозерского времени около с. Деревка в Онуфриевском районе Кировоградской области (рук. Д.Я. Телегин) ¹⁶⁴. Стало очевидно, что белозерские памятники непосредственно предшествуют позднейшим предскифским древностям.

¹⁶⁰ Чередниченко Н.Н. История срубных племен Подонья (XV-IX вв. до нашей эры): Автореф. дис. ... канд. историч. наук. Киев, 1973. 37 с.

¹⁶¹ Там же. С. 36.

¹⁶² Там же. С. 18-22.

¹⁶³ Отрощенко В.В. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. К., 1975. С. 193-206.

¹⁶⁴ Махно Є.В., Шарафутдінова І.М. Могильник епохи пізньої бронзи поблизу хутора Компанійці на Дніпрі // Археологія. Вип. 6. Киев, 1972. С.70-81.

Принципиальное значение в «предскифской» археологии. Имело открытием и исследованием кургана у с. Зольное (близ г. Симферополь) (**рис. 16; 17**). Раскопки проводил А.А. Щепинский в 1959 г. В нем в погребении воина «новочеркасского времени» было обнаружено большое количество предметов конской упряжи и вооружения. Сенсационным оказался набор розетковидных блях, костяных лунниц и других предметов, украшенных изящным геометрическим резным орнаментом с красной инкрустацией. Автор раскопок, исследовав предметы из Зольного кургана, пришёл к заключению, что они не принадлежат носителям скифской культуры. По мнению учёного, эти древности могли относиться, судя по более ранней хронологии, исключительно киммерийцам¹⁶⁵. Эту точку зрения исследователь подкреплял тем, что изделия декоративно-прикладного искусства из Зольного кургана украшены без использования элементов так называемого скифского звериного стиля. Именно благодаря погребению конного воина из Зольного кургана интерес к позднему предскифскому периоду возрос в археологической науке. Этот закрытый комплекс однозначно свидетельствовал, что в нём ничего, позволяющего поставить эти древности в какую-либо связь со скифской культурой. В культурном плане они никак не могли принадлежать в одно и то же время и скифам, и не отделившимся ещё от них в культурном отношении киммерийцам.

Материалы позднего предскифского периода в 1960-е гг. пополнились открытием ещё двух ярких воинских погребений с территории Среднего Поднепровья. Первое было открыто у с. Бутенки (Полтавская область) (**рис. 18**). Оно было совершено по обряду кремации в грунтовой яме, характерном для позднего этапа чернолесской культуры, но содержало богатый набор новочеркасского инвентаря. Другое захоронение было обнаружено в Носачевском кургане (Черкасская область) (**рис. 19**). Погребение

¹⁶⁵ Щепинский А.А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. Вып. 2. Киев, 1962. С. 57-58.

представляло труположение покойного в деревянном склепе. Сопроводительный инвентарь из этих погребений, в частности предметы вооружения и конской упряжи, были опубликованы Г.Т. Ковпаненко ¹⁶⁶.

Открытия, совершаемые после поднепровских, подтверждали их отождествление с киммерийскими древностями. К таким захоронениям относятся: погребение около Ростова-на-Дону ¹⁶⁷; погребение с территории Керченского полуострова ¹⁶⁸; Суворовский курганный могильник киммерийского времени ¹⁶⁹; Высокий курган близ с. Балки (Запорожская область) ¹⁷⁰. Все материалы указанных захоронений дали много важного для характеристики погребального обряда и материальной культуры древнейших кочевников Восточной Европы.

Киммерийской и древнескифской проблемам посвящены соответствующие разделы второго тома фундаментального труда «Археологія Української РСР». Эти разделы были написаны совместно А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской ¹⁷¹. А.И. Тереножкин своё решение киммерийской проблемы предлагал в докладах на научных конференциях и в

¹⁶⁶ Ковпаненко Г.Т. Погребение VIII-VII вв. до н. з. в бассейне р. Ворсклы // КСИА АН УССР. Вып. 12. Киев, 1962. С. 66-70; его же. Носачівський курган VIII-VII вв. до н. е. // Археологія. Т. XX. Киев, 1966. С. 174-176.

¹⁶⁷ Кияшко В.Я., Максименко В.Е. Погребение раннежелезного века у хутора Верхне-подпольный // АО 1967 года. М., 1968. С. 123.

¹⁶⁸ Мелентьев А.Н. Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени // КСИА АН СССР. Вып. 112. М., 1967. С. 38-44.

¹⁶⁹ Черняков И.Т. Киммерийские курганы у с. Суворове на Измаильщине // Скифы и сарматы. Киев, 1976.

¹⁷⁰ Бидзиля В.И., Яковенко Э.В. Киммерийские погребения Высокой могилы // СА. 1974. №1. С. 148-159.

¹⁷¹ Іллінська В.А., Тереножкін О.І. Скіфський період // Археологія УРСР : В 3-х т. Київ, 1971. Т. 2. С. 8-184.

различных многочисленных статьях ¹⁷². Концепция А.И. Тереножкина и В.А. Ильинской состоит в том, что киммерийцы античных источников (исторические) и киммерийцы, упоминавшиеся не позже начала I тыс. до н.э. (мифические) – в совокупности и есть носители срубной культуры. Хронологические рамки бытования этой культуры они понимали весьма широко – от середины II тыс. до н.э. до VII в. до н. э., то есть до времени выхода киммерийцев и скифов на историческую арену. А.И. Тереножкин, ссылаясь на лингвистические работы В.И. Абаева ¹⁷³, отождествлял киммерийцев с иранской языковой группой, из чего выводил их родство со скифами.

Альтернативную концепцию позднего бронзового века и, в частности, срубной культуры на Украине одновременно развивал А.М. Лесков. В немецкой публикации своих раскопок в Херсонской области и на Керченском полуострове он попытался внести существенные уточнения, а то и опровержения в хронологию А.И. Тереножкина ¹⁷⁴. Более аргументировано его взгляды изложены в его докторской диссертации ¹⁷⁵. Разрабатывая собственную концепцию, А.М. Лесков опирался на схему А.И. Тереножкина, разделяющую памятники позднейшего предскифского периода на раннюю

¹⁷² Тереножкин А.И. Киммерийский орнамент // Тезисы докладов скифской конференции 1972 года. М., 1972. С. 7-8; его же. Киммерийцы и Кавказ // Тезисы докладов секционных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971. С. 34-38; его же. Начало железного века на юге Европейской части СССР // Тезисы пленарных и секционных доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970-1971 років на території України). Одеса, 1972. С. 166-171; его же. Скифская культура // ПСА. М., 1971. С. 15-16.

¹⁷³ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглосы. М., 1965. С. 125-126.

¹⁷⁴ Leskov A.M. Die skythischen Kurgane. Antike Welt, Sondernummer, 1974. 171 s.

¹⁷⁵ Лесков А.М. Предскифский период на Юге Украины: Автореф. дис. ... докт. историч. наук. Москва, 1975. 45 с.

черногоровскую и позднюю новочеркасскую стадии. Опираясь он также на материалы Кубани, где Н.В. Анфимов выделил протомеотские погребения в Николаевском могильнике VIII-VII вв. до н.э. захоронения старше Кубанского¹⁷⁶ Однако, при абсолютной датировке памятников, А.М. Лесков руководствовался собственными построениями, основная мысль которых заключалась в преувеличенной склонности к достаточно интенсивному омолаживанию последних ступеней. Он также выводил киммерийскую культуру из срубной эпохи поздней бронзы, но существенно разошелся с А.И. Тереножкиным в датировке и этнической интерпретации позднейших предскифских древностей. Он исходил из тезиса о том, что в позднейшее предскифское время в степях юга Восточной Европы обитали и киммерийцы, и древнейшие скифы одновременно. Черногоровские погребения он датировал второй половиной VIII – началом VII в. до н.э. и соотносил с потомками более ранней восточной ветви срубной культуры, а новочеркасские древности датировал концом VIII – последней четвертью VII в. до н.э., и связывал с западной ветвью срубников. При этом он допускал сосуществование тех и других в конце VIII – начале VII в. до н.э. Важно отметить, что с киммерийцами учёный соотносил лишь памятники типа Черногоровки – Камышевахи, предполагая, что новочеркасскую группу следует связывать уже с собственно скифами Северного Причерноморья. Учитывая различную локализацию тех и других, он полагал, что позднекиммерийская культура типа Черногоровки формируется в Причерноморье, а древнескифская – в Волго-Донском междуречье. Складывание фактически всего скифского культурного комплекса в виде предметов вооружения, снаряжения коня и конской упряжи, а также скифского звериного стиля, он, как и многие другие автохтонисты, приурочил ко времени скифских походов в страны Переднего Востока в VII в. до н. э. Напомним, что, наоборот, Н.Л. Членова попыталась связать со скифами

¹⁷⁶ Лесков А.М. Предскифский период на Юге Украины: Дис. ... докт. историч. наук. Москва, 1975. С. 51-52.

лишь черногоровско-камышевахский комплекс, а с киммерийцами – новочеркасский ¹⁷⁷. Однако доводы А.М. Лескова и Н.Л. Членовой оказались не слишком убедительными.

Таким образом, данный период в изучении предскифского периода и киммерийской проблемы ознаменовался открытием долгожданных памятников между эпохой бронзы и ранним железным веком. Были выделены поздние предскифские памятники типа Новочеркасского клада и типа Черногоровского кургана, произошло сопоставление предскифских древностей юга Восточной Европы с центрально-европейской шкалой хронологии. Исследователи вплотную подошли к выработке самостоятельной историко-археологической концепции киммерийской проблемы. Окончательно она получит свое развитие в книге А.И. Тереножкина.

¹⁷⁷ Членова Н.Л. Памятники I тысячелетия до н.э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности // Искусство и археология Ирана. М., 1971. С. 323–329.

ГЛАВА 4. ВКЛАД А.И. ТЕРЕНОЖКИНА, ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИЗУЧЕНИЕ КИММЕРИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (СЕРЕДИНА 70-х – 90-е гг. XX в.)

4.1. Концепция А.И. Тереножкина о киммерийцах и их культуре

Новый период в изучении истории киммерийцев и их культуры начинается с выхода в свет в 1976 г. книги А.И. Тереножкина (рис. 20) «Киммерийцы»¹⁷⁸. В ней были тщательно собраны, систематизированы и проанализированы практически все степные памятники от Дуная до Волги. А.И. Тереножкин разработал типологию основных категорий вещей предскифского периода, которая не потеряла своего значения и в наше время. Необходимо подчеркнуть, что исследование А.И. Тереножкина очень рационально построено. Учёный рассматривает историографию проблемы, выделяет памятники в зависимости от физико-географических зон (степные, лесостепные, предгорные), анализирует погребальный обряд и чрезвычайно подробно освещает сопутствующий инвентарь.

Так же, как и в статьях конца 60-х гг. – начала 70-х гг. XX в. автор связывал происхождение киммерийцев со срубной культурой¹⁷⁹. Изучение всего комплекса предскифских памятников привело исследователя к

¹⁷⁸ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 224 с.

¹⁷⁹ Іллінська В.А., Тереножкін О.І. Скіфський період // Археологія УРСР: В 3-х т. Київ, 1971. Т. 2. С. 8-184; Тереножкин А.И. Киммерийский орнамент // Тезисы докладов скифской конференции 1972 года. М., 1972. С. 7-8; его же. Киммерийцы и Кавказ // Тезисы докладов секционных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971. С. 34-38; его же. Начало железного века на юге Европейской части СССР // Тезисы пленарных і секційних доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970-1971 років на території України). Одеса, 1972. С. 166-171; его же. Скифская культура // ПСА. М., 1971. С. 15-16.

заклучению, что их можно культурно и хронологически разделить на две последовательно сменяющих друг друга ступени: старшую – черногоровскую и младшую – новочеркасскую¹⁸⁰. Эти культуры, по мнению учёного, являлись в археологическом и историко-культурном аспектах развитием, а вместе с тем и финалом срубной культуры.

А.И. Тереножкин, вслед за О.А. Кривцовой-Граковой, считал, что полтавкинские памятники Нижнего Поволжья предвещали срубную культуру. Археологически ранняя ступень срубной культуры представлена по обряду – погребениями в простых ямах или же в срубах с труположением костяков в скорченном виде на боку и ориентировкой головой преимущественно на север, восток; по инвентарю – остросреберными и баночными горшками, а также бронзовыми черешковыми ножами, похожими на короткие обоюдоострые кинжалы. По мнению А.И. Тереножкина, происходит миграция «срубного» населения из Заволжья на запад, в Северное Причерноморье¹⁸¹. К началу сабатиновской ступени, вслед за Н.Н. Чередниченко, он ошибочно говорит о запусении прародины срубников. Основная часть их племён переселилась на плодородные территории Причерноморья, достигнув при этом нижнего Дуная и Поднепровья, а восточной границей их расселения становится Волга. На территории Средней Европы, в результате срубного влияния, возникла фракийская культура Ноа. Сабатиновская ступень отмечена прогрессом хозяйственной деятельности, отчетливее всего обнаруживающимся в подъеме бронзолитейного дела, о котором мы узнаем по постоянным находкам «складов» литейных форм, кладов бронзовых предметов упряжи и вооружения, а также слитков бронзы, привозившихся в Причерноморье с запада для использования их в местном бронзолитейном производстве в качестве исходного сырья. Об общем успехе этого производства и его высоком уровне лучше всего можно судить по

¹⁸⁰ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 188.

¹⁸¹ Там же. С. 189-192.

находкам бронзовые клепаных или комбинированных клепано-литых котлов так называемого киммерийского типа, созданных впервые, как это установлено по составу погребального комплекса из кургана у станицы Суворовской на Ставропольщине, у срубных племен еще в предсабатиновское время ¹⁸².

В дальнейшем продолжалось постепенное переселение племен – носителей срубной культуры на запад. К началу белозерской ступени, по мнению А.И. Тереножкина, происходит запустение междуречья Дона и Волги, (что не соответствует данным современной археологии), а территория «срубников» на востоке сильно сокращается. Таким образом, носители срубной культуры оказались сосредоточены главным образом в Крыму, в низовьях Дона (памятники кобяковского типа), на территории современной степной части Украины без ее восточных пределов. По уровню развития «белозерцы» в целом сходны с «сабатиновцами».

На основании изучения памятников всего бронзового века А.И. Тереножкин сделал принципиальный вывод, что хронологические позиции срубной культуры укладываются в рамки не только поздней бронзы, в границы которого помещали финал этой культуры ранее, но и в переходный период от поздней бронзы к раннему железному веку и даже в его начало. Таким образом, по концепции украинского ученого, история киммерийцев охватывает временной промежуток в целую тысячу лет – от конца эпохи средней бронзы до начала скифского периода.

Для освещения вопросов хронологии и этно-социальной истории позднего бронзового и начала раннего железного века в степной полосе Восточной Европы А.И. Тереножкин пользуется периодизацией,

¹⁸² Нечитайло А.Л. Про одне з найдавніших киммерійських поховань // Археологія. 1975. Вип. 15. С. 50-58.

разработанной им ещё в середине 60-х гг.¹⁸³. Для нас наибольший интерес представляют позднейшие ступени предскифской культуры, разделены А.И. Тереножкиным на две хронологические ступени: черногоровскую (соответствующую переходу от бронзы к железу - 900-750 гг. до н.э.) и новочеркасскую (времени развитого железного века - 750-650 гг. до н.э.) (рис. 21/II; 22). Для первой ступени он считал характерными захоронения скорченно на боку с преобладанием восточной ориентации. Для «новочеркасцев» типичными названы вытянутое труположение и ориентировка головой на запад.

Как уже указывалось, прародиной срубников учёный считал Нижнее Поволжье¹⁸⁴. Оттуда расселяясь на юго-восток, киммерийцы достигали Предкавказья, но за линию Главного Кавказского хребта не проникали якобы из-за сильного сопротивления со стороны протомеотов и стойких в военном отношении горных племен. Однако, данное положение находится в противоречии с сообщениями письменных и археологических источников, подтверждающих участие киммерийцев в древневосточных походах VIII-VII вв. до н.э.

А.И. Тереножкин показал, что вещевой комплекс новочеркасской группы нельзя сводить лишь к деталям конской упряжи и длинновтульчатым наконечникам стрел. В состав его входят разнообразные по назначению изделия: железные мечи и кинжалы с валикоподобным узким навершием и перекрестьем, состоящим из двух острых треугольников, железные наконечники копий с четко выраженной нервюрой, бронзовые лунницы, резные инкрустированные костяные украшения конской упряжи, золотые и

¹⁸³ Тереножкин А.И. Основы хронологии предскифского периода // СА. 1965. № 1. С. 76-80.

¹⁸⁴ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. с. 25.

серебряные изделия и др. Сложился новочеркасский комплекс, по мнению А.И. Тереножкина, на основе черногоровского ¹⁸⁵.

А.И. Тереножкин полагал, что связи киммерийцев с Карпато-Дунайским миром относятся лишь к черногоровской ступени (900-750 гг. до н.э.) и обрываются до начала новочеркасской ступени ¹⁸⁶. Отсутствие на западе новочеркасских форм металлических изделий, по его мнению, подтверждает правильность такого наблюдения и свидетельствует о нарушении контактов в новочеркасское время между киммерийцами и «фрако-киммерийцами» в Средней Европе. Формирование фрако-киммерийской культуры он связывал с киммерийским проникновением в области Карпато-Дунайского бассейна ¹⁸⁷.

Важным достижением А.И. Тереножкина было также обращение к изучению киммерийского искусства ¹⁸⁸. В отличие от скифского искусства звериного стиля он отметил главную его черту – геометризм, преобладание различных геометрических фигур.

Однако все же основной вопрос, затронутый в монографии «Киммерийцы» – проблема соотношения и возможности сосуществования скифской и киммерийской культур. Во весь голос она была поставлена еще на Второй московской конференции 1967 г. по вопросам скифо-сарматской археологии ¹⁸⁹. Среди многих докладов выделялся доклад Алексея Ивановича Тереножкина «Скифская культура» ¹⁹⁰, по существу содержащий принципиально иную концепцию по сравнению с докладом Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой 1952 г. и близкую взглядам М.И. Ростовцева. По его мнению, скифская культура практически в готовом виде была принесена на юг

¹⁸⁵ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 201. Рис. 97, III.

¹⁸⁶ Там же. С. 203.

¹⁸⁷ Там же. С. 204.

¹⁸⁸ Там же. С. 173-185.

¹⁸⁹ Тереножкин А.И. Скифская культура // Проблемы скифской археологии. МИА 1971. № 177.

¹⁹⁰ Там же.

Восточной Европы из глубин Азии скифами-иранцами около середины VII в. до н.э. Ее характеризовали особые, чуждые местным предскифским культурам предметы вооружения, снаряжения коня, звериный стиль, курганный обряд погребений. С этого времени А.И. Тереножкин стал настаивать на существовании единой скифской культуры в степи и лесостепи при ее принципиальном отличии от новочеркасской. При этом смена культуры позднейшего предскифского времени (киммерийской) собственно скифской к середине VII в. до н.э., по его мнению, произошла механически, что нашло отражение в третьем геродотовом рассказе о вытеснении скифами киммерийцев из степей Северного Причерноморья ¹⁹¹. Таким образом исследователь полагал, что на юге Восточной Европы до VII в. до н.э. скифов не было. Подтверждение тому – рассказ Геродота о том, что страна, которую в его время занимали скифы, раньше принадлежала киммерийцам (Hdt: IV, 11, 22). В то же время А.И. Тереножкин не исключал включения в состав скифского этноса покорившихся им местных северопричерноморских племен¹⁹².

Доклад А.И. Тереножкина вызвал бурную дискуссию. Он способствовал возвращению ряда советских археологов к миграционной теории происхождения скифов в духе М.И. Ростовцева. Вскоре она стала находить все большее археологическое подтверждение в раскопках памятников на востоке Евразии (курган Аржан в Туве и др.), где вместе с изделиями в скифском зверином стиле присутствовали вещи, характерные для черногоровской ступени развития предскифской культуры Северного Причерноморья ¹⁹³.

В «Киммерийцах» автор специально оговаривает, что вопросы социально-экономической организации киммерийцев выходят за рамки его

¹⁹¹ Тереножкин А.И. Скифская культура. С. 24.

¹⁹² Там же. С. 24-25.

¹⁹³ См.: Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

исследования ¹⁹⁴. Однако, некоторые из них он все же затрагивает и даже пытается их решить. На его взгляд, на начальных периодах развития киммерийцы были земледельцами и скотоводами. Такая хозяйственная модель обеспечивала им устойчивое материальное благосостояние. На более поздних ступенях в социально-экономическом отношении киммерийцы развивались по тому же образцу, что и скифы-кочевники. Модель развития их обществ была похожа, но отличался уровень. У киммерийцев, по мысли А.И. Тереножкина, он был ниже скифов на одну-две ступени ¹⁹⁵. Автор отмечает особую воинственность киммерийцев, а конных воинов – основой их войск с характерными для них маневренностью и подвижностью. Возглавляли подобные соединения вожди, могилы которых известны у носителей черногоровской и новочеркасской ступеней. То есть, А.И. Тереножкин считает, что у киммерийцев сформировалась по-военному организованная аристократия ¹⁹⁶.

Книга А.И. Тереножкина не просто стала очередной вехой в изучении киммерийской проблемы. Она ознаменовала начало новой эпохи в ее изучении. Идеи учителя нашли плодотворное продолжение в трудах его учеников.

4.2. Киммерийская проблема в трудах последователей и оппонентов А.И. Тереножкина в 70-90-е гг. XX в.

Концепция киммерийской культуры А.И. Тереножкина сразу нашла как своих последователей, в основном среди его учеников, так и противников среди ученых старших поколений. Возникла необходимо проверить ее на новых источниках, тем более, что на Украине для этого сложилась

¹⁹⁴ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 206.

¹⁹⁵ Там же. С. 186-215.

¹⁹⁶ Там же. С. 209-215.

исключительно благоприятная ситуация – работа многочисленных новостроечных экспедиций каждый год выдавала десятки новых погребений черноговорского и новочеркасского типов. Положительный опыт такой работы был продемонстрирован в исследованиях киевского археолога В.В. Отрощенко¹⁹⁷. Тщательное изучение архивных и опубликованных ранее материалов позволило этому исследователю заметно увеличить число известных киммерийских погребальных памятников в степной полосе от Заволжья до низовий Дуная. В изучении вопроса о времени и месте появления черноговорской группы В.В. Отрощенко исходил из хронологического приоритета древнейших погребений Нижнего Подонья в общей системе черноговорских древностей¹⁹⁸. Ему удалось выделить некоторые важные особенности погребений черноговорской группы, в частности захоронения в подбоях.

Обращает на себя внимание и ряд публикаций о нашей теме другого киевского археолога С.В. Полина, в которых он, вслед за рядом исследователей, выступает за удревнение новочеркасских древностей, вплоть до IX в. до н.э.¹⁹⁹. Автором также констатируется сосуществование новочеркасских и черноговорских комплексов на протяжении всей их истории в Северном Причерноморье. При этом, однако, остается непонятным, на какие новочеркасские комплексы IX в. до н.э. из Северного Причерноморья

¹⁹⁷ Отрощенко, В.В. Особенности погребений черноговорской группы // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. Запорожье, 1989. С. 112; Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я. Культурна належність окремих поховань «нижньомихайлівського» типу // Археологія. 1990. №3. С.101-107.

¹⁹⁸ Отрощенко В.В. О погребениях черноговорского типа в Нижнем Подонье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 13. Азов, 1994. С. 103-113.

¹⁹⁹ Полин С.В. О хронологии раннескифской культуры (по И.Н.Медведской) // РА. 1998. №4. С. 52.

опирается автор. Не называются, также конкретные черногоровские памятники, маркирующие нижнюю и верхнюю границы киммерийского периода, равно как остается без ответа вопрос о корреляции черногоровских и раннескифских древностей в пределах VIII в. до н.э.

С конца 70-начала 80-х гг. появляется серия статей донецкой исследовательницы О.Р. Дубовской. В них она акцентирует внимание на своеобразии новочеркасской группы памятников, и отсутствии между ними и черногоровскими памятниками каких-либо переходных форм. Отмеченные различия в погребальном обряде и инвентаре обеих групп ею объясняются этническими различиями, и, в частности, пришлым характером “новочеркасцев”. По ее мнению, у них, в отличие от “черногоровцев”, не было генетических связей с местными археологическими культурами позднебронзового века²⁰⁰.

Впоследствии О.Р. Дубовская присоединилась к точке зрения А.И. Тереножкина о двух ступенях в развитии предскифских древностей. Ей удалось успешно обосновать правильность выделения этих групп при помощи корреляционного метода, установив определенную зависимость между позой и ориентировкой погребенного и сопровождающего его инвентаря²⁰¹. В 1986 и 1989 гг. опубликованы две важные работы О.Р. Дубовской, в которых ее прежние взгляды были во многом скорректированы. В них она относит к новочеркасской группе памятников только с такими тремя признаками: вытянутое труположение с западной ориентировкой, керамика жаботинского типа и металлический инвентарь, или вообще с одним ведущим признаком (двукольчатые удила и трехпетельчатые псалии). В соответствии с

²⁰⁰ Дубовская О.Р. К вопросу о роли позднебронзового этнокультурного компонента в сложении памятников раннего железного века Северного Причерноморья // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы. Донецк, 1979. С. 100-102.

²⁰¹ Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987. С. 27-38.

этими признаками вся совокупность предскифских захоронений Северного Причерноморья подразделяется ею на три подгруппы, не образующие единой культурной общности. К собственно новочеркасской группе О.Р. Дубовской были отнесены лишь погребения первой подгруппы, характеризующиеся тремя вышеназванными признаками ²⁰².

Рассматривая территориальное соотношение новочеркасской и черноговорской групп, а по сути подменяя его картографированием лишь немногочисленных погребений с деталями конской узды, О.Р. Дубовская приходит к выводу, что в степи погребения с уздой новочеркасского типа отсутствуют, известны только клады и отдельные подкурганые находки. Искусственно ограничив свое понимание новочеркасского культурного комплекса только уздой, исследовательница сделала вывод об отсутствии новочеркасских памятников в степи и поставила под сомнение само существование самостоятельной новочеркасской культурной группы. Эта версия О.Р. Дубовской впоследствии в определенной степени явилась одним из аргументов для вывода о невозможности соотнесения древностей черноговорско-новочеркасского круга с историческими киммерийцами ²⁰³.

Кульминацией разработок О.Р. Дубовской в области предскифской археологии стала статья на немецком и русском языках ²⁰⁴. В результате новых

²⁰² Дубовская О.Р. О погребениях группы Новочеркасского клада // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Научно-практический семинар: тезисы докладов. Донецк, 1986. С. 37-39; её же. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА. №1. 1989. 63-69.

²⁰³ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 54-55; Алексеев А.Ю., Качалова Н.К. О киммерийцах в Северном Причерноморье (археологический аспект проблемы) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. Запорожье, 1989. С. 6-8.

²⁰⁴ Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. №6. Донецк, 1997. С. 181-218;

открытий погребальных памятников с инвентарем новочеркасского типа в степях Восточной Европы, О.Р. Дубовская была вынуждена отказаться от своего предыдущего тезиса об отсутствии в степи новочеркасских памятников. Это наглядно видно из вводимого ей определения “позднечерногоровские” памятники, под которыми понимаются вытянутые степные погребения, именующиеся в научной литературе «новочеркасскими», но которые в соответствии с их локализацией в пределах ареала черногоровской культуры не могут, по мнению О.Р. Дубовской, интерпретироваться иначе, как «позднечерногоровские». Таким образом, в очередной раз изменив свою точку зрения, она приходит к выводу о культурной близости прежде, по ее мнению, отличавшихся друг от друга степных погребений. Причем, происходит это путем простого переименования новочеркасских захоронений, и объединения их в “позднечерногоровскую” группу памятников.

Последняя редакция гипотезы О.Р. Дубовской в интерпретации степных предскифских древностей юга Восточной Европы практически полностью соответствует концепции А.И. Тереножкина, который, выступая за культурную преемственность между черногоровскими и новочеркасскими (позднечерногоровскими по О.Р. Дубовской) памятниками, считал их хронологическими ступенями одной культуры. Таким образом, “новационные” построения О.Р. Дубовской сводятся лишь к терминологической рокировке, когда вместо названия “киммерийская” культура, она относит все предскифские памятники степной зоны Северного Причерноморья к черногоровской культуре. Погребения, в состав инвентаря которых входят детали конской упряжи и иные изделия новочеркасского типа, расположенные за пределами северопричерноморской степи, например, в южной части украинской лесостепи, Нижнем Подунавье (Ендже, Белоградц),

Северном Кавказе (Уашхиту 1) объявлены О.Р. Дубовской могилами местной воинской аристократии: чернолесской, фракийской, протомеотской ²⁰⁵.

Сразу же после выхода работ О.Р. Дубовской последовала полоса критических замечаний. В.А. Ромашко указал на ошибочность ее мнения о наличии в степном ареале исключительно черногогорских памятников, отметив ряд могил, содержащих детали конской упряжи и «другие категории инвентаря, характерные для памятников новочеркасской группы» ²⁰⁶. Он выступил против тезиса О.Р. Дубовской о принадлежности лесостепных погребений с вещами новочеркасского типа (уздой, оружием) местной военной аристократии, видя в них свидетельство проникновения в лесостепь киммерийского культурно-исторического элемента.

С этим мнением также согласуются критические высказывания С.А. Скорого²⁰⁷ и И.В. Сергацкова ²⁰⁸. Критическое отношение к идеям О.Р. Дубовской о якобы несуществующей новочеркасской группе высказывали и иные исследователи ²⁰⁹.

В 90-е гг. XX в. продолжала развивать свои взгляды и О.Р. Дубовская. Кульминацией ее разработок в области предскифской археологии стала статья,

²⁰⁵ Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. №6. Донецк, 1997. С. 182-183.

²⁰⁶ Ромашко В.А. Предскифский период в пограничье лесостепи и степи Днепровского левобережья (XII-начало VII вв. до н. э.) : автореф. дис. ... канд. историч. наук. Киев, 1990. С. 6-7.

²⁰⁷ Скорый С.А. Допитання про культурну належність старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 р. // Археологія. 1991. №1. С. 14-25.

²⁰⁸ Сергацков И.В. Погребение предскифского времени на Иловле // СА. 1991. № 2. С. 240-243.

²⁰⁹ Махортых С.В. Проблемы киммерийской истории и Кавминводы // Археология и краеведение Кавминвод (Материалы 1-й региональной конференции). Кисловодск, 1992. С. 29; Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. Москва, 1994. С. 148.

опубликованная на немецком и русском языках ²¹⁰. В результате новых открытий погребальных памятников с инвентарем новочеркасского типа в степях Восточной Европы, О.Р. Дубовская была вынуждена отказаться от своего предыдущего тезиса об отсутствии в степи новочеркасских памятников. Это наглядно видно из вводимого ей определения “позднечерногоровские” памятники, под которыми понимаются вытянутые степные погребения, именующиеся в научной литературе «новочеркасскими», но которые в соответствии с их локализацией в пределах ареала черногоровской культуры не могут, по мнению О.Р. Дубовской, интерпретироваться иначе, как «позднечерногоровские». Таким образом, в очередной раз изменив свою точку зрения, она приходит к выводу о культурной близости прежде, по ее мнению, отличавшихся друг от друга степных погребений. Причем, происходит это путем простого переименования новочеркасских захоронений, и объединения их в “позднечерногоровскую” группу памятников.

Последняя редакция гипотезы О.Р. Дубовской в интерпретации степных предскифских древностей юга Восточной Европы практически полностью соответствует концепции А.И. Тереножкина, который, выступая за прямую культурную преемственность между черногоровскими и новочеркасскими (позднечерногоровскими по О.Р. Дубовской) памятниками, считал их хронологическими ступенями одной культуры. Таким образом, “новационные” построения О.Р. Дубовской сводились лишь к терминологической рокировке, когда вместо названия “киммерийская” культура, она относит все предскифские памятники степной зоны Северного Причерноморья к черногоровской культуре. Погребения, в состав инвентаря

²¹⁰ Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. №6. Донецк, 1997. С. 181-218; Dubovskaja O.R. Zur ethnischen und kulturellen Einordnung der "Novocerkassk-Gruppe" // Eurasia Antiqua. №3. 1997. S. 277-328.

которых входят детали конской упряжи и иные изделия новочеркасского типа, расположенные за пределами северопричерноморской степи, например, в южной части украинской лесостепи, Нижнем Подунавье (Ендже, Белоградц), Северном Кавказе (Уашхиту) объявлены О.Р. Дубовской могилами местной воинской аристократии: чернолесской, фракийской, протомеотской ²¹¹.

В последней четверти XX в. века много внимания уделялось и другим аспектам киммерийской проблемы. Гипотеза о фракийской принадлежности киммерийцев подверглась серьезному пересмотру. Археологические раскопки в Северном Причерноморье способствовали накоплению новых и важных материалов для определения культурной и этнической принадлежности киммерийцев. Все более очевидной становится связь киммерийцев с носителями культур финальной бронзы степей Восточной Европы, кочевой характер их хозяйства и принадлежность к иранской языковой группе ²¹².

Особенно много внимания «фрако-киммерийскому» вопросу уделила А.И. Мелюкова ²¹³. По ее мнению, киммерийцы в основной своей массе принадлежали к иранской языковой группе и можно говорить лишь об отдельных фракийских элементах, сохранившихся среди киммерийцев на

²¹¹ Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. №6. Донецк, 1997. С. 182-183.

²¹² Абаев В.И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы // Проблемы скифской археологии / МИА. №177. М., 1971. С. 11; Грантовский Э.А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября – 6 октября 1968 г. Т. II. М., 1975. С. 76-92; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племён. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977. С. 139.

²¹³ Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975. С. 54-67; её же. Скифия и фракийский мир. М., 1979. 256 с.; её же. Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тыс. до н.э. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология. М., 1984. С. 224-234.

западных окраинах степи ²¹⁴. Анализ материалов, по происхождению связанных с фракийским миром, в культуре населения Северного Причерноморья позволил А.И. Мелюковой утверждать, что ни в степи, ни в лесостепи фракийские элементы не были определяющими в общем облике материальной культуры. Но там и здесь они имели место, начиная с эпохи поздней бронзы и кончая VIII - VII вв. до н.э. Более всего влияние фракийцев проявилось в сложении комплекса лощеной посуды и ее орнаментации ²¹⁵. Заметим, что это обычное явление при взаимодействии кочевых и оседлых народов. Номады или приобретают более совершенную керамику у своих оседлых соседей или берут в жены жительниц городищ и поселений, которые продолжают изготовление кухонной керамики по-старому, традиционно.

Исследовательница отмечала, что трудно установить, происходила ли передача «галыштатских» традиций от лесостепных племен к степным или наоборот. Наличие фракийских элементов в культуре северопричерноморских степных племен в предскифский период следует объяснять, прежде всего, экономическими и культурными контактами ²¹⁶. О них свидетельствует и распространение в VIII - VII вв. до н.э. в Карпато-Дунайском регионе конского снаряжения и некоторых видов оружия, сходных с восточноевропейскими ²¹⁷.

Несмотря на вышеуказанные разработки фрако-киммерийской проблемы, к специалистам, отождествлявшим киммерийцев с фракийцами, присоединился И.Т. Черняков. Он, вслед за рядом исследователей (Т. Сулимирский), придерживается точки зрения о длительном развитии киммерийской культуры, которая на ранних этапах связывается им с сабатиновской (XIV-XII вв. до н.э.) и белозерской культурами (XII-X вв. до

²¹⁴ Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975. С. 63.

²¹⁵ Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 87, 88.

²¹⁶ Там же. С. 70.

²¹⁷ Там же. С. 64-65.

н.э.). Родство материальной культуры и идеологических представлений племен культур ноа, сабастиновской и кослоджени, служит археологическим подтверждением этнического родства фракийцев и киммерийцев ²¹⁸. На это родство, по его мнению, указывает насыщенный фракийскими элементами, преимущественно в керамике материальной культуры ²¹⁹. Население Северо-Западного Причерноморья представляется этому автору активным проводником и переносчиком многих раннефракийских элементов далее на восток за пределы Северного Причерноморья. Так, появление лощеной керамики на рубеже II - I тыс. до н.э. в казахстанских степях и на Кавказе связывается с белозерским населением степной зоны Северного Причерноморья ²²⁰.

Говоря о вкладе И.Т.Чернякова в киммерийскую проблематику, следует указать один курьезный момент Исходя из единственного сообщения Гомера о киммерийцах по ту сторону Океана он попытался найти следы «Города людей киммерийских» в археологических реалиях Северного Причерноморья в руинах каменных домов белозерской культуры²²¹. Но эта оригинальная идея не нашла поддержки у исследователей.

Таким образом, для собственно предскифских памятников X – VIII вв. до н.э. каких-либо аргументов в пользу их фракийской принадлежности

²¹⁸ Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. Киев, 1985. С. 148.

²¹⁹ Там же. С. 151.

²²⁰ Ванчугов В.П., Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 16.

²²¹ Черняков И.Т. «Город людей киммерийских» Гомера в археологических реалиях Северного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов Областной конференции, посвященной 90-летию Б.Н.Гракова. – Запорожье, 1989. – С. 165–167.

А.Т. Черняковым приведено не было. Этот исследователь считал, что выделенные А.И. Тереножкиным киммерийские погребения являются свидетельствами заключительного этапа их истории, связанной с проникновением в их среду отдельных отрядов раннескифских племен из азиатской части степей ²²². Напомним, что в то же время близкая точка зрения по вопросу о происхождении древнейших кочевников Восточной Европы была высказана В.И. Клочко и В.Ю. Мурзиным ²²³. Они также связывали предскифские черноговорские памятники с носителями протоскифской культуры, продвигнувшимися в степи Восточной Европы в IX в. до н.э. из восточных районов Евразии. В качестве аргументов они приводили появление в предскифское время ряда артефактов восточного происхождения: чуждые местной линии развития формы кинжалов, наконечников стрел, удила, псалиев, а также антропоморфных изваяний, непосредственно связанных с оленными камнями Южной Сибири и Центральной Азии ²²⁴.

Во второй половине 70-80-х гг. особенно интенсивно продолжала разрабатываться и проблема взаимоотношений киммерийцев с населением Северного Кавказа. Э.С. Шарафутдинова возражала против мнения А.И. Тереножкина и А.М. Лескова, отождествлявших кобьяковское население с киммерийцами. Она отмечала, что «кобьяковцы» - население с прочной оседлостью без черт кочевого уклада, зарождение которых следовало бы предполагать для предков киммерийцев-конников ²²⁵. Э.С. Шарафутдинова выделила особую кобьяковскую культуру (X - начало VIII вв. до н.э.), сформировавшуюся в Западном Предкавказье при взаимодействии поздней

²²² Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. Киев, 1985. С. 149.

²²³ Клочко В.И., Мурзин В.Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 12-19.

²²⁴ Там же. С.18.

²²⁵ Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобьяковская культура) // САИ. В1-11. Л., 1980. С. 75.

северокавказской, кобанской, а также позднеармянской культур. Прекращение жизни на кобяковских поселениях связывается ею с какой-то внешней причиной, вероятнее всего с движением киммерийских племен. При этом она полагает, что кобяковское население могло войти в состав киммерийцев или было одним из компонентов в формировании последних.

Ранее некоторые исследователи были склонны связывать киммерийцев с кобанской (Л.А. Ельницкий, Т. Сулимирский) или меотской (М.И. Артамонов, В.П. Шилов, Н.Г. Ловпаче) культурами. Особую разновидность высказанных суждений представляет точка зрения Н.Л. Членовой о киммерийском происхождении памятников западного варианта кобанской культуры (каменноостско-березовская культура, по ее терминологии), к которой исследовательница причислила также памятники типа Кубанского и Николаевского могильников ²²⁶.

Однако подобные утверждения не разделяются большинством специалистов по древней истории Северного Кавказа, также как и мнение о существовании особой киммерийско-карасукской общности, предложенной Н.Л. Членовой ²²⁷. Против тенденции связывать киммерийцев с местными кавказскими культурами выступали Н.В. Анфимов ²²⁸ и В.И. Козенкова ²²⁹ и др.

²²⁶ Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. С. 81.

²²⁷ Членова Н.Л. Памятники I тысячелетия до н.э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности // Искусство и археология Ирана: Всесоюз. конф. 1969 г.: Докл. М., 1971. С. 323–329, табл. XLI–XLII.

²²⁸ Анфимов Н.В. Протомеотский могильник с Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961. С. 120.

²²⁹ Козенкова В.И. Инновации и процесс формотворчества в кобанской культуре Кавказа (на примере зооморфных браслетов) // СА. 1989. №3. С. 27–34.

В этой связи особого внимания заслуживают разработки С.Л. Дударева²³⁰ и С.В. Махортых²³¹ по Северному Кавказу, в которых происхождение протомеотской и каменноостско-березовской «культур» рассматривается как процесс инфильтрации степного населения в среду северокавказских автохтонов. Дальнейшее развитие этих групп идет по пути межэтнического синтеза. Последнее, однако, не отрицает присутствия в Предкавказье подкурганых захоронений киммерийцев, равно как и наличия местных кавказских памятников в зоне контакта.

За эти годы претерпела изменения и хронология киммерийских древностей. С.В. Махортых (рис. 26) в ряде работ показал, что время бытования новочеркасских памятников не ограничивается временем сокрытия собственно Новочеркасского клада, то есть последней четвертью VIII – началом VII вв. до н.э.²³² В 1994 г. С.В. Махортых впервые были выделены и изучены киммерийские памятники Северного Кавказа, а также на примере протомеотской группы памятников исследованы вопросы взаимоотношений киммерийцев и местного оседлого населения²³³. Используя материалы Предкавказья и Северного Причерноморья, исследователю удалось проследить эволюцию и генезис, а также уточнить хронологические рамки бытования новочеркасского культурного комплекса, начиная с IX в. до н.э.

²³⁰ Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. 124 с.

²³¹ Махортых С.В. Проблемы киммерийской истории и Кавминводы // Археология и краеведение Кавминвод (Материалы 1-й региональной конференции). Кисловодск, 1992. С. 77-80.

²³² Махортых С.В. Новые данные о скифо-кавказских контактах // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 56; его же. Проблемы киммерийской истории и Кавминводы // Археология и краеведение Кавминвод (Материалы 1-й региональной конференции). Кисловодск, 1992. С. 28.

²³³ Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994. 95 с.

Удревнение новочеркасской группы памятников открывает новые перспективы в понимании путей формирования раннекочевнических образований на юге Восточной Европы в предскифский период. В то же время выделение группы черногоровских погребений со скорченным труположением на боку (Вильно-Грушевка к.11, п.2, Облои, к.3, п.1, Провалье к.8 и др.), синхронизирующийся по инвентарю с позднейшими новочеркасскими памятниками, позволило говорить о существовании черногоровских памятников и на заключительном этапе предскифской эпохи²³⁴.

В начале 90-х гг. С.В. Махортых были рассмотрены причины, пути и специфика перехода населения степей Восточной Европы к кочевому образу жизни в конце II – начале I тыс. до н.э. По его мнению именно они обусловили формирование киммерийской культуры и ее последующее распространение на соседние территории лесостепной Украины и Северного Кавказа²³⁵. Данный процесс нашел свое отражение в появлении нескольких групп киммерийских памятников, наиболее известными из которых являются черногоровская и новочеркасская (**рис. 28-35**).

Помимо культурной классификации С.В. Махортых первым предпринял попытку дать локальную классификацию предскифских древностей. Для причерноморского региона он выделил шесть территориальных подгрупп:

²³⁴ Махортых С.В. О предскифских шлемовидных бляхах // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н.Гракова). Запорожье, 1999. С. 80.

²³⁵ Machortych S.V., Ievlev M.M. Über die Anfangsperiode der Geschichte der Kimmerier // Acta Arch. Carpathica 31. 1992. S. 107-118; Махортых С.В. Проблемы киммерийской истории и Кавминводы // Археология и краеведение Кавминвод (Материалы 1-й региональной конференции). Кисловодск, 1992. С. 77-80; его же. Ранние кочевники Северного Причерноморья и окружающая среда // Окружающая среда и древнее население Украины. Киев, 1993. С. 42-51; его же. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994. 95 с.

(Дунайско-Днестровская, Южнобугская, Приднепровская, Самарско-Орельская, Крымская и Восточноукраинская) (рис. 27), что подтверждает неоднородность раннекочевнических племен на этой территории ²³⁶. В продвижении киммерийцев в лесостепную зону автором также выделяется два основных этапа, датирующихся соответственно X – IX и концом VIII – началом VII вв. до н.э. ²³⁷. Первый из них был связан с ухудшением природно-экономической ситуации и расселением киммерийских племен на юге Восточной Европы. Второй этап начался с появлением скифов из восточных районов Евразии и оттоком части киммерийского населения в северном (лесостепном) направлении.

Специальный анализ письменных источников позволил С.В. Махортых сделать вывод о реальности существования киммерийцев как древнейшего из народов юга Восточной Европы. Об этом же, по мнению исследователя, свидетельствует и рассмотрение происхождения имени «киммерийцы», которое демонстрирует связь с имеющимися подразделениями в военной или социальной организации этого кочевого народа ²³⁸.

С.В. Махортых рассмотрена также проблема пребывания на Ближнем Востоке киммерийцев, которые в течение довольно длительного времени (последняя четверть VIII – VII вв. до н.э.) принимали активное участие в событиях древневосточной истории, сталкиваясь здесь с Ассирией, Урарту, а

²³⁶ Махортых С.В. Дунайско-днестровская территориальная подгруппа киммерийских памятников // Степи Евразии в древности и Средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 103-106; его же. Классификация бронзовых предскифских псалиев Восточной и Центральной Европы // Наукові праці вторичного факультету Запорізького державного університету. Вип. XVIII. Запоріжжя, 2004. С. 300-321; его же. Киммерийці Северного Причорномор'я. Київ, 2005. С. 183-200.

²³⁷ Махортых С.В. Ранние кочевники Северного Причерноморья и окружающая среда // Окружающая среда и древнее население Украины. Киев, 1993. С. 47.

²³⁸ Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994. 95 с.; его же. Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. 1998. № 2. С. 95-104.

также скифами ²³⁹. Противостояние этих двух кочевнических группировок очевидно и противоречит их отождествлению друг с другом. О реальности киммерийцев как самостоятельного этноса свидетельствуют также существование этнонима «киммерийцы» и археологические материалы, подтверждающие участие киммерийцев в переднеазиатских походах. На Древнем Востоке автором впервые выделен киммерийский пласт древностей, связанный своим происхождением с пребыванием там восточноевропейских номадов VIII – VII вв. до н.э.

Специальное исследование С.В. Махортых посвятил проблеме культурных контактов населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху ²⁴⁰. Изучение киммерийских комплексов Северного Причерноморья, по которым фиксируются связи с Центральной Европой, позволило выделить раннюю группу памятников, датирующуюся IX-VIII вв. до н.э. (Бандышевка, Слободзея и др.), и позднюю – VIII-VII вв. до н.э. (Сарата, Великая Александровка, и др.). Они подтверждают существование контактов между двумя вышеупомянутыми регионами на протяжении всего предскифского времени, а не только на черноморовском этапе, как это предполагалось до сих пор. Помимо этого, автором предложены несколько моделей распространения киммерийских культурных традиций в Карпато-Подунавье.

Особое внимание уделено группе кладов на юге Восточной Европы, которая имеет стандартный облик предметов и узкие хронологические рамки бытования (последняя четверть VIII – начало VII вв. до н.э.) ²⁴¹. Автором обосновывается, что появление этой категории памятников связано с общей

²³⁹ Махортых С.В. Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. 1998. № 2. С. 95-104.

²⁴⁰ Махортых С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев, 2003.

²⁴¹ Махортых С.В. Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу // Археологія. №1. 1992. С. 23-30.

дестабилизацией обстановки на рассматриваемой территории и обусловлено проникновением сюда нового кочевого населения известного под именем скифов. Передвижения кочевников привели к политической нестабильности, что явилось причиной сокрытия кладов и разрушения поселений (Сержень-Юрт, Рудковецкое городище и др.). Данные факты уточняют время окончания киммерийского и наступления нового скифского периода на юге Восточной Европы в пределах конца VIII или начала VII вв. до н.э.

Обобщением исследований С.В. Махортых стала его докторская диссертация «Культура и история киммерийцев Северного Причерноморья», защищённая уже в начале XXI в.²⁴². В ней автор собрал и проанализировал свыше 200 археологических памятников позднейшего предскифского периода²⁴³. Автор подробно обосновал собственную периодизацию (три периода), установил, что киммерийская культура оформилась в степях между Днепром и Предкавказье в начале IX в. до н.э. на основе традиций белозерского и пострубного населения. В отличие от А.И. Тереножкина С.В. Махортых не считает черногоровский и новочеркасский типы памятников двумя последовательными этапами развития предскифской степной культуры. По его мнению, самые ранние погребения новочеркасского типа также можно датировать IX в. до н.э., что и черногоровские, то есть они сосуществовали.

Исследователь не только реконструировал историю киммерийцев от их появления в степях Восточной Европы до исчезновения из письменных источников, но и рассмотрел социально-экономическую историю этого кочевого народа. В диссертацию вошло большинство публикаций, изданных С.В. Махортых ранее в 80-90-е годы. В тоже время следует отметить, что в его монографии не нашлось места для общей оценки его главного оппонента А.И. Иванчика, хотя по частностям они встречаются нередко.

²⁴² Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья 2005. и далее .

²⁴³ Там же. С.5

К рубежу концу XX в. назрела необходимость монографического изучения отдельных локальных вариантов и отдельных категорий вещей предскифского периода. Не обошла эта тенденция и киммерийскую проблему.

В Волго-Донском междуречье и Нижнем Поволжье В.В. Дворниченко выделил группу погребений, непосредственно предшествующих ранним савроматам²⁴⁴. По времени они занимают тот же промежуток времени, что и памятники киммерийского периода в Северном Причерноморье. Они представлены небольшим числом погребений и случайных находок при отсутствии поселений. Существенных отличий от памятников черногоровско-новочеркасского типа не обнаруживается, может быть за исключением еще большей бедности сопровождающего инвентаря. Лишь в погребальном обряде наблюдается сосуществование скорченных и вытянутых погребений на всем протяжении предсавроматского периода. Памятники переходного периода от бронзы к железу волго-донских степей органически входят в общность древностей позднейшего предскифского периода Юга Восточной Европы.

В 1991 г. была опубликована книга С.Л. Дударева «Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром». В ней автор отмечал, что благодаря посредничеству киммерийцев, обитатели Северного Кавказа получали культурные импульсы из Подунавья и сами распространяли их в украинскую лесостепь и на Среднюю Волгу²⁴⁵. По его мнению, памятники типа Новочеркасского клада представляют собой симбиоз кобанских и степных компонентов, не существующий как особое этнокультурное образование. Составляющие этот синкретический комплекс элементы в VIII-

²⁴⁴ Дворниченко В.В., Кореняко В.В. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и на Южном Урале. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С.148-152.

²⁴⁵ Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 65.

VII вв. до н.э. были популярны на широкой территории у разноэтничного населения и своим распространением были обязаны кочевникам.

В дальнейшем, исследователь выделил несколько периодов в развитии предскифских памятников Северного Кавказа ²⁴⁶. Первый период маркируется вещами черногооровского типа и на его поздней фазе появляются отдельные наиболее ранние вещи новочеркасского облика (IX – первая половина VIII вв. до н.э.). Второй период характеризуется сочетанием артефактов черногооровского и новочеркасского типов (середина - конец VIII вв. до н.э.). Третий период был временем новочеркасской классики, осложненной появлением древнейших скифских форм (последняя четверть VIII - первая четверть VII вв. до н.э.).

По мнению С.Л. Дударева, новочеркасский комплекс, представляющий собой набор воинских аксессуаров и конской сбруи, сложился в кобанской культурно-исторической области как сплав кобанских, закавказских и степных компонентов ²⁴⁷. Его формирование он датирует началом VIII в. до н.э. и локализуется в предгорной зоне Западного и Центрального Предкавказья, как альтернатива «кочевническому» черногооровскому комплексу и как своеобразный ответ автохтонного населения на растущее давление степняков. Причиной этого давления служили неблагоприятные природно-климатические условия, социальная дифференциация в кочевой среде и выделение воинской верхушки, порождавшие агрессивность степняков ²⁴⁸. Таким образом, по его мнению, на современном уровне исследований можно говорить о достаточно сложном и неоднозначном решении этой проблемы для периферийных относительно степи зон, будь то Северный Кавказ или Северо-Западное Причерноморье.

²⁴⁶ Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999. С. 169.

²⁴⁷ Там же. С. 170.

²⁴⁸ Там же. С. 171.

Анализу предскифских древностей Северо-Западного Кавказа посвящена очень важная книга В.Р. Эрлиха «У истоков раннескифского комплекса», вышедшая в 1994 г.²⁴⁹ Основной ее задачей автор поставил изучение формирования новочеркасского комплекса и переход от него к раннескифскому. Важную роль в ее решении сыграли открытые им материалы кургана Уашхиту 1 в Адыгее, где исследовано наиболее раннее в Предкавказье основное подкурганное захоронение с комплексом вещей новочеркасского типа, а главное – остатками колесницы²⁵⁰. Материалы Уашхиту позволили В.Р. Эрлиху впервые обоснованно выделить важные детали – индикаторы колесничих наборов: кольца с подвижными привесками, имеющими приспособление для крепления ремня; широкие браслет образные кольца; сдвоенные бляхи; трехпрорезные пронизи. По мнению В.Р. Эрлиха, колесница являлась атрибутом наиболее значимых воинских погребений и появилась в Северо-Западном Предкавказье на базе новочеркасских уздечных наборов под влиянием знакомства с войском Ассирии и Урарту²⁵¹. В таком случае находки подобных колесниц являются важным аргументом в пользу сторонников переднеазиатских походов киммерийцев конца VIII в. до н.э., когда они имели культуру новочеркасского облика. Исследователь предполагает, что колесница, скорее была предметом престижа, чем боевым средством, и что обладателем колесниц, вероятно, было сословие ираноязычной кочевой аристократии, сопоставимое с “колесничими” Авесты. Другая категория инвентаря, типичная для новочеркасских памятников – длинновтульчатые наконечники стрел, по В.Р. Эрлиху, появилась в степях Восточной Европы в

²⁴⁹ Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.

²⁵⁰ Эрлих В.Р. Курган Уашхиту и проблема интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, Ставрополь, 1990. С. 59-61.

²⁵¹ Там же. С. 48-50.

конце VIII в. до н.э. во время киммерийских походов в Закавказье и Переднюю Азию²⁵².

В.Р. Эрлих не соглашается с точкой зрения об удревнении новочеркасских памятников вплоть до IX в. до н., считая, что ключевым моментом в их формировании являются военные контакты с Передним Востоком²⁵³. В свете изученного им материала В.Р. Эрлих выступает в защиту причерноморского происхождения киммерийцев. Он подробно анализирует аргументы противников гипотезы ранних походов киммерийцев с территории Причерноморья и доказывает, что говорить о полном отсутствии вещей новочеркасского комплекса в Закавказье и Передней Азии нельзя. Комплексы типа Новочеркасского клада при сегодняшнем уровне наших знаний являются наиболее адекватным археологическим свидетельством восточных текстов о киммерийцах²⁵⁴. Многочисленные и весьма плодотворные исследования В.Р. Эрлиха завершились впоследствии написанием докторской диссертации и фундаментального исследования о начале железного века на Северо-Западном Кавказе²⁵⁵.

Книга В.Р. Эрлиха носила новаторский характер и во многом изменила представления специалистов о предскифском периоде Северо-Западного Кавказа, в первую очередь о характере, происхождении и распространении новочеркасских древностей. Она надежно привязала их истоки к Северокавказскому региону. Во-вторых, сенсационное открытие остатков

²⁵² Эрлих В.Р. Курган Уашхиту и проблема интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, Ставрополь, 1990. С. 118.

²⁵³ Там же. С. 90-91.

²⁵⁴ Там же. С. 97.

²⁵⁵ Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М., 2011. 430 с.

колесницы в Уашхиту 1 прямо подтвердило факт военных походов номадов-киммерийцев на Ближний Восток в конце VIII-начале VII вв. до н.э.

В 1999 г. была опубликована книга С.А. Скорого «Киммерийцы в Украинской лесостепи»²⁵⁶, где были собраны, описаны и проанализированы памятники как Правобережья так и Левобережья Днестра. По его мнению, киммерийцами могло быть только население, оставившее памятники новочеркасского типа. Черногоровскую группу памятников он рассматривает как протоскифскую, указывая, что скифы поглотили киммерийцев в лесостепи очень быстро, и этот процесс закончился не позднее конца первой четверти VII в. до н.э.²⁵⁷ Лесостепные новочеркасские комплексы типа Бутенок представляют собой поздний хронологический пласт киммерийских древностей (714 - 681 гг. до н.э.). С.А. Скорый (**рис. 25**) предположил, что мирные взаимоотношения между пришлыми киммерийцами и местным лесостепным населением (бондарихинцы и чернолессы) установились к концу VIII в. до н.э. Он присоединился к мнению исследователей, считающих кочевников посредниками в торговле между местным лесостепным населением и обитателями Кавказа²⁵⁸. Проанализировав лесостепные памятники Украины, С.А. Скорый говорит, что данные по похоронному обряду автохтонного населения и кочевников не дают оснований говорить об активной интеграции номадов в местную этническую среду за время их присутствия в лесостепи. Более того, по мнению исследователя, этот факт подчёркивает обособленность их культуры²⁵⁹.

Учёный отмечает, что с начала VII в. до н.э. начинается активное продвижение скифов в различные регионы Восточной Европы, в ходе которого происходит факт встречи скифской и предскифской культур. Это, по

²⁵⁶ Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. Киев-Полтава, 1999. 136 с.

²⁵⁷ Там же. С. 70.

²⁵⁸ Там же. С. 72.

²⁵⁹ Там же. С. 77.

утверждению С.А. Скорого, подтверждается тем, что в киммерийских погребениях встречаются скифские предметы и наоборот²⁶⁰. Конкретизируя их, автор указывает, что в ритуале киммерийцев появляются шатровидные конструкции (Ольшан)²⁶¹, а киммерийское влияние наиболее заметно в скифском инвентаре, особенно его украшении (четырёхлепестковые розетки, спиралевидный орнамент, ромбовидные значки).

В 1999 г. была опубликована книга С.И. Лукьяшко «Предскифский период на Нижнем Дону»²⁶², в которой собраны практически все исследованные на то время погребения с территории нижнего Подонья (77 погребений, 11 случайных находок, кладов), а также несколько поселений предскифского периода на Нижнем Дону. Подробнейшим образом проанализирована и материальная культура памятников этой интересующей нас эпохи по следующим категориям: вооружению, снаряжению конской упряжи, керамике, украшениям и предметам туалета, и прочим находкам.

С.И. Лукьяшко рассматривает памятники изученного региона как нижнедонской вариант черногооровской культуры. Его специфической чертой он считает сильное северокавказское влияние и предполагает, что этот вариант сформировался на основе традиций позднесрубной культуры при влиянии кобяковской, а на более позднем этапе – протомеотской культур. Двигателем инновационных тенденций были преимущественно хозяйственные изменения в сторону возрастания элементов номадизма²⁶³. Исследователь подчеркивает, что современный уровень накопленных материалов не подтверждает существование значительной миграции с востока, которая послужила основой сложения культуры предскифского времени²⁶⁴.

²⁶⁰ Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. Киев-Полтава, 1999. С. 78.

²⁶¹ Там же. С. 115. Рис. 9.

²⁶² Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999.

²⁶³ Там же. С. 192-194.

²⁶⁴ Там же. С. 194.

С.И. Лукьяшко реконструирует хозяйство предскифского населения низовий Дона как полукочевое с преобладанием в стаде мелкого рогатого скота, местным изготовлением грубой посуды и импортом столовой керамики. По сравнению с соседним северокавказским населением предскифская культура выглядит, по мнению автора, более примитивной, что не позволяет ему согласиться с рядом авторов, рассматривающих появление новых форм оружия, конской сбруи и военной техники у местного населения Кавказа как результат степного влияния. Впоследствии С. Л. Лукьяшко на основе этих исследований написал и успешно защитил докторскую диссертацию²⁶⁵. Изучение памятников предскифского времени Нижнего Дона привело автора диссертационного исследования к выводу о том, что культура этого периода являлась составной частью кочевнической культуры европейской степи. С.И. Лукьяшко отмечает своеобразие предскифских древностей региона и отсутствие генетической связи предскифских и, собственно, скифских памятников. Однако, по мнению исследователя, существует генетическая преемственность между предскифскими памятниками Нижнего Дона и группой савроматских памятников, известных по античным источникам под именем иксаматы. Заселение степи скифами совпадает со временем возвращения их из переднеазиатских походов. Эта кочевая орда несет на себе следы северокавказских влияний. С этого времени Нижний Дон оказывается в зоне влияния скифской культуры.

Ученик С.Я. Лукьяшко С.С. Востриков защитил кандидатскую диссертацию, посвященную погребальной обрядности населения предскифского и раннескифского периодов на территории Нижнего Подонья

²⁶⁵ Лукьяшко С.И. Население Нижнего Дона в предскифское и скифское время : IX - IV вв. до н.э. : автореф. дис. ... докт. историч. наук. М., 2013. 36 с.

²⁶⁶. Он составил свод погребальных комплексов предскифского и раннескифского периода с территории Нижнего Дона, тем самым создал базу данных для их изучения современными формально-статистическими методами. Это позволило ему провести статистический анализ ритуала погребения. Учёный выделил три устойчивых комплекса сочетаний составляющих погребального обряда (комплексы «DBHG», «DBCG» и «СAAA»). По его мнению эти комплексы представляют собой локальные варианты культуры нижнедонских кочевников предскифского периода ²⁶⁷. Первые по хронологии комплексы родственны между собой и представляют предскифскую (черногоровскую) культуру. Последний комплекс характеризует, по мысли автора, позднейшую предскифскую или раннескифскую(?) группу. С.С. Востриков отмечает, что какие-либо связи между этим комплексом и другими, фактически отсутствуют.

Кроме С.И. Лукьяшко исследованием предскифского этапа, но на более северной территории Среднего Подонья, занимался А.П. Медведев. Ему он посвятил главу монографии «Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э.» ²⁶⁸. Автору удалось выделить более дюжины погребений, близких черногоровским и новочеркасским. На этом основании он счел возможным говорить о их киммерийской принадлежности. Автор характеризует рубеж II – I тыс. до н.э., как время перемещений больших масс населения из Великой Евразийской степи и прилегающих к ней районов на юг, в зону древних цивилизаций. Кризисные явления в жизни лесостепных племён этого периода исследователь

²⁶⁶ Востриков С.С. Погребальный обряд кочевого населения Нижнего Дона в предскифский и раннескифский период : автореф. ... канд. историч. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 32 с.

²⁶⁷ Там же. С. 15-20.

²⁶⁸ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М., 1999. С. 15-27.

объясняет природно-климатическими (засухи и сокращение вегетативных периодов), производственно-техническими (упадок бронзовой индустрии), антропогенными (многовековая хищническая хозяйственная деятельность людей) факторами. Следовательно, ранний железный век в лесостепном Подонье и на всей территории Евразиях начинается только с появлением новых культур. А.П. Медведев, проверив фактические основания гипотезы П.Д. Либерова о местных истоках культуры раннего железного века и отказался от нее в силу того, что ни одна из культур бронзового века не доживает до наступления века железного ²⁶⁹. По его мнению, на рассматриваемой территории эта эпоха начинается в позднейший предскифский период ²⁷⁰.

В 2005 г. была опубликована книга одесского археолога И.В. Бруяко ²⁷¹, посвященная ранним кочевникам в Европе X-V вв. до н.э. Рассматривая происхождение степных предскифских памятников Северного Причерноморья, он предполагает участие в этом процессе позднего белозерского населения и нового населения восточного происхождения, принесшего всадническо-воинский комплекс ²⁷². Рассматривая процесс перехода к номадизму и новой раннекочевнической культуре, И.В. Бруяко, как и ранее С.В. Махортых ²⁷³, пишет о кризисе экономики населения

²⁶⁹ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М., 1999. С. 18.

²⁷⁰ Там же. С. 18.

²⁷¹ Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X-V вв. до Р. Х.). Кишинёв, 2005. 360 с.

²⁷² Там же. С. 77-79, 87.

²⁷³ Махортых С.В., Иевлев М.М. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 18-30; Махортых С.В. Ранние кочевники Северного Причерноморья и окружающая среда // Окружающая среда и древнее население Украины. Киев, 1993. С. 18-23; его же. Культурные

позднебронзового века, связанного с аридизацией климата и ухудшением условий обитания в степном Причерноморье, которые способствовали распространению кочевого образа жизни в этом ареале ²⁷⁴. По его мнению, в настоящее время очевидна синхронность черногоровских и новочеркасских памятников, которые были оставлены киммерийцами, известными нам по письменным источникам ²⁷⁵.

При этом, по мнению И.В. Бруяко, население степного Причерноморья было неоднородным в археологическом отношении. Оно включало две составляющие. Местная линия развития, связанная с лесостепью и фракийским миром, представлена рядовыми степными погребениями, тогда как с восточным миграционным импульсом связываются захоронения конных воинов и клады ²⁷⁶. Первый импульс он относит к предаржановскому времени и связывает с распространением карасукских кинжалов, металлических двусоставных удил и оленных камней. Восточный импульс в степи Северного Причерноморья, как считает И.В. Бруяко, транслировался через Предкавказье, где на базе кобанской культуры сложился вторичный центр распространения этих новационных элементов ²⁷⁷. Азиатские, черногоровско-новочеркасские кочевники, придя в Причерноморье, включили пастушеское местное население в состав своей орды, возможно, образовав двухступенчатую социально-политическую структуру ²⁷⁸.

Одним из ведущих специалистов по конскому снаряжению и вооружению населения позднейшего предскифского периода является московский исследователь С.Б. Вальчак. Ему принадлежит фундаментальная

контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев, 2003. С. 55-57.

²⁷⁴ Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X-V вв. до Р. Х.). Кишинёв, 2005. С. 79.

²⁷⁵ Там же. С. 82-83, 112.

²⁷⁶ Там же. С. 98.

²⁷⁷ Там же. С. 98-100.

²⁷⁸ Там же. С. 308.

монография «Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на Юге Восточной Европы»²⁷⁹. Впервые автор дал детальную классификацию предметов конского снаряжения предскифского периода: удила, псалиев и уздечных комплектов предскифского периода и их составных частей. На основе совстречаемости отдельных форм удили и псалиев предложено хронологическое распределение предскифских археологических комплексов с деталями конской сбруи.

Помимо конского снаряжения немалый вклад С.Б. Вальчак внес в изучение одной из наиболее ярких категорий вооружения предскифского периода – мечей и кинжалов. Это позволило сделать вывод, что районом их формирования и основной производственной базой был Северный Кавказ, тогда как карасукская версия их происхождения является недостаточно обоснованной²⁸⁰. Особого внимания заслуживает вывод исследователя о том, что катализатором процесса формирования сословия воинов-всадников на Кавказе явились представители степного населения Северного Причерноморья²⁸¹. Автором предпринята также попытка выделения наиболее ранних предскифских памятников Восточной Европы с костяными бляшками-украшениями (круга Жирноклеевского кургана), датирующихся им концом IX – первой четвертью VIII вв. до н.э.²⁸².

Важной для изучения истории и культуры киммерийцев явилась монография польского учёного из Ягеллонского университета Яна Хохоровского «Киммерийская экспансия на территорию Центральной Европы»²⁸³. Он тесно работал с украинскими археологами, в частности,

²⁷⁹ Вальчак. С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на Юге Восточной Европы. М., 2009. 292 с.

²⁸⁰ Там же. С. 14, 21.

²⁸¹ Там же. С. 22.

²⁸² Там же.

²⁸³ Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej. Krakow, 1993. 328 s.

С.А. Скорым. По своей полноте и охвату находок киммерийского горизонта в Центральной Европе она не имеет аналогов в европейской литературе. Обзор письменных источников позволил исследователю рассматривать киммерийцев как кочевой народ, мобильный и сильный в военном отношении. Я. Хохоровский считает, что археологические реалии киммерийцев должны, хотя бы частично синхронизироваться с историческими событиями, изложенными в письменных источниках. В то же время он справедливо замечает, что любые попытки отождествления с киммерийцами культур эпохи бронзы следует признать неудачными с методологической точки зрения ²⁸⁴. Сам же исследователь, опираясь на разработки А.И. Тереножкина, не сомневается в тождественности комплексов черногоровско-новочеркасского типа культуре исторических киммерийцев.

Я. Хохоровский отмечает, что территория, занимаемая киммерийцами, не была постоянной и изменялась в зависимости от сложившихся исторических условий, добавляя, что передвижения ираноязычных номадов в западном направлении способствовали их “фракизации” на заключительном этапе предскифского периода ²⁸⁵. Хронологические рамки горизонта находок киммерийского типа в Центральной Европе Я. Хохоровский определяет НаВ2 – рубеж НаВ3/НаС, то есть IX-VIII вв. до н.э., и возможно, первой половиной VII в. до н.э. ²⁸⁶. В этих временных рамках им выделены четыре хронологические группы, каждая из которых характеризуется определенной спецификой: типом памятника (клад или погребальный комплекс), набором и соотношением “киммерийских” и местных “центральноевропейских” форм, их внутренней дифференциацией и т.д.

²⁸⁴ Chochorowski J. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej*. Krakow, 1993. С. 16.

²⁸⁵ Там же. С. 19.

²⁸⁶ Там же. С. 181, 202.

Заслуживает внимания и наблюдение Я. Хохоровского о переживании черноголовских культурных традиций в Центральной Европе вплоть до окончания предскифского периода ²⁸⁷. По мнению исследователя, опиравшегося на разработки своих предшественников ²⁸⁸, появлению киммерийцев в Восточной Европе способствовал природно-экономический кризис, охвативший степные пространства от Дуная до Волги в конце II – начале I тыс. до н.э. Ухудшение климатической обстановки отрицательно сказалось на земледельческо-скотоводческих культурах степной зоны и потребовало перехода значительной части населения к подвижному скотоводству. Однако, по мере увеличения засушливости климата и уменьшения продуктивности степных ландшафтов не окрепшее еще кочевое хозяйство также, по-видимому, начинает переживать кризис. Это вынуждало население покидать степные районы и переселяться в места с более благоприятными природными условиями. Эти передвижения осуществлялось в различных направлениях, среди которых одним из приоритетных была Карпатская котловина ²⁸⁹. При этом, возможно, определенное значение имел и центральноазиатский, “протоскифский” импульс, который способствовал началу перемещения старого степного населения в западном направлении. Это могло бы, по мнению Я. Хохоровского, объяснить присутствие среди находок

²⁸⁷ Chochorowski J. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej*. Krakow, 1993. С. 78.

²⁸⁸ Отрощенко В.В. Белозерская культура // *Культуры эпохи бронзы на территории Украины*. Киев, 1986. С. 143-151; Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990. С. 123-140; Махортых С.В., Иевлев М.М. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период // *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. М., 1991. С. 18-30; Махортых С.В. Ранние кочевники Северного Причерноморья и окружающая среда // *Окружающая среда и древнее население Украины*. Киев, 1993. С. 18-23.

²⁸⁹ Chochorowski J. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej*. Krakow, 1993. С. 267.

киммерийского горизонта Центральной Европы проявлений изделий в зверином стиле, чуждых киммерийскому окружению.

Ян Хоровский полагает, что об агрессивном характере проникновения номадов свидетельствуют значительные размеры культурно-поселенческих преобразований и локальные разрушения укреплений. Важным последствием киммерийского присутствия в Средней Европе является также нарушение «герметичности» местных общественных структур и формирование аристократического слоя, для которого главным архетипом отныне служил конный воин ²⁹⁰.

Особое внимание Я. Хохоровский уделяет эпизоду из «Истории» Геродота о конфликте между киммерийцами, закончившимся битвой «царей» у р. Днестр ²⁹¹. Исследователь полагает, что в нем отразился заключительный этап «скифо-киммерийского конфликта», датирующийся между 680 и 660 гг. до н.э. Появление на юге Восточной Европы скифов в конце VIII или начале VII вв. до н.э. положило начало второму этапу проникновения киммерийцев в Центральную Европу. Опираясь на письменные источники, Я. Хохоровский связывает с ними племена сигиннов и агафирсов. Особый интерес в этой связи представляет участие киммерийских традиций в сложении гальштатской материальной культуры и искусства ²⁹².

Таким образом основной магистральной линией третьего этапа в изучении киммерийской проблемы, безусловно, оказалась концепция киммерийцев и их культуры, разработанная А.И. Теренежкиным. Большинство учеников и последователей исследовали предскифские древности Северного Причерноморья в рамках этой концепции. К ним

²⁹⁰ Chochorowski J. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej*. Krakow, 1993. С. 269.

²⁹¹ Там же. С. 11, 14.

²⁹² Там же. С. 272.

присоединились и некоторые зарубежные исследователи, в частности, Ян Хохоровский.

И последнее наблюдение. Нужно отметить, что российские и украинские археологи до начала 90-х годов прошлого века в изучении киммерийской проблемы работали практически в едином русле А.А. Иессена – А.И. Тереножкина. Никаких принципиальных расхождений в их подходах к решению киммерийской проблемы не наблюдалось. Ситуация изменилась лишь в конце XX в.

ГЛАВА 5. НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КИММЕРИЙЦЕВ КОНЦА XX – ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI вв.

Четвертый период в изучении истории и культуры киммерийцев определенно наступает в 90-е гг. прошлого века. Накопленные за предыдущие полтора десятка лет археологические данные заставили уточнить или пересмотреть ряд положений, высказанных А.И. Тереножкиным. Появились обобщающие монографии и статьи, публикуются новые материалы, а вместе с ними – зарождаются новые концепции истории, этнической принадлежности и локализации киммерийцев. К этому времени стало ясно, что, на Ближнем Востоке, куда кочевники- киммерийцы совершали походы с конца VIII в., не оказалось пласта степных древностей типа Черногоровки и Новочеркасского клада, уверенно приписанных А.И. Тереножкиным киммерийцам. Зато в Восточной Анатолии было открыто несколько погребений ярко выраженного раннескифского облика времени киммерийских и скифских походов. Встала проблема: можно ли непротиворечиво согласовать все эти факты в рамках одной научной концепции.

1993 г. – является особым годом в развитии российского киммероведения. Тогда практически одновременно было опубликовано небольшое, но важное по своему значению коллективное исследование ленинградских ученых С.Р. Тохтасьева, Н.К. Качаловой и А.Ю. Алексева «Киммерийцы: этнокультурная принадлежность»²⁹³, а также монография А.И. Иванчика на французском языке²⁹⁴, переизданная в России в 1996 г.²⁹⁵ В наиболее подном виде взгляды А.И. Иванчика на киммерийскую проблему

²⁹³ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. 121 с.

²⁹⁴ Ivantchik Askold I. Les Cimmériens au Proche-Orient (OBO 127). 127. Fribourg. Göttingen, 1993. 324 p.

²⁹⁵ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. М., 1996. 324 с.

позднее изложены в солидной монографии А.И. Иванчика «Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред-и раннескифского времени»²⁹⁶.

В книге ленинградских исследователей последовательно рассмотрены данные античных письменных источников о киммерийцах (С.Р. Тохтасьев – **рис. 37**)²⁹⁷ и археологическая ситуация в восточноевропейских степях в эпоху финальной бронзы (Н.Л. Качалова) и начала железного века (А.Ю.Алексеев – **рис. 36**)²⁹⁸. В результате сделан неутешительный вывод, что «современная археологическая интерпретация памятников южно-русских степей IX-VIII вв. до н.э. уже не укладывается в рамки традиционной исторической схемы» (вероятно, имеется в виду схема А.И. Тереножкина)²⁹⁹.

Анализ античной литературной традиции, проведённый С.Р. Тохтасьевым, показал, что представление о Северном Причерноморье, как прародине киммерийцев первоначально существовало в форме локальных представлений, которые были сведены воедино Геродотом и его предшественником³⁰⁰. Однако никакого анализа этого уникального источника он не даёт - где, когда, как, кем была создана эта эта «фикция». Более того, он полностью игнорирует бесспорный исторический факт – Геродот в этом пассаже по сути описал механизм действия так называемого закона «пульсации степей», согласно которому из глубин Азии с определенной периодичностью «выбрасывались» новые кочевые народы, толкавшие

²⁹⁶ Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. 323 с.

²⁹⁷ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 9-50.

²⁹⁸ Там же. С. 51-89.

²⁹⁹ Там же. С. 90.

³⁰⁰ Там же. С. 9-50.

предшественников на запад, в Европу³⁰¹. Но рассказ об «Обретении родины» скифами в таком виде мог вполне сохраниться в скифском эпосе, на что обратили внимание М.Н. Погребова, Д.С. Раевский и И.В. Яценко³⁰².

С.Р. Тохтасьев полагал, что наличие греческо-тиритической и боспорской традиций показывает, что грекам не был доподлинно известен район Причерноморья, откуда киммерийцы перешли в Малую Азию. В подтверждение этого тезиса, автор приводит тот факт, что греки приписывали киммерийцам курган у р. Тирас. Подобным образом, по его мнению, греками были названы и природно-географические объекты – «киммерийская топонимия» Боспора, перечисленная у Геродота (Hdt.: IV, 12). Ее значение в качестве исторического источника полностью отвергается С.Р. Тохтасевым в качестве доказательства реального проживания там некогда народа киммерийцев, отвергается на том основании, что киммерийцы не дожили здесь до времени основания там первых греческих апоекий³⁰³. Помимо того для ее опровержения приводится внеисточниковая информация – известный обычай приписывать «не свои» сооружения другому легендарному народу вроде чуди. Но, по большому счету, в такой народной топонимии всегда содержится и некое рациональное зерно, если не о народе – реальном создателе этих древних объектов, то о народе-предшественнике или народе-завоевателе: в «татарских», «калмыцких» и прочих могилах – некая память об обитавших (или воевавших) здесь некогда народах, в «турецких валах» на Перекопе и в Азове – память о турецких укреплениях, в «панских

³⁰¹ Мачинский Д.А. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья // Кочевники евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989. С.7-30.

³⁰² Погребова, М.Н., Раевский, Д.С. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных / М.Н. Погребова, Д.С. Раевский // ВДИ. – 1993. – №4. – С. 110-118.

³⁰³ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С.33-35.

могила» – о поляках Смутного времени, во «французских курганах» («могилах») – о вторжении Наполеона в Россию в 1812 г. и т.п. Таковую память о народе-предшественнике русских сохраняют и «чудские» топонимы в северной части Европейской России: «чудские городки», «чудские могилы», служившие для обозначения «чужих», дорусских древностей. При этом в Новгородской земле такие топонимы изначально могли быть на самом деле исторически связаны с летописной чудью, бывшей общим русским название различных финно-угорских племен.

В археологической части работы Н.Л. Качалова и А.Ю. Алексеев отмечают недостаточную изученность предскифских памятников юга Восточной Европы, указывая, что до их подробной характеристики неправомерно ставить вопрос об их киммерийской принадлежности. Они соглашаются с О.Р. Дубовской, которая локализует новочеркасские памятники в лесостепном Поднепровье и на Северном Кавказе, а черногоровские – в степной зоне, а также с ее тезисом о выделении двух культурных групп в рамках черногоровской культуры³⁰⁴. По их мнению, это последнее отрицает единство киммерийской культуры. Они еще раз акцентируют внимание на том, что между срубной культурой и памятниками киммерийской эпохи прослеживается хронологический разрыв, который не позволяет говорить об их генетической связи. Не видят они и преемственности между белозерскими и черногоровскими памятниками³⁰⁵.

В результате Н.Л. Качалова и А.Ю. Алексеев приходят к выводу, что в степной зоне Восточной Европы не известно ни одной археологической культуры, которая могла бы трактоваться как «киммерийская», что подтверждается, по их мнению, отсутствием вещественных находок европейских типов предскифского времени в Малой Азии, где воевали

³⁰⁴ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 55-57.

³⁰⁵ Там же. С. 67-69.

исторические киммерийцы. В археологическом выражении материальная культура исторических киммерийцев в Передней Азии и скифов Причерноморья и Передней Азии практически не отличимы ³⁰⁶. Замечу, что отстаиваемая сегодня некоторыми исследователями идея о неразличимости культур киммерийцев и скифов не является оригинальной. Близкие суждения более 40 лет назад высказывал И.М. Дьяконов, который полагал, что киммерийцы и скифы ассирийских письменных источников VIII-VII вв. до н.э. оставили памятники не раннескифской, а доскифской культуры ³⁰⁷. В результате проведенного историко-археологического исследования авторы приходят к заключению о том, что землю киммерийцев надо искать не в степном Северном Причерноморье, а в районе Колхиды. Однако, эта страна уже с мифологических времен была хорошо известна грекам, но киммерийцев они там не упоминают ³⁰⁸.

Одновременно с книгой «Киммерийцы» один из ее авторов, С.Р. Тохтасьев опубликовал в том же году большую статью, посвященную хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии. Учёный ещё раз отметил, что носителями культуры скифского типа в Передней Азии были как скифы, так и киммерийцы. Он полагал, что киммерийцы в 660-е гг. до н.э. переселившиеся в Малую Азию, вскоре утратили связи со степной «метрополией». Их материальная культура

³⁰⁶ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 91.

³⁰⁷ Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времён до конца IV в. до н.э. М.-Л., 1956. С. 228; Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 186-194.

³⁰⁸ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 90.

там законсервировалась от изменений, которые характерны для третьего этапа РСК³⁰⁹.

Одновременно с выходом «Киммерийцев» и франкоязычной монографией А.И. Иванчика вышел в свет ряд статей по той же проблематике, который перерос в острую дискуссию о характере культуры киммерийцев и ее соотношении с раннескифской. В самом конце 1993 г. увидела свет статья М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, посвященная культуре ранних скифов³¹⁰. Они вновь подняли одну из самых важных и трудно решаемых проблем – происхождение скифского этноса и скифской культуры. Вместе с тем, в данную проблему автоматически вошёл и «киммерийский» вопрос. В истории скифов, как этноса, ученые прослеживали по крайней мере три качественно различных этапа, каждому из которых соответствовало свое, отличное от прочих, содержание этого этнонима и своя археологическая реальность.

Первый этап – время существования древнейших скифов, или праскифов. Это была, по-видимому, не слишком большая этническая группа, еще не характеризующаяся той культурой, которая ассоциируется со скифами в дальнейшем, но это были изначальные носители интересующего этнического имени. Они-то и продвинулись с востока в Предкавказье, где, возможно, произошло то столкновение их с соразмерной им этнической совокупностью – киммерийцами. Память о об этом событии сохранило эпическое предание, запечатленное позже античной традицией у Геродота. Этот конфликт, как полагали исследователи, не столько повлек за собой кардинальную смену населения той области, где он разыгрался, сколько привел к переходу главенствующей роли среди обитавших там, от киммерийцев к скифам, которых авторы считали более или менее

³⁰⁹ Тохтасьев С.Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. 1993. №2. С. 96.

³¹⁰ Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных // ВДИ. 1993. №4. С. 110-118.

этнокультурно близкими. По мнению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, лишь внутренняя логика эпического рассказа об этом событии придала ему тот облик тотального конфликта, который сохранен в передаче Геродота ³¹¹. Ту совокупность, которая стала именоваться скифами после рассмотренных событий, они обозначают термином «ранние скифы» по аналогии с хорошо известными исторически и археологически поздними скифами II в. до н.э. – III в. н.э. Эти ранние скифы явились главной силой в походах степняков через Кавказ и в страны Передней Азии, а также создателями и носителями достаточно специфичного культурного комплекса – первого из известных нам археологически, вполне достоверно сопрягаемого с именем скифов.

Как отмечалось выше, доклад М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского вызвал неоднозначную реакцию и породил дискуссию ³¹². А.И. Мелюкова, в противовес авторам доклада, отметила, что античные учёные сообщали о пребывании киммерийцев только в Северном Причерноморье, но не на Северном Кавказе. Исследовательница согласилась с М.Н. Погребовой и Д.С. Раевским в вопросе о том, что конфликт скифов и киммерийцев привёл лишь к переходу главной роли от киммерийцев к скифам и к закреплению за этими племенами общего этнонима, воспринятого от победителей. Событие это, по её мнению произошло в Северном Причерноморье ³¹³.

Киевский исследователь В.Ю. Мурзин отметил, что раннескифская культура – сплав позднейшей предскифской культуры черногоровско-новочеркасского типа, протоскифской, привнесенной на территорию Восточной Европы из глубинных районов Азии, а также отдельных включений переднеазиатской культуры. Учёный считает, что под взаимодействием

³¹¹ Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных // ВДИ. 1993. №4. С. 117.

³¹² Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура». Дискуссия // ВДИ. 1994. №1. С. 64-82.

³¹³ Там же. С. 64-65.

восточных протоскифских племён и киммерийского местного населения на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа начало образовываться новое этническое образование³¹⁴.

А.Ю. Алексеев, следуя заключениям своего соавтора С.Р. Тохтасьева и предшественников вновь высказался о том, что киммерийцев в Северном Причерноморье не было. Он считает, что Геродоту доверять нельзя. Аргументация исследователя состоит в следующем: кроме Геродота, например, в рассказах Диодора или Юстина – киммерийцев нет. Правда, здесь стоит возразить, что названные авторы жили спустя полтысячелетия после «отца истории». Далее А.Ю. Алексеев вновь ссылался на значимость открытия в Восточной Анатолии погребений типа Имирлер, Амасьи, которые по месту и времени считал киммерийскими и исключал их принадлежность скифам. Для него гиммири, и шкуда переднеазиатских источников – носители одной археологической культуры, пришедшей с Востока³¹⁵.

Э.А. Грантовский в ходе дискуссии о ранних скифах также отдельно выделяет вопрос киммерийцах. По его мнению – это не один и тот же народ, однако они были носителями одной материальной культуры. Смешение представлений о них произошло позже. Термин «киммерийский», затем «скифский» перешёл из ассирийского в вавилонский, затем в ахеменидский и закрепился в них для обозначения новых элементов вооружения, сбруи и т.п. для народов Древнего Востока³¹⁶.

В ходе дискуссии ряд исследователей решительно выступили против переднеазиатской теории А.Ю Алексеева, А.И. Иванчика и их коллег.

³¹⁴ Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура». Дискуссия // ВДИ. 1994. №1. С. 66-67.

³¹⁵ Там же. С. 69.

³¹⁶ Там же. С. 76.

Существенные аргументы против гипотезы А.И. Иванчика привел С.В. Махортых³¹⁷. Исследователь обращает внимание на то, что пребывание киммерийцев в Передней Азии насчитывает в общей сложности около 100 лет. Появившись здесь в последней четверти 700 гг. до н.э. из страны Гамир, локализуемой им к северу от Главного Кавказского хребта, киммерийцы принимал активное участие в событиях древневосточной истории, сталкиваясь здесь как с Ассирией и Урарту, так и со скифами. Противостояние этих двух группировок вполне очевидно и противоречит их отождествлению друг с другом. О реальности киммерийцев как этноса свидетельствуют также существование этнонима «киммерийцы» и археологические материалы, подтверждающие участие киммерийцев в переднеазиатских походах³¹⁸.

По мнению С.В. Махортых, киммерийцы, как этнос, исчезли не сразу после прихода скифов. Часть их откочевала на запад, в лесостепные районы Украины, а другая, судя по данным греческих и восточных источников, ещё довольно долго продолжала противостоять скифам в Малой Азии. По мнению киевского исследователя, сложившееся на Ближнем Востоке к концу 70-х гг. VII в. противостояние скифов и киммерийцев как союзников и противников Ассирии противоречит отождествлению этих двух народов³¹⁹.

Таким образом, дискуссия, посвященная ранним скифам, затронула проблемы этнической содержания понятия «киммерийцы», их хронологии, мест расселения. проблемы верхней хронологической границы.

Очень близких взглядов авторам книги «Киммерийцы» придерживается основной современный исследователь киммерийской проблемы А.И. Иванчик (**рис. 38**), самостоятельно пришедший к подобным заключениям. В её основе

³¹⁷ Махортых С.В. Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. № 2. 1998. С. 95-104.

³¹⁸ Там же. С. 103-104; Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.. С. 304-305.

³¹⁹ Махортых С.В. Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. № 2. 1998. С. 74.

лежит кандидатская диссертация «Киммерийцы в Передней Азии»³²⁰, защищенная в 1990 г. в Институте востоковедения АН СССР под руководством Э.А. Грантовского. Французский вариант диссертации, переработанной в монографию, был опубликован в серии «Orbis Biblicus et Orientalis»³²¹. Публикация русского варианта – «Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII – VII вв. до н. э.»³²², состоялась только в 1996 г. Книга содержит полную сводку клинописных свидетельств о киммерийцах. А.И. Иванчик на основе анализа ближневосточных текстов предлагает свою реконструкцию истории кочевого народа киммерийцев в период их пребывания в Передней Азии (VIII – VII вв. до н.э.). Рассматриваются отношения киммерийцев с древневосточными государствами (Урарту, Ассирией, Мидией, Фригией, Лидией и др.) и малоазийскими греками, а также со скифами. Работа основана на подробном анализе восточных (аккадских, древнееврейских и др.) текстов, сопоставленных со свидетельствами античных авторов. Особое внимание уделяется проблеме этнической принадлежности киммерийцев. Книга включает корпус источников, содержащий транслитерации и комментированные переводы всех аккадских текстов, упоминающих киммерийцев и скифов.

В результате рассмотрения клинописных источников, А.И. Иванчику удалось восстановить последовательность и хронологию связанных с киммерийцами событий во время их пребывания в Передней Азии. Первые сведения – весна 714 г. до н.э., когда киммерийцы пребывали в Закавказье. После 714 г. до н.э., они упоминаются лишь в начале правления, в районе на

³²⁰ Иванчик А.И. Киммерийцы в Передней Азии : автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 1989. 16 с.

³²¹ Ivantchik Askold I. Les Cimmériens au Proche-Orient (OBO 127). 127. Fribourg. Göttingen, 1993. 324 p.

³²² Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. М., 1996. 324 с.

востоке Малой Азии. По мнению А.И. Иванчика такая ситуация сохранялась в течение всех 670-х гг. до н.э., хотя ни одного упоминания киммерийцев на этой территории в первой трети VII в. до нас не дошло. В это время киммерийцами была частично подчинена Фригия. А.И. Иванчик полагает, что к началу правления Асархаддона в 679 г. до н.э. киммерийцы окончательно переселились в Анатолию ³²³.

На основании анализа клинописных текстов А.И. Иванчик выделяет на границах Ассирии две группы киммерийцев. Учёный не соглашается с предположением И.М. Дьяконова о том, что, когда речь идёт о восточной группе киммерийцев, в действительности имеются ввиду реальные скифы. Он считает, что киммерийцы и скифы на восточных границах Ассирии представляли две различных группы, хотя и близкие между собой этнически ³²⁴.

Одновременно с нападениями на западные границы Ассирийского государства, киммерийцы в первой половине 660-х гг. до н.э. устраивали набеги на Лидию. Затем они, по мнению А.И. Иванчика, сумели отобрать у Ассирии некоторые территории в восточной Малой Азии, а около 644 г. до н.э. разгромили Лидию ³²⁵. Однако, после смерти киммерийского царя Дугдамме / Лигдамиса, около 640 г. до н.э. могуществу киммерийцев пришёл конец, а к завершению VII в. до н.э. они исчезли с политической арены. Автор этой концепции считает, что кочевники ассимилировались с малоазийским населением ³²⁶.

Что касается проблемы этнической принадлежности киммерийцев, то А.И. Иванчик, уточняя гипотетичность своего вывода, говорит о близости их

³²³ Иванчик А.И. Киммерийцы в Передней Азии : Автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 1989. С. 7.

³²⁴ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. М., 1996. С. 161.

³²⁵ Там же. С. 162.

³²⁶ Там же. С. 127-132.

с иранцами. Он отказывается использовать известные имена киммерийских царей в качестве ономастического источника в силу его ненадежности для определения этнической принадлежности. Исследователь обосновывает заключение о сходстве материальной культуры киммерийцев и скифов ³²⁷. Идейно взгляды А.И. Иванчика, так или иначе, восходят к гипотезе выдающегося востоковеда Игоря Михайловича Дьяконова, который вообще не считал термин «киммерийцы» этнонимом и толковал их название как «подвижный отряд ираноязычного кочевого населения евразийских степей»³²⁸.

Наиболее полно взгляды А.И. Иванчика получили развитие в его фундаментальном труде «Киммерийцы и скифы» ³²⁹. В решении вопроса об изначальной территории обитания киммерийцев он, как и авторы выше разобранной монографии «Киммерийцы», предложил опираться не на Геродота³³⁰, жившего спустя пару веков после описываемых им событий, а на источники времени утверждения в Причерноморье скифской гегемонии (VIII-VII вв. до н.э.). Он ставит перед собой задачу проанализировать самый ранний период отношений античной цивилизации со степняками и выделить относящиеся к нему элементы античной традиции.

³²⁷ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. М., 1996. С. 159-160, 163.

³²⁸ Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории ("киммерийцы") // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. С. 98.

³²⁹ Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. 323 с.

³³⁰ Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, 2005. С.13.

На основании полного отсутствия каких-либо аутентичных свидетельств о киммерийцах в понтийском регионе А.И. Иванчиком и его сторонниками сделан однозначный вывод о фиктивности их северочерноморской локализации, хотя ему хорошо известно, что греческая письменная традиция о населении этого региона сложилась значительно позже. По его мнению, и мнению его сторонников киммерийцы «появились» здесь спустя несколько веков в результате позднейшей рационалистической интерпретации мифического образа «людей киммерийских» в «Одиссее» Гомера. При этом для создания оригинальной гипотезы сделан ряд недоказуемых допущений и оговорок.

Взамен старой «автохтонной» гипотезы А.И. Тереножкина и его последователей с историческими киммерийцами этими авторами были увязаны открытые в 80-е годы прошлого века в Восточной Анатолии два погребения раннескифского облика Норшунтепе и в Имирлере (рис. 41-42)³³¹, а также находки наконечников стрел, вероятно, из разграбленного погребения того же круга близ Амасьи (рис. 43), в том числе наконечников стрел раннескифских типов. По существу, этим и ограничивается археологическая источниковая база для радикального пересмотра одной из основных, если не главной проблемы начала железного века. При этом исследователями утверждалось, что на Ближнем Востоке не известны памятники или отдельные находки, имеющие аналогии в предскифских древностях на Юге Восточной Европы типа Черногоровки и Новочеркасского клада.

А.И. Иванчик вновь ставит проблему идентификации археологической культуры исторических киммерийцев и ее критериев³³². Он рассмотрел

³³¹ Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien// Beitrage zur Altertumskunde Klenasiens. Festschrift Kurt Bittel. BD.1 Mainz, 1983. S. 251-270.

³³² Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. С. 16-20.

клинописные тексты о материальной культуре киммерийцев, и пришел к выводу о их малой информативности³³³. Действительно, на их основании вряд ли можно сказать что-либо существенное о культуре киммерийцев и, тем более, о ее специфике, помимо того, что она была кочевой. Однако, по мысли учёного, почти полная неразличимость археологической культуры киммерийцев и скифов вовсе не означает того, что они не различались как этносы. Напротив, аккадская письменная традиция разделяет их достаточно чётко. Здесь кроется явное противоречие, так как А.И. Иванчик говорит о том, что, имея общую материальную культуру, народы занимали различные территории и имели общую историческую судьбу. Подтверждая свою гипотезу, исследователь отмечает, что киммерийцы были близкородственным скифам иранским народом³³⁴.

В результате такой операции, опирающейся, повторяем, на более чем скудную источниковую археологическую базу (2-3 погребения!), киммерийцы VII в. до н.э. в Малой Азии стали носителями... раннескифской культуры на ее начальной стадии (РСК 1), а сотни памятников на Юге Восточной Европы позднейшего предскифского периода типа Черногоровки и Новочеркасского клада в этническом плане оказались неопределенным. В какой-либо связи с историческими киммерийцами им было решительно отказано³³⁵. При этом авторы исходили из непреложного для них постулата, что скифы в клинописных и иных текстах ко времени совершения погребений в Ирмирлере и Норшунтепе с ярким раннескифским инвентарем к западу от Евфрата неизвестны, так как они занимали исключительно более восточные районы.

³³³ Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. С.16.

³³⁴ Там же. С. 282.

³³⁵ Медведев А.П. О некоторых источниковедческих проблемах скифской // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2 (27). С. 411.

Однако само по себе отсутствие к настоящему времени ранних клинописных сообщений о скифах в Малой Азии еще отнюдь не свидетельствует о том, что таковых не могло быть в реальной истории – это типичный *argumentum ex silentio*, опасность которого археологи знают, пожалуй, лучше, чем историки. Трудно поверить и в то, что в течение почти полувека – с 70-х гг. VIII в. и до начала 20-х гг. VII в. до н.э. – киммерийцы и враждебные им скифы тактично придерживались границ своих «доменов», и что скифы, враждебные киммерийцам, не могли вторгнуться на территорию Восточной Анатолии, особенно если учесть исключительную их подвижность как воинственных гиппотоксотов. Клинописные источники, упоминавшие киммерийцев в 714 г. до н.э. «молчат» о них вплоть до 679 г. до н.э. о киммерийцах.

С другой стороны, раннескифская культура келермесского этапа, образцы которой обнаружены в анатолийских погребениях Имирлер и Норшунтепе, пока не обладает столь абсолютными хроноиндикаторами (об этом свидетельствуют материалы двух дискуссий в «Российской археологии» 1992-1993-х гг.³³⁶ и в «Вестнике древней истории» в 1993-1999 гг.)³³⁷, чтобы полностью исключить возможность их датировки не только

³³⁶ Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. №3. С. 104-106; Тохтасьев С.Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. 1993. №2. С. 89-97.

³³⁷ Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных // ВДИ. 1993. №4. С. 110-118; Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура». Дискуссия // ВДИ. 1994. №1. С. 64-82; Иванчик А.И. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. I. Киммерийские памятники Передней Азии // ВДИ. 1994. №3 (210). С. 148-168; Грантовский Э.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. Киммерийцы в Передней Азии. (По поводу монографии: Ivantchik A.I. Les Cimmeriens au Proche-Orient (Orbis Biblicus et Orientalis. 127). Fribourg Suisse, Gottingen, 1993. Русское издание: Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII — VII вв. до н. э. М., 1996) // ВДИ, №4. 1997. С. 69-85; Махортых С.В. Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. № 2. 1998.

серединой VII в., а на четверть века позднее, когда скифы уже хорошо известны в Малой Азии. Достаточно напомнить, что крупнейший иранист, учитель А.И. Иванчика, Э.А. Грантовский допускал, что киммерийцы и скифы в поздний период обитали примерно в тех же областях, где в Малой Азии открыты наиболее выразительные памятники кочевнического типа (находки в Имирлере.)³³⁸.

Завершая обзор «новой» переднеазиатской гипотезы киммерийской проблемы, мы приходим к выводу, что она не дает ответа на ключевой вопрос: если в Имирлере и Норшунтепе погребены киммерийцы – народ одного этнокультурного облика со скифами, то по каким критериям ассирийцы и вавилоняне отличали их от скифов: одних именовали *гаммираи*, а других *ишкуза*? Получается, что к западу от Евфрата для обозначения воинственных кочевников они до последней четверти VII в. до н.э. использовали собирательное название – *гаммираи* в значении «конный подвижный отряд», а к востоку – конкретный этноним *ишкуза* (скифы). Известно, что позднее тем же этнонимом «*гаммираи*» ассирийские писцы в ряде случаев могли обозначать и скифов.

Тем более, что концу XX в. появились прямые археологические свидетельства присутствия носителей новочеркасского комплекса в Передней Азии, где они не только познакомились, но и приобрели ряд ближневосточных заимствований, прежде всего, в сфере военного дела. Они частично отложились в северокавказских могильниках в виде предметов ближневосточного облика конца VIII - начала VII в. до н.э. Это шлемы ассирийских и урартийских типов, колесницы (типа кургана Уашхиту 1 –

С. 95-104; Дударев С.Л. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. № 4. 1998. С. 77-93; Иванчик А.И. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. 1999. №2. С. 77-97.

³³⁸ Грантовский Э.А. Иран и Иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998. С. 184.

рис. 47), близкие по конструкции уарартийским, нагрудные конские «пекторали», удила типа Енджа-Константиновка, даже детали чешуйчатых панцирей характерные детали конской упряжи и др. (могильники «Индустрия», Клин-Ярский III, Султангорский др. – см. **рис. 44-46)** ³³⁹. Это прямые археологические свидетельства военных походов поздних киммерийцев – носителей новочеркасского комплекса и их кавказских союзников в Переднюю Азию ³⁴⁰. Переднеазиатские походы киммерийцев послужили своеобразным катализатором широкого распространения колесниц к северу от Главного Кавказского хребта ³⁴¹. Достаточно указать, что недавно остатки такой новочеркасской колесницы были найдены даже на Среднем Дону ³⁴².

Однако решающий аргумент против новой переднеазиатской киммерийской гипотезы, на наш взгляд, дает один непреложный факт. Массовые археологические источники однозначно свидетельствуют о смене археологических культур на Юге Восточной Европы не позже первой половины VII в. до н. э., об исчезновении своеобразной предскифской культуры типа Новочеркасского клада, носителем которой был довольно многочисленный народ, обитавший здесь до скифов. А согласно третьему рассказу Геродота таким народом могли быть только *киммерийцы*. Другого варианта античная традиция не дает. Именно с этого времени на Северном Кавказе и в Украинской лесостепи распространяются характерные элементы новой археологической культуры, которую ретроспективно не с кем связать,

³³⁹ Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005. С. 301-305.

³⁴⁰ Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007. С. 198-199.

³⁴¹ Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005. С.305.

³⁴² Берестнев Р.С. Новый клад начала раннего железного века с территории Донского правобережья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 4. С. 15-22.

кроме как со скифами. Распространяются не только в Восточной Европы, но, как мы видим в инвентаре погребений Имирлер и Норшунтепе, и на Ближнем Востоке. Таким образом, ход событий, изложенный Геродотом (IV, 11-12), независимо подтверждается последовательностью смены археологических культур в Киммерийской земле, которую теперь стали населять скифы.

В силу этих и других причин исследования А.И. Иванчика и ленинградских коллег не получили особой поддержки среди российских археологов. Не приняли его заключения и украинские специалисты, которые продолжают ее разрабатывать в русле концепции А.И. Тереножкина. В тоже время публикации А.И. Иванчика породили целую серию критических статей, где содержались не только общие соображения, но и приводились конкретные археологические материалы, не укладывающиеся в его схему³⁴³.

На все рецензии о своей концепции А.И. Иванчик ответил в 1999 г. на страницах «Вестника древней истории»³⁴⁴. Необходимо подчеркнуть, что исследователь ещё раз отстаивает свою позицию, согласно которой киммерийцы в период своих вторжений в Переднюю Азию были носителями «раннескифской» археологической культуры. К той же культуре, очевидно, принадлежали и исторические скифы. Речь идет о двух группах, которые были

³⁴³ Грантовский Э.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. Киммерийцы в Передней Азии. (По поводу монографии: Ivantchik A.I. Les Cimmeriens au Proche-Orient (Orbis Biblicus et Orientalis. 127). Fribourg Suisse, Gottingen, 1993. Русское издание: Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII — VII вв. до н. э. М., 1996) // ВДИ, №4. 1997. С. 69-85; Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999. С. 84-90; Вальчак С.Б. Скаков А.Ю. Дигорские "пекторали" предскифского периода // РА. 2003. №3. С. 118, 119; Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. Еще раз о хронологии "киммерийских" и раннескифских древностей. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С. 200-227; Скаков А.Ю. К изучению хронологии колхидской культуры // РА. 2005. № 3. С. 17-23.

³⁴⁴ Иванчик А.И. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. 1999. №2. С. 77-97.

весьма близки между собой с культурной, а также, вероятно, языковой и этнической точки зрения, но все же достаточно четко различались. Эти различия, однако, А.И. Иванчику может быть удастся установить лишь благодаря письменным источникам. Различия в материальной культуре двух этнических групп, если они были, весьма трудно уловимы, а отдельные нетипичные черты памятников, оставленных киммерийцами в Малой Азии, могут иметь разные объяснения. Для него вопрос о древнейших кочевниках в Северном Причерноморье, предшествовавшим скифам остается без ответа.

Мы рассмотрели сильные и уязвимые стороны новой переднеазиатской гипотезы решения киммерийской проблемы. Нам представляется, что переднеазиатской гипотезе слабых мест гораздо меньше чем в традиционной.

Попытаемся проиллюстрировать это в таблице:

Показатель	Северное Причерноморье	Ближний Восток
Число погребений	Погребений черногоровского и новочеркасского типов в Северном Причерноморье – около 200; на Северо-Западном Кавказе – около 400.	Имирлер, Норшунтепе, Амася – 3.
Происхождение	Памятники черногоровского и Новочеркасского типов возникают на местной основе	Все 3 захоронения принадлежат мигрантам – выходцам из степей
Упоминание киммерийцев в письменных источниках VIII-VII вв.	Киммерийцы VIII-VII вв. упоминаются в многочисленных в клинописных текстах. Они не известны в Северном Причерноморье, исключение	С конца VIII в. киммерицы с большими перерывами упоминаются в клинописных текстах

	– одно сообщение (Одиссея XI, 14).	
Места расселения киммерийцев по письменным источникам	Спустя пару веков, Геродот называет «Киммерийской землей» страну, ныне населенную скифами (IV, 11), т.е. Северное Причерноморье	В клинописных и античных текстах киммерийцы заселяли Каппадокию, затем Синопу
Облик археологической культуры	Киммерийская культура – черногоровско-новочеркасского типа	Киммерийская культура на Ближнем Востоке – культура раннескифского типа
Археологические свидетельства пребывания киммерийцев	На Северном Кавказе в новочеркасских памятниках обнаружены ближневосточные древности времени походов киммерийцев в Переднюю Азию и их подражания	На Ближнем Востоке нет следов культур черногоровско-новочеркасского типа
Роль скифов	К сер. VII в. до н.э. в Северном Причерноморье происходит смена культуры типа Новочеркасского клада раннескифской, что хорошо коррелирует со свидетельствами (Геродота IV, 11)	Скифы вносят свой вклад в разгром киммерийцев к концу VII в. до н.э.

Таблица 1. Сравнительная характеристика традиционной и переднеазиатской гипотез решения киммерийской проблемы

Итак, на рубеже веков смены научных парадигм в киммерийской проблематике не произошло. По-прежнему, гипотеза А.И. Тереножкина о принадлежности киммерийцам памятников черногоровского и новочеркасского типов представляется наиболее предпочтительной. На наш взгляд, «старая гипотеза» А.И. Тереножкина, объясняющая смену позднейшей предскифской культуры киммерийцев раннескифской, связывала в единую непротиворечивую концепцию практически все известные литературные и археологические свидетельства. Она непротиворечиво объясняет имеющиеся в нашем распоряжении письменные и археологические свидетельства. Подход А.И. Тереножкина к киммерийской проблеме оказался наиболее продуктивным – за последнюю четверть века увидели свет новые исследования по киммерийско-скифской тематике украинской лесостепи (Скорый, 1997), Северному Причерноморью (Махортых, 2010), Северо-Западному Кавказу (Эрлих, 2007), снаряжению коня и вооружению (Вальчак, 2009) и др. Тем более, что концу XX в. появились археологические свидетельства присутствия носителей новочеркасского комплекса в Передней Азии в виде ряда ближневосточных заимствований в сфере военного дела, отложившихся в северокавказских древностях второй половины VIII- начала VII в. до н.э. (шлемы ассирийских и урартийских типов, колесницы, характерные детали конской упряжи и др. в погребениях Предкавказья), о которых уже шла речь. А главное, в отличие от сторонников переднеазиатской теории, «за скобки» не остаются многочисленные причерноморские памятники черногоровского и новочеркасского типов (заметим – их в сотни раз больше, чем погребений типа Имирлер и Норшун тепе в Анатолии!), вытесненные носителями раннескифской культуры не позднее середины VII в. до н.э. Вряд ли у столь многочисленного кочевого народа мог быть какой-то иной этноним нежели киммерийцы.

Судя по рецензиям и публикациям, за прошедшую четверть века «новая» гипотеза, исключая пребывание киммерийцев в Северном Причерноморье, не получила особой поддержки со стороны ведущих

российских и украинских исследователей предскифских и раннескифских древностей. Тем не менее, ее постановка заставила не только авторов, но и ее критиков вновь обратиться к литературным и археологическим источникам по киммерийско-скифской проблематике и выявить слабые стороны, казалось бы, устоявшихся представлений об историко-культурных процессах на Юге Восточной Европы в начале железного века.

Завершая главу тем не менее следует сказать, что исследования А.Ю. Алексеева, Н.К. Качаловой и С.Р. Тохтасьева, А.И. Иванчика построены на прекрасном знании источников, а монографии А.И. Иванчика представляют лучшие образцы российской научной литературы в области антиковедения и скифологии. Сама по себе, постановка и обращение внимания исследователей к переднеазиатскому аспекту киммерийской проблемы заставила не только авторов, но и их критиков вновь обратиться к литературным и археологическим источникам по киммерийско-скифской проблематике и выявить слабые стороны, казалось бы, устоявшихся представлений об историко-культурных процессах на Юге Восточной Европы в начале железного века. Последние исследования показали как сильные стороны, так и уязвимые места российского и украинского киммероведения, прежде всего – в силу скудности имеющихся археологических источников по интересующей нас теме, особенно по Ближнему Востоку, да и по ряду других причин. Представляется, что решающие аргументы киммерийской проблемы еще лежат в украинской и русской земле, магистральный ход ее археологического изучения вновь приведет исследователей в Степное Причерноморье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Киммерийская проблема является одной из ключевых тем древней истории. Впервые, на время, в конце VIII-VII вв. до н.э. она объединила историю и Ближнего Востока, и Юга России, и Украины. Этноним «киммерийцы» – самый древний из числа известных имен народов Восточной Европы в передаче греческими авторами. Их имя и история нашли отражение в трех основных независимых группах источников: ближневосточных клинописных текстах; античной литературной традиции и в археологии.

Выход киммерийцев на историческую арену так или иначе был связан с наступлением раннего железного века и появлением кочевничества³⁴⁵. Сам тип кочевого хозяйства периодически «выбрасывал» часть номадов на новые земли, иногда очень далеко от родной степи, в том числе, на Ближний Восток. Орды кочевников нарушали сложившуюся политическую ситуацию и привычный уклад жизни населения этих сильно удаленных друг от друга регионов. Ближневосточные клинописные тексты времени ассирийского царя Саргона II (722-705 гг. до н.э.) сообщают о появлении здесь ранее воинственного народа *гиммири- киммерийцев*. Одновременно их этноним в форме *Κιμμέριοι* становится известен и Гомеру, но он помещает их на противоположном берегу Океана, омывающего ойкумену. С VII в. греческие авторы знают их уже и на Ближнем Востоке, где они не только постоянно воюют с великими восточными державами, но и со вторгнувшимися сюда их давними врагами скифами-ишкуза. Очевидно, в масштабе всемирной истории, это был по существу первый, зафиксированный в источниках контакт носителей древних ближневосточных цивилизаций и выходцев из наших степей.

³⁴⁵ Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004. С. 3.

В России и на Украине накоплены многочисленные археологические материалы и богатый, более чем столетний опыт изучения киммерийской проблемы. В Ираке о киммерийцах, которые там пребывали не менее века, практически ничего не знают. Арабских историков народ *Gimir(r)āia*, игравший существенную роль в истории Ближнего Востока, до сих пор особо не интересовал. Поэтому, мы надеемся, что настоящее диссертационное исследование будет востребовано нашим соотечественниками.

В истории изучения киммерийской проблемы в России и на Украине нам удалось выделить четыре периода, каждый из которых отличается степенью и глубиной исследования интересующих нас памятников.

В первый период развития киммероведения (конец XIX в. – первая половина XX в) в русской дореволюционной и ранней советской археологии исследователями предпринимаются отдельные попытки соотнесения киммерийцев с археологическими материалами – прежде всего со «скорченными и окрашенными костяками» (Д.Я. Самоквасов. А.А. Бобринский, А.А. Спицын). Особняком стоит фигура В.А. Городцова, пытавшегося выделить артефакты позднейшего предскифского периода.

Второй период охватывает 50-е – середину 70-х гг. XX вв. Это время характеризовалось масштабными археологическими исследованиями, впоследствии позволившими выделить новочеркасскую и черноговорскую группы памятников в Северном Причерноморье. Появились первые классификации предметов киммерийской культуры и гипотезы о происхождении киммерийцев. В его начале принципиально важный шаг в разработку интересующей нас проблемы сделал ленинградский исследователь А.А. Иессен. В начале 50-х гг. именно он выделил в степях Восточной Европы небольшую группу позднейших предскифских памятников и датировал их VIII-VII вв. до н.э., предложив название «памятники типа Новочеркасского клада 1939 г.». Помимо него, важный вклад в изучение киммерийских древностей внесли А.И. Тереножкин и Е.И. Крупнов.

Новый период в изучении истории киммерийцев и их культуры начинается с выхода в свет в 1976 г. книги А.И. Тереножкина «Киммерийцы»³⁴⁶. В ней были тщательно собраны, систематизированы и проанализированы практически все степные памятники от Дуная до Волги. А.И. Тереножкин разработал типологию основных категорий вещей предскифского периода, которая не потеряла своего значения и в наше время. Он разделил памятники позднейшего предскифского периода на две хронологические ступени: черногоровскую (900-750 г. до н.э.) и новочеркасскую (750—650 гг. до н.э.). При этом он выводил черногоровские древности из срубной культуры поздней бронзы. Большинство российских и украинских археологов тогда с разными вариациями приняли «киммерийскую» концепцию черногоровско-новочеркасских древностей А.И. Тереножкина. Ее активно развивали его ученики и последователи (В.В. Отрощенко, С.А. Скорый, О.Р. Дубовская и др.).

Нужно отметить, что российские и украинские археологи до начала 90-х годов прошлого века в изучении киммерийской проблемы работали практически в одном русле А.А. Иессена - А.И. Тереножкина. Никаких принципиальных расхождений в их подходах к решению киммерийской проблемы не наблюдается. Ситуация изменяется лишь в конце XX в.

Четвертый современный период в изучении истории и культуры киммерийцев наступает в 90-е гг. Накопленные за предыдущие полтора десятка лет археологические данные заставили уточнить или пересмотреть ряд положений, высказанных А.И. Тереножкиным. К этому времени стало ясно, что, на Ближнем Востоке, куда кочевники-киммерийцы совершали походы с конца VIII в., не оказалось степных древностей типа Черногоровки и Новочеркасского клада, уверенно приписанных А.И. Тереножкиным киммерийцам. Зато в Восточной Анатолии в 70-х гг. было открыто несколько погребений ярко выраженного раннескифского облика времени

³⁴⁶ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 224 с.

киммерийских и скифских походов. Встала проблема: можно ли непротиворечиво согласовать все эти факты в рамках одной научной концепции.

Эту проблему фактически одновременно поставили в 1993 г. группа ленинградских ученых – С.Р. Тохтасьев, Н.К. Качалова и А.Ю. Алексеев, авторы небольшого коллективного труда «Киммерийцы: этнокультурная принадлежность»³⁴⁷, а также московский исследователь А.И. Иванчик в труде «Les Cimmériens au Proche-Orient»³⁴⁸, переизданном в России в 1996 г.³⁴⁹ В окончательном виде взгляды А.И. Иванчика на киммерийскую проблему изложены в его солидной монографии «Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени»³⁵⁰.

В книге ленинградских исследователей последовательно рассмотрены данные античных письменных источников о киммерийцах (С.Р. Тохтасьев)³⁵¹ и археологическая ситуация в восточноевропейских степях в эпоху финальной бронзы (Н.К. Качалова) – начала железного века (А.Ю. Алексеев)³⁵². В результате сделан неутешительный вывод, что «современная археологическая интерпретация памятников южно-русских степей IX-VIII вв.

³⁴⁷ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. 121 с.

³⁴⁸ Ivantchik Askold I. Les Cimmériens au Proche-Orient (OBO 127). 127. Fribourg. Göttingen, 1993. 324 p.

³⁴⁹ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. М., 1996. 324 с.

³⁵⁰ Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. 323 с.

³⁵¹ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 9-50.

³⁵² Там же. С. 51-89.

до н.э. уже не укладывается в рамки традиционной исторической схемы» (вероятно, имеется в виду схема А.И. Тереножкина)³⁵³.

Анализ античной литературной традиции, проведённый С.Р. Тохтасьевым показал, что суждение о Северном Причерноморье, как прародине киммерийцев первоначально существовало в форме локальных представлений, которые были сведены воедино Геродотом и его предшественником³⁵⁴. Однако никаких аргументов о том, где, как, кем, формировалась эта традиция, он не привел. Помимо того С.Р. Тохтасьев полагал, что наличие греческо-тиритической и боспорской традиций показывает, что грекам не был доподлинно известен район Причерноморья, откуда киммерийцы перешли в Малую Азию. Он отвергает т.н. «киммерийскую топонимику» на Боспоре в качестве источника пребывания здесь киммерийцев (Hdt.: IV, 12) на том основании, что киммерийцы не дожили здесь до времени основания там первых греческих апоекий³⁵⁵.

В археологической части работы Н.Л. Качалова и А.Ю. Алексеев отмечают недостаточную изученность предскифских памятников юга Восточной Европы, указывая, что до их подробной характеристики неправомерно ставить вопрос об их киммерийской принадлежности. Они еще раз акцентируют внимание на том, что между срубной культурой и памятниками киммерийской эпохи прослеживается хронологический разрыв, который не позволяет говорить об их генетической связи. Не видят они и преемственности между белозерскими и черногоровскими памятниками³⁵⁶.

В результате Н.Л. Качалова и А.Ю. Алексеев приходят к выводу, что в степной зоне Восточной Европы не известно ни одной археологической

³⁵³ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 90.

³⁵⁴ Там же. С. 9-50.

³⁵⁵ Там же. С.33-35.

³⁵⁶ Там же. С. 67-69.

культуры, которая могла бы трактоваться как «киммерийская», что подтверждается, по их мнению, отсутствием вещественных находок европейских типов предскифского времени в Малой Азии, где воевали исторические киммерийцы. На их взгляд, в археологическом выражении материальная культура исторических киммерийцев в Передней Азии и скифов Причерноморья и Передней Азии практически не отличимы. Заметим, что отстаиваемая сегодня некоторыми исследователями идея о неразличимости культур киммерийцев и скифов не является оригинальной. Близкие суждения более 40 лет назад высказывал И.М. Дьяконов, который полагал, что киммерийцы и скифы ассирийских письменных источников VIII-VII вв. до н.э. оставили памятники не раннескифской, а доскифской культуры ³⁵⁷. В результате проведенного историко-археологического исследования авторы приходят к весьма странному заключению о том, что землю киммерийцев надо искать не в степном Северном Причерноморье, а в районе Колхиды ³⁵⁸. Заметим, что эта местность была достаточно хорошо известна грекам, которые ни разу не упомянули там киммерийцев.

Очень близких взглядов авторам книги «Киммерийцы» придерживается основной современный исследователь киммерийской проблемы А.И. Иванчик. Он отказывается использовать известные имена киммерийских царей в качестве ономастического источника в силу его ненадежности для определения этнической принадлежности. В тоже время, касаясь проблемы этнической принадлежности, он допускает их близость иранцам. Исследователь пытается обосновать это заключение сходством материальной

³⁵⁷ Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времён до конца IV в. до н.э. М.-Л., 1956. С. 228; Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 186-194.

³⁵⁸ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 90.

культуры «киммерийцев» Восточной Анатолии и ранних скифов³⁵⁹. Идеино взгляды А.И. Иванчика, так или иначе, восходят к гипотезе выдающегося востоковеда Игоря Михайловича Дьяконова, который вообще не считал термин «киммерийцы» этнонимом и толковал их название как «подвижный отряд ираноязычного кочевого населения евразийских степей»³⁶⁰.

Наиболее полно взгляды А.И. Иванчика получили развитие в его фундаментальном труде «Киммерийцы и скифы»³⁶¹. В решении вопроса об изначальной территории обитания киммерийцев он предложил опираться не на Геродота³⁶², жившего спустя пару веков после описываемых им событий, а на источники времени утверждения в Причерноморье скифской гегемонии (VIII-VII вв. до н.э.). На основании полного отсутствия каких-либо аутентичных свидетельств о киммерийцах в понтийском регионе А.И. Иванчиком и его сторонниками сделан однозначный вывод о фиктивности их северочерноморской локализации, хотя ему хорошо известно, что греческая письменная традиция о населении этого региона сложилась значительно позже. По его мнению, киммерийцы «появились» здесь спустя несколько веков в результате позднейшей рационалистической интерпретации мифического образа «людей киммерийских» в «Одиссее» Гомера. При этом

³⁵⁹ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 159-160, 163.

³⁶⁰ Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории ("киммерийцы") // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. С. 98.

³⁶¹ Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. 323 с.

³⁶² Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, 2005. С.13.

каких-либо аргументов для обоснования этой гипотезы не приводится, хотя сделан ряд недоказуемых допущений и оговорок.

Взамен старой «автохтонной» гипотезы А.И. Тереножкина и его последователей, опирающихся на солидную археологическую базу, А.И. Иванчиком, как и ленинградскими авторами, с историческими киммерийцами были увязаны открытые в 70-80-е годы прошлого века в Восточной Анатолии два погребения раннескифского облика Норшунтепе и в Имирлере а также находки наконечников стрел, вероятно, из разграбленного погребения того же круга близ Амасьи,. По существу, этим и ограничивается археологическая источниковая база для радикального пересмотра одной из основных, если не главной проблемы начала железного века. При этом исследователями утверждалось, что на Ближнем Востоке не известны памятники или отдельные находки, имеющие аналогии в предскифских древностях на Юге Восточной Европы типа Черногоровки и Новочеркасского клада.

В результате такой операции, опирающейся, повторяем, на более чем скудную источниковую археологическую базу, киммерийцы VII в. до н.э. в Малой Азии стали носителями... раннескифской культуры на ее начальной стадии (РСК 1), а сотни памятников на Юге Восточной Европы позднейшего предскифского периода типа Черногоровки и Новочеркасского клада в этническом плане оказались неопределенным³⁶³. При этом авторы исходили из непреложного для них постулата, что скифы в клинописных и иных текстах ко времени совершения погребений в Ирмирлере и Норшунтепе с ярким раннескифским инвентарем к западу от Евфрата неизвестны, так как они занимали исключительно более восточные районы. Но этот аргумент далеко не бесспорен. Хорошо известен факт полного отсутствия сведений о гиммри в клинописных источниках в течении 35 лет после 714 г. вплоть до 679 г.

³⁶³ Медведев А.П. О некоторых источниковедческих проблемах скифской // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2 (27). С. 411.

Изучив переднеазиатскую гипотезу киммерийской проблемы, мы приходим к выводу, что она не дает ответа на ключевой вопрос: если в Имирлере и Норшунтепе погребены киммерийцы – народ одного этнокультурного облика со скифами, то по каким критериям ассирийцы и вавилоняне все же отличали их от скифов: одних именовали *гаммираи*, а других *ишкуза*? Получается, что к западу от Евфрата для обозначения воинственных кочевников они до последней четверти VII в. до н.э. использовали собирательное название – *гаммираи* в значении «конный подвижный отряд», а к востоку – конкретный этноним *ишкуза* (скифы). Известно, что позднее тем же этнонимом «*гаммираи*» ассирийские писцы в ряде случаев могли обозначать и скифов.

Но мы уже указывали, что к концу XX в. появились прямые археологические свидетельства присутствия носителей киммерийского новочеркасского комплекса в Передней Азии, где они не только познакомились, но и приобрели ряд ближневосточных заимствований, прежде всего, в сфере военного дела. Частично последние отложились в северокавказских могильниках в виде предметов ближневосточного облика конца VIII - начала VII в. до н.э.³⁶⁴. Это прямые археологические свидетельства военных походов киммерийцев – носителей новочеркасского комплекса и их кавказских союзников в Переднюю Азию³⁶⁵.

Однако решающий аргумент против новой переднеазиатской киммерийской гипотезы, на наш взгляд, дает один непреложный факт. Массовые археологические источники однозначно свидетельствуют о смене археологических культур на Юге Восточной Европы не позже первой половины VII в. до н. э., об исчезновении своеобразной предскифской культуры типа Новочеркасского клада, носителем которой был довольно

³⁶⁴ Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005. С. 301-305.

³⁶⁵ Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007. С. 198-199.

многочисленный народ, обитавший здесь до скифов. А согласно третьему рассказу Геродота таким народом могли быть только *киммерийцы*. Другого варианта античная традиция не дает. Именно с этого времени на Северном Кавказе и в Украинской лесостепи распространяются характерные элементы новой археологической культуры, которую ретроспективно не с кем связать, кроме как со скифами. Распространяются не только в Восточной Европы, но, как мы видим в инвентаре погребений Имирлер и Норшунтепе, и на Ближнем Востоке. Таким образом, ход событий, изложенный Геродотом (IV, 11-12), независимо подтверждается последовательностью смены археологических культур в Киммерийской земле, которую теперь стали населять скифы.

В силу этих и других причин исследования А.И. Иванчика и ленинградских коллег не получили особой поддержки среди отечественных археологов. Наоборот они породили целую серию критических статей, где содержались не только общие соображения, но и приводились конкретные археологические материалы, не укладывающиеся в схему А.И. Иванчика³⁶⁶.

На все рецензии и возражение против его концепции А.И. Иванчик ответил в 1999 г. на страницах «Вестника древней истории»³⁶⁷. Необходимо подчеркнуть, что исследователь ещё раз отстаивает свою позицию, согласно

³⁶⁶ Грантовский Э.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. Киммерийцы в Передней Азии. (По поводу монографии: Ivantchik A.I. Les Cimmeriens au Proche-Orient (Orbis Biblicus et Orientalis. 127). Fribourg Suisse, Gottingen, 1993. Русское издание: Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII — VII вв. до н. э. М., 1996) // ВДИ, №4. 1997. С. 69-85; Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999. С. 84-90; Вальчак С.Б. Скаков А.Ю. Дигорские "пекторали" предскифского периода // РА. 2003. №3. С. 118, 119; Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. Еще раз о хронологии "киммерийских" и раннескифских древностей. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С. 200-227; Скаков А.Ю. К изучению хронологии колхидской культуры // РА. 2005. № 3. С. 17-23.

³⁶⁷ Иванчик А.И. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. 1999. №2. С. 77-97.

которой киммерийцы в период своих вторжений в Переднюю Азию были носителями «раннескифской» археологической культуры. Эти различия, однако, А.И. Иванчику может быть удастся установить лишь благодаря письменным источникам. Различия в материальной культуре двух этнических групп, если они были, весьма трудно уловимы, а отдельные нетипичные черты памятников, оставленных киммерийцами в Малой Азии, могут иметь разные объяснения. Для него вопрос о древнейших кочевниках в Северном Причерноморье, предшествовавших скифам остается без ответа.

Мы рассмотрели сильные и уязвимые стороны новой переднеазиатской гипотезы решения киммерийской проблемы. Нам представляется, что в ней слабых мест гораздо больше, чем в традиционной.

Итак, представляется, что на рубеже веков смены научных парадигм в киммерийской проблематике не произошло, хотя ее спектр стал значительно богаче. По-прежнему, гипотеза А.И. Тереножкина о принадлежности киммерийцам памятников черногоровского и новочеркасского типов представляется наиболее предпочтительной. На наш взгляд, «старая гипотеза» А.И. Тереножкина, объясняющая смену позднейшей предскифской культуры киммерийцев раннескифской, связывала в единую непротиворечивую концепцию практически все известные литературные и археологические свидетельства. Она убедительно объясняет имеющиеся в нашем распоряжении письменные и археологические свидетельства.

Подход А.И. Тереножкина к киммерийской проблеме оказался наиболее продуктивным – за последнюю четверть века увидели свет новые исследования по киммерийско-скифской тематике украинской лесостепи (Скорый, 1997), Северному Причерноморью (Махортых, 2010), Северо-Западному Кавказу (Эрлих, 2007), снаряжению коня и вооружению (Вальчак, 2009) и др. Тем более, что концу XX в. появились археологические свидетельства присутствия носителей новочеркасского комплекса в Передней Азии в виде ряда ближневосточных заимствований в сфере военного дела, отложившихся в северокавказских древностях второй половины VIII- начала VII в. до н.э., о чем

речь шла выше. А главное, в отличие от сторонников переднеазиатской теории, «за скобками» не остаются многочисленные причерноморские памятники черногооровского и новочеркасского типов (еще раз заметим – их в сотни раз больше, чем погребений типа Имирлер и Норшун тепе в Анатолии!), вытесненные носителями раннескифской культуры не позднее середины VII в. до н.э. Вряд ли у столь многочисленного кочевого народа мог быть какой-то иной этноним, нежели киммерийцы.

Судя по рецензиям и публикациям, за прошедшую четверть века «новая» гипотеза, исключая пребывание киммерийцев в Северном Причерноморье, не получила особой поддержки со стороны ведущих российских и украинских исследователей предскифских и раннескифских древностей. Тем не менее, ее постановка заставила не только авторов, но и ее критиков вновь обратиться к литературным и археологическим источникам по киммерийско-скифской проблематике и выявить слабые стороны, казалось бы, устоявшихся представлений об историко-культурных процессах на Юге Восточной Европы в начале железного века. Таким образом, дискуссия, затронула проблемы этнической содержания понятия «киммерийцы», их хронологии, мест расселения. проблемы верхней хронологической границы.

Завершая рассмотрение этого вопроса, тем не менее, следует сказать, что исследования А.Ю. Алексева, Н.К. Качаловой и С.Р. Тохтасьева, А.И. Иванчика построены на прекрасном знании источников, а монографии А.И. Иванчика представляют лучшие образцы российской научной литературы в области антиковедения и скифологии. Последние исследования показали, как сильные стороны, так и уязвимые места российского и украинского киммероведения, прежде всего – в силу скудности имеющихся археологических источников по интересующей нас теме, особенно по Ближнему Востоку, да и по ряду других причин. Представляется, что решающие аргументы киммерийской проблемы еще лежат в украинской и русской земле, магистральный ход ее археологического изучения вновь приведет исследователей в Степное Причерноморье.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев, В.И. Скифо-европейские изоглосы. На стыке Востока и Запада / В.И. Абаев. – М.: ГРВЛ, 1965. – 168 с.
2. Абаев, В.И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы / В.И. Абаев // Проблемы скифской археологии / МИА. – №177. – М., 1971. – С. 10-13.
3. Алексеев, А.Ю., Качалова, Н.К. О киммерийцах в Северном Причерноморье (археологический аспект проблемы) / А.Ю. Алексеев, Н.К. Качалова // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. – Запорожье, 1989. – С. 6-8.
4. Алексеев, А.Ю., Качалова, Н.К., Тохтасьев, С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность / А.Ю. Алексеев, Н.К. Качалова, С.Р. Тохтасьев. – СПб.: Информационно-исследовательский институт "Ермаков", 1993. – 121 с.
5. Анфимов, Н.В. Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья / Н.В. Анфимов // Проблемы скифской археологии / МИА. – №177. – М., 1971. – С. 170-177.
6. Анфимов, Н.В. Протомеотский могильник с. Николаевского / Н.В. Анфимов // Сборник материалов по археологии Адыгеи. – Т. II. – Майкоп, 1961. – С. 103-120.
7. Арутюнян Н.В. Биайнили (Урарту): военно-политическая история и вопросы топонимики / Н.В. Арутюнян. – Ереван: Издательство АН АССР, 1970. – 474 с.

8. Арутюнян, Н.В. Биайнили-Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики / Н.В. Арутюнян // 2-е изд., доп. и перераб. – СПб: Изд-во СПбГУ; Филол. фак-т СПбГУ, 2006. – 368 с.
9. Артамонов, М.И. Киммерийцы и скифы: (от появления на исторической арене до IV в. до н. э.) // М.И. Артамонов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1974. – 156 с.
10. Археология Украинской ССР : в 3 т. Т. 2. Скифосарматская и античная археология / С. Д. Крыжицкий [и др.]. – Киев : Наукова думка, 1986. – 592 с.
11. Берестнев Р.С. Новый клад начала раннего железного века с территории Донского правобережья / Р.С. Берестнев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 4. – С. 15–22.
12. Бессонова, С.С. Раскопки курганов у с. Луговое на Керченском полуострове / С.С. Бессонова // АИУ в 1968 г. – Вып. 3. – Киев, 1971. – С. 103-104.
13. Бидзиля, В.И., Яковенко, Э.В. Киммерийские погребения Высокой могилы / В.И. Бидзиля, Э.В. Яковенко // СА. – 1974. – №1. – С. 148-159.
14. Блаватский, В.Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей / В.Д. Блаватский // ВМУ. – №8. – М., 1948. – С. 9-18.
15. Бобринский, А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы // Т. II. – СПб., 1894. – 232 с.
16. Бочкарёв, В.С. Проблема Бородинского клада / В.С. Бочкарёв // Проблемы археологии. – Вып. 1. – Л., 1968. – С. 124-154.
17. Бранденбург, Н.Е. Об аборигенах Киевского края // Труды XI археологического съезда. – Т. I. – М., 1899. – С. 155.
18. Бруяко, И.В. Ранние кочевники в Европе (X-V вв. до Р. Х.) / И.В. Бруяко. – Кишинёв: Высшая Антропологическая Школа, 2005. – 360 с.
19. Булатов, Н.М. Раскопки курганов в Черноярском районе Астраханской области / Н.М. Булатов, В.В. Дворниченко, С.Н. Корневский,

Н.В. Малиновская, Г.А. Федоров-Давыдов // АО за 1974 г. – М, 1975. – С. 139-140.

20. Вальчак, С.Б. Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / С.Б. Вальчак. – М., 2003. – 30 с.

21. Вальчак, С.Б. Дигорские "пекторали" предскифского периода / С.Б. Вальчак, А.Ю. Скаков // РА. – 2003. – №3. – С. 114-122.

22. Вальчак, С.Б. Предскифские колесницы Восточной Европы : назначение деталей упряжи, виды запряжек , вооружение / С.Б. Вальчак // Историко-археологический альманах. – Армавир-Краснодар-Москва, 2009.- .28-41.

23. Вальчак, С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на Юге Восточной Европы / С.Б. Вальчак, Институт археологии РАН. — М.: Таус, 2009. — 292 с.

24. Ванчугов, В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры / В.П. Ванчугов. – Киев: Наукова думка, 1990. – 168 с.

25. Ванчугов В.П., Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа / В.П. Ванчугов, И.Т. Черняков // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 5-24.

26. Востриков, С.С. Погребальный обряд кочевого населения Нижнего Дона в предскифский и раннескифский период : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / С.С. Востриков. – Ростов-на-Дону, 2010. – 32 с.

27. Востриков, С.С. Киммерийцы. По следам исчезнувшего народа / С.С. Востриков, В.Е. Максименко // Донская археология. – №2. – 1999. –С. 6-12.

28. Гайдукевич, В.Ф. Боспорское царство / В.Ф. Гайдукевич. – М-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 624 с.

29. Голотвин, А.Н. «Д.Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей» / А.Н. Голотвин. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2014. – 196 с.
30. Городцов, В.А. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 году / В.А. Городцов // Памятники древности на Дону. – Ростов-на-Дону, 1940. – С. 3-6.
31. Городцов, В.А. Бытовая археология. Курс лекций: 1910 / В.А. Городцов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 480 с.
32. Городцов, В.А. К вопросу о киммерийской культуре / В.А. Городцов // Труды секции археологии РАНИОН. – Т. III. – М., 1928. – С. 46-60.
33. Городцов, В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, 1901 г. / В.А. Городцов // Труды XII археологического съезда. – Т. I. – М., 1905. – С. 174-340.
34. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. / В.А. Городцов // Труды XIII археологического съезда. – Т. I. – М., 1907. – С. 211-365.
35. Граков, Б.Н. Каменское городище на нижнем Днепре / Б.Н. Граков // МИА. – №36. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 238 с.
36. Граков, Б.Н. Ранний железный век / Б.Н. Граков. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 235 с.
37. Граков, Б.Н. Скифы / Б.Н. Граков. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 200 с.
38. Грантовский, Э.А. О восточноиранских племенах кушанского ареала / Э.А. Грантовский // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября – 6 октября 1968 г. – Т. II. – М, 1975. – С. 76-92.

39. Грантовский, Э.А. Иран и Иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии / Э.А. Грантовский. – М.: Восточная литература, 1998.- 343 с.

40. Грантовский, Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии / Э.А. Грантовский. – М.: Восточная литература, 2007. – 510 с.

41. Грантовский, Э.А., Погребова, М.Н., Раевский, Д.С. Киммерийцы в Передней Азии. (По поводу монографии: Ivantchik A.I. Les Cimmeriens au Proche-Orient (Orbis Biblicus et Orientalis. 127). Fribourg Suisse, Gottingen, 1993. Русское издание: Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII — VII вв. до н. э. М., 1996) / Э.А. Грантовский, М.Н. Погребова, Д.С. Раевский // ВДИ. – 1997. – №4. – С. 69-85.

42. Дворниченко В.В., Кореняко В.В. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и на Южном Урале // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С.148-152.

43. Дубовская, О.Р. К вопросу о роли позднесрубного этнокультурного компонента в сложении памятников раннего железного века Северного Причерноморья / О.Р. Дубовская // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы. – Донецк, 1979. – С. 100-102.

44. Дубовская, О.Р. О погребениях группы Новочеркасского клада / О.Р. Дубовская // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Научно-практический семинар: тезисы докладов. – Донецк, 1986. – С. 37-39.

45. Дубовская, О.Р. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада / О.Р. Дубовская // СА. – 1989. – №1. – 63-69.

46. Дубовская, О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья / О.Р. Дубовская // Археологический альманах. – №6. – Донецк, 1997. – С. 181-218.

47. Дударев, С.Л. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии / С.Л. Дударев // ВДИ. – 1998. – № 4. – С. 77-93.
48. Дударев, С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром / С.Л. Дударев. – Грозный: ЧИТУ, 1991. – 124 с.
49. Дударев, С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху / С.Л. Дударев; Междунар. акад. информатизации. Краснодар. регион. отд-ние, Армавир. гос. пед. ин-т. – Армавир: Армавир. полиграфпредприятие, 1999. – 405 с.
50. Дьяконов, И.М. История Мидии от древнейших времён до конца IV в. до н.э. / И.М. Дьяконов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 488 с.
51. Дьяконов, И.М. К методике исследований по этнической истории ("киммерийцы") / И.М. Дьяконов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). – М., 1981. – С. 90 – 100.
52. Ельницкий, Л.А. Киммерийцы и киммерийская культура / Л.А. Ельницкий // ВДИ. – 1949. – №3 (29). – С. 14-26.
53. Иванчик, А.И. Киммерийцы в Передней Азии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А.И. Иванчик. – М., 1989. – 16 с.
54. Иванчик, А.И. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. I. Киммерийские памятники Передней Азии / А.И. Иванчик // ВДИ. – 1994. – №3 (210). – С. 148-168.
55. Иванчик, А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. / А.И. Иванчик. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996. – 324 с.
56. Иванчик, А.И. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии / А.И. Иванчик // ВДИ. – 1999. – №2. – С. 77-97.

57. Иванчик, А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени / А.И. Иванчик. – М.: Палеограф, 2001. – 323 с.
58. Иванчик, А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история / А.И. Иванчик. – М., Берлин: Палеограф, 2005. – 312 с.
59. Иессен, А.А. К вопросу о памятниках VIII – VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР / А.А. Иессен // СА. – Т. XVIII. – М., 1953. – С. 49-110.
60. Иессен, А.А. Некоторые памятники VIII – VII вв. до н. э. на Северном Кавказе / А.А. Иессен // ВССА (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). – М., 1954. – С. 112-131.
61. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти томах. Т. 1 / Н.М. Карамзин // Под ред. А. Н. Сахарова. — М.: Наука, 1989. — 640 с.
62. Кияшко, В.Я., Максименко, В.Е. Погребение раннежелезного века у хутора Верхне-подпольный / В.Я. Кияшко, В.Е. Максименко // АО 1967 года. – М., 1968. – С. 123-124.
63. Кияшко, В.Я. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону / В.Я. Кияшко, В.А. Кореняко // СА. – 1976. – №1. – С. 170-177.
64. Клочко, В.И., Мурзин, В.Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры / В.И. Клочко, В.Ю. Мурзин // Скифы Северного Причерноморья. – Киев, 1987. – С. 12-19.
65. Ковпаненко, Г.Т. Погребение VIII-VII вв. до н. з. в бассейне р. Ворсклы / Г.Т. Ковпаненко // КСИА АН УССР. – Вып. 12. – Киев, 1962. – С. 66-70.

66. Козенкова, В.И. Инновации и процесс формотворчества в кобанской культуре Кавказа (на примере зооморфных браслетов) / В.И. Козенкова // СА. – 1989. – №3. – С. 27-34.
67. Кривцова-Гракова, О.А. Алексеевское поселение и могильник / О.А. Кривцова-Гракова // Труды ГИМ. – Вып. XVII. – М., 1948. – С. 151-155.
68. Кривцова-Гракова, О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / О.А. Кривцова-Гракова // МИА. – №46. – М., 1955. – 202 с.
69. Крупнов, Е.И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. / Е.И. Крупнов // УЗКНИИ. – Вып.V. – Нальчик, 1950. – С. 195-275.
70. Крупнов, Е.И. О походах скифов через Кавказ / Е.И. Крупнов // ВССА. – М., 1954. – С. 186-194.
71. Крупнов, Е.И. Древняя история Северного Кавказа / Е.И. Крупнов. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 520 с.
72. Кузнецова, Т.М. Были ли киммерийцы кочевниками? / Т.М. Кузнецова // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М.П. Абрамовой. – М.: Издательство ИА РАН, 2007. – С. 209-234.
73. Кузьмина, Е.Е. Откуда пришли индоарии? / Е.Е. Кузьмина. – М.: Наука, Вост. Лит., 1994. – 461 с.
74. Куклина, И.В. Этногеография Скифии по античным источникам / И.В. Куклина. – Л.: Наука, 1985. – 208 с.
75. Латышев, В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Греческие писатели / В.В. Латышев // ВДИ. – 1947. – №1 (19). – С. 263-316.
76. Латышев, В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть первая. Греческие писатели (продолжение) / В.В. Латышев // ВДИ. – №2 (20). – 1947. – С. 249-332.

77. Латышев, В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть первая. Греческие писатели (продолжение) / В.В. Латышев // ВДИ. – №3 (21). – 1947. – С. 235-315.
78. Латышев, В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть первая. Греческие писатели (продолжение) / В.В. Латышев // ВДИ. – 1947. – №4 (22). – С. 169-289.
79. Лесков, А.М. Курганы: находки, проблемы / А.М. Лесков. – Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1981. – 168 с.
80. Лесков, А.М. О северопрichernоморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы / А.М. Лесков // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. – Киев, 1967. – С. 143-178.
81. Лесков, А.М. Предскифский период на Юге Украины: автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.06. / А.М. Лесков. – М., 1975. – 45 с.
82. Либеров, П.Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время / П.Д. Либеров // Проблемы скифской археологии / МИА. – №177. – М., 1971. – С. 103-114.
83. Лукьяшко, С.И. Население Нижнего Дона в предскифское и скифское время : IX - IV вв. до н.э. : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.06 / С.И. Лукьяшко. – М., 2013. – 36 с.
84. Лукьяшко, С.И. Предскифский период на Нижнем Дону / С.И. Лукьяшко. – Азов: АКМ, 1999. – 240 с.
85. Малый энциклопедический словарь. – Т.1. – Вып.2: – Гальванохромиа – Кившенко. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. – 1058-2079 с.
86. Мачинский, Д.А. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья // Кочевники евразийских степей и античный мир. – Новочеркасск, 1989. – С.7-30.
87. Махортых, С.В. Новые данные о скифо-кавказских контактах / С.В. Махортых // Скифы Северного Причерноморья. – Киев, 1987. – С. 53-62.
88. Махортых, С.В. К этнокультурной характеристике больших кубанских курганов / С.В. Махортых // Скифия и Боспор. Археологические

материалы к НК памяти акад. М.И. Ростовцева (Ленинград, 14-17 марта 1989 года). – Новочеркасск, 1989. – С. 82-84.

89. Махортых, С.В. Проблемы киммерийской истории и Кавминводы / С.В. Махортых // Археология и краеведение Кавминвод (Материалы 1-й региональной конференции). – Кисловодск, 1992. – С. 27-29.

90. Махортых, С.В. Ранние кочевники Северного Причерноморья и окружающая среда / С.В. Махортых // Окружающая среда и древнее население Украины. – Киев, 1993. – С. 18-23.

91. Махортых, С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе / С.В. Махортых. – Киев: Препринт, 1994. – 95 с.

92. Махортых, С.В. Киммерийцы и древний Восток / С.В. Махортых // ВДИ. – 1998. – № 2. – С. 95-104;

93. Махортых, С.В. О предскифских шлемовидных бляхах / С.В. Махортых // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). – Запорожье, 1999. – С. 166-171.

94. Махортых, С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии / С.В. Махортых // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. – М., 2000. – С. 186-194.

95. Махортых, С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху / С.В. Махортых. – Київ: Шлях, 2003. – 139 с.

96. Махортых, С.В. Дунайско-днестровская территориальная подгруппа киммерийских памятников / С.В. Махортых // Степи Евразии в древности и Средневековье. – Кн. 2. – СПб., 2003. – С. 103-106.

97. Махортых, С.В. Классификация бронзовых предскифских псалиев Восточной и Центральной Европы / С.В. Махортых // Наукові праці вторичного факультету Запорізького державного університету. – Вип. XVIII. – Запоріжжя, 2004. – С. 300-321.

98. Махортых, С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья / С.В. Махортых. – Киев: Институт Археологии НАНУ, 2005. – 583 с.

99. Махортых, С.В., Иевлев М.М. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период / С.В. Махортых, М.М. Иевлев // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. – М., 1991. – С. 18-30.

100. Медведев, А.П. Этнокультурные процессы в лесостепном Подонье в скифское время / А.П. Медведев // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. конф. – Запорожье, 1994. – С. 125-128.

101. Медведев, А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. / А.П. Медведев. – М.: Наука, 1999. – 160 с.

102. Медведев, А.П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону (проблем этнокультурной интерпретации) / А.П. Медведев // ВДИ. – 2002. – № 3. – С. 163 – 164.

103. Медведев, А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии / А.П. Медведев. – Воронеж: Истоки, 2004. – 144 с.

104. Медведев, А.П. Сарматы в верховьях Танаиса / А.П. Медведев. – М.: Таус, 2008. – 252 с.

105. Медведев, А.П. О некоторых источниковедческих проблемах скифской / А.П. Медведев // Археологія і давня історія України. – 2018. – Вип. 2 (27). – С. 410-417.

106. Медведская, И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток / И.Н. Медведская // РА. – 1992. – №3. – С. 86-107.

107. Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура». Дискуссия // ВДИ. – 1994. – №1. – С. 64-82.

108. Мелентьев, А.Н. Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени / А.Н. Мелентьев // КСИА АН СССР. Вып. 112. М., 1967. С. 38-44.

109. Мелюкова, А.И. Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тыс. до н.э. / А.И. Мелюкова // Этногенез народов Балкан

и Северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология. – М., 1984. – С. 224-234.

110. Мелюкова, А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка / А.И. Мелюкова; АН СССР, Ин-т археологии. М.: Наука, 1975. – 259 с.

111. Мелюкова, А.И. Скифия и фракийский мир / А.И. Мелюкова. – М.: Наука, 1979. – 256 с.

112. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1965. - 179 с.

113. Отрощенко, В.В. Новый курганный могильник белозерского времени / В.В. Отрощенко // Скифский мир. – Киев, 1975. – С. 193-206.

114. Отрощенко, В.В. Белозерская культура / В.В. Отрощенко // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев, 1986. – С. 143-151.

115. Отрощенко, В.В. Особенности погребений черногоровской группы / В.В. Отрощенко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. – Запорожье, 1989. – С. 111-112.

116. Отрощенко, В.В. О погребениях черногоровского типа в Нижнем Подонье / В.В. Отрощенко // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. – Вып. 13. – Азов, 1994. – С. 103-113.

117. Погребова, М.Н., Раевский, Д.С. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных / М.Н. Погребова, Д.С. Раевский // ВДИ. – 1993. – №4. – С. 110-118.

118. Полин, С.В. О хронологии раннескифской культуры (по И.Н. Медведской) / С.В. Полин // РА. – 1998. – №4. – С. 50-63.

119. Пряхин, А.Д. История отечественной археологии / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – Ч. I: Русская дореволюционная археология. – 185 с.

120. Раевский, Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племён. Опыт реконструкции скифской мифологии / Д.С. Раевский. – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1977. – 216 с.
121. Реальный словарь классических древностей по Любкеру / Под ред. членов общества классической филологии и педагогики Ф. Гельбке и др. – СПб: Изд-е общества классической филологии и педагогики, 1885. – 1499 с.
122. Ромашко, В.А. Предскифский период в пограничье лесостепи и степи Днепровского левобережья (XII-начало VII вв. до н. э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / В.А. Ромашко. – Киев, 1990. – 18 с.
123. Ростовцев, М.И. Эллинизм и иранство на юге России / М.И. Ростовцев. – Петроград: Огни, 1918. – 188 с.
124. Самоквасов, Д.Я. Основания хронологической классификации [могильных древностей Европейской России], описание и каталог коллекции древностей профессора Д.Я. Самоквасова / Д.Я. Самоквасов. – Варшава: тип. М. Земкевич, 1892. – 101 с.
125. Самоквасов, Д.Я. Могилы Русской земли / Д.Я. Самоквасов. – М.: Синодальная Типография, 1908. – 276 с.
126. Сафронов, В.А. Датировка Бородинского клада / В.А. Сафронов // Проблемы археологии. – Вып. 1. – Л., 1968. – С. 75-123.
127. Сергацков, И.В. Погребение предскифского времени на Иловле / И.В. Сергацков // СА. – 1991. – №2. – С. 240-243.
128. Скаков, А. Ю. К изучению хронологии колхидской культуры / А.Ю. Скаков // РА. – 2005. – № 3. – С. 17-23.
129. Скаков, А.Ю., Эрлих, В.Р. Еще раз о хронологии "киммерийских" и раннескифских древностей / А.Ю. Скаков, В.Р. Эрлих // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. – М., 2005. – С. 200-227.
130. Скорый, С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи / С.А. Скорый. – Киев-Полтава: Издательский центр «Археология», 1999. – 136 с.

131. Скржинская, М.В. Скифия глазами эллинов / М.В. Скржинская. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
132. Татищев В. История Российская (в 3-х т.). Т. 1 / В. Татищев. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 568, (8) с.
133. Тереножкин, А.И. Памятники предскифского периода на Украине / А.И. Тереножкин // КСИИМК. – Вып. XLVII. – М., 1952. – С. 3-14.
134. Тереножкин, А.И. Основы хронологии предскифского периода / А.И. Тереножкин // СА. – 1965. – № 1. – С. 76-80.
135. Тереножкин, А.И. Киммерийцы и Кавказ / А.И. Тереножкин // Тезисы докладов секционных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. – Тбилиси, 1971. – С. 34-38.
136. Тереножкин, А. И. Скифская культура / А. И. Тереножкин // МИА. – № 177. – М., 1971. – С. 15–24.
137. Тереножкин, А.И. Начало железного века на юге Европейской части СССР / А.И. Тереножкин // Тези пленарних і секційних доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970-1971 років на території України). – Одеса, 1972. – С. 166-171.
138. Тереножкин, А.И. Киммерийский орнамент / А.И. Тереножкин // Тезисы докладов скифской конференции 1972 года. – М., 1972. – С. 7-8.
139. Тереножкин, А.И. Киммерийцы / А.И. Тереножкин. – Киев: Наукова Думка, 1976. – 224 с.
140. Тереножкин, А.И. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Круглый стол. Выступление / А.И. Тереножкин // НАА. – 1980. – №5. – С. 120-121.
141. Тохтасьев, С.Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии / С.Р. Тохтасьев // РА. – 1993. – №2. – С. 89-97.

142. Тохтасьев, С.Р. Источниковедческие проблемы истории киммерийцев : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / С.Р. Тохтасьев. – Спб. – 208 с.
143. Формозов, А.А. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья / А.А. Формозов // СЭ. – 1965. – №6. – С. 179-181.
144. Хуссейн, О.А. Киммерийская проблема в российской исторической науке / О.А. Хуссейн // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2017. – №2. – С. 126-131.
145. Хуссейн, О.А. Концепция А.И. Тереножкина о киммерийцах и их культуре, её исторические судьбы / О.А. Хуссейн // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2018. – №2. – С. 103-107.
146. Хуссейн, О.А. Новая концепция истории и культуры киммерийцев в исследованиях конца XX века / О.А. Хуссейн // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2018. – №3. – С. 75-80.
147. Чердниченко Н.Н. История срубных племен Подонья (XV-IX вв. до нашей эры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Н.Н. Чердниченко. – Киев, 1973. – 37 с.
148. Черняков, И.Т. Киммерийские курганы у с. Суворове на Измаильщине / И.Т. Черняков // Скифы и сарматы. – Киев, 1976. – С. 29-37.
149. Черняков, И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. / И.Т. Черняков. – Киев: Наукова Думка, 1985. – 172 с.
150. Членова, Н.Л. Памятники I тысячелетия до н.э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности / Н.Л. Членова // Искусство и археология Ирана: Всесоюз. конф. 1969 г.: Докл. – М., 1971. – С. 323–329.

151. Членова, Н.Л. Оленные камни как исторический источник / Н.Л. Членова. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1984. – 100 с.
152. Шамиладзе, В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии / В.М. Шамиладзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 339 с.
153. Шарафутдинова, И.Н. К вопросу о сабастиновской культуре / И.Н. Шарафутдинова // СА. – 1968. – №3. – С. 16-34.
154. Шарафутдинова, Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) / Э.С. Шарафутдинова // САИ. – В1-11. – Л.: Наука, 1980. — 128 с.
155. Шарафутдинова, Э.С., Дубовская, О.Р. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье / Э.С. Шарафутдинова, О.Р. Дубовская // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово, 1987. – С. 27-38.
156. Щепинский, А.А. Памятники искусства раннего металла в Крыму / А.А. Щепинский // СЭ. – 1963. – №2. – С. 38-39
157. Щепинский, А.А. Погребение начала железного века у Симферополя / А.А. Щепинский // КСИА АН УССР. – Вып. 2. – Киев, 1962. – С. 57-58.
158. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона – Т. 15 (29): Керосин – Коаие. – 1895. – 478 с.
159. Эрлих, В.Р. У истоков раннескифского комплекса / В.Р. Эрлих. – М.: Изд-во ГМВ, 1994. – 148 с.
160. 144. Эрлих, В.Р. Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада. / В.Р. Эрлих // РА. – 1994. – №3. – С.134-150.
161. Эрлих, В.Р. В защиту северопричерноморской традиции происхождения киммерийцев / В.Р. Эрлих // ВДИ. – 1994. – №3. – С. 168-175.

162. Эрлих, В.Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку на Северном Кавказе / В.Р. Эрлих, А.М. Лесков – М.: ГМВ, 1999. – 164 с.

163. Эрлих, В.Р. Переход к раннему железному веку на Северном Кавказе. К постановке проблемы. / В.Р. Эрлих // РА. – 2002 – № 3. – С.26-38.

164. Эрлих, В.Р. Переход к раннему железному веку на Северном Кавказе. К постановке проблемы. / В.Р. Эрлих // РА. – 2002 – № 4. – С. 40-49.

165. Эрлих, В.Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до нашей эры : по материалам некрополей у аула Уляп. Вып. 1: Погребальные комплексы грунтовых могильников / В.Р. Эрлих, А.М. Лесков, Е.А. Беглова, И.В. Ксенофонтова. – М. : Наука, 2005. – 150 с.

166. Эрлих, В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века / В.Р. Эрлих. – М.: Наука, 2007. – 430 с.

167. Этническая история древней Украины / Толочко П.П., Козак Д.Н., Моця А.П., Мурзин В.Ю., и др. – Киев: Институт археологии НАН Украины, 2000. – 280 с.

II. УКРАИНОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

168. Артамонов, М.И. Кімерійська проблема / М.И. Артамонов // Археологія. – Вип. 9. – Киев, 1973. – С. 3-15.

169. Бочкарьов, В.С. Кімерійські казани / В.С. Бочкарьов // Археологія. – Вип. 5. – К., 1972. – С. 63-68.

170. Граков, Б.М. Скіфи / Б.М. Граков. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1947. – 95 с.

171. Даниленко, В.М. До кіммерійської проблеми / В.М. Даниленко // Археологія. – 1951. – Т.V. – С. 218-219.

172. Іллінська, В.А., Тереножкін, О.І. Скіфський період / В.А. Іллінська, О.І. Тереножкін // Археологія УРСР : В 3-х т. – Київ, 1971. – Т. 2. – С. 8-184.

173. Ковпаненко, Г.Т. Носачівський курган VIII-VII вв. до н.е. / Г.Т. Ковпаненко // Археологія. – Т. XX. – Київ, 1966. – С. 174-176.
174. Махно, Є.В., Шарафутдінова, І.М. Могильник епохи пізньої бронзи поблизу хутора Компанійці на Дніпрі / Є.В. Махно, І.М. Шарафутдінова // Археологія. – Вип. 6. – Київ, 1972. – С.70-81.
175. Махортих, С.В. Культура та історія кіммерійців Північного Причорномор'я : автореф. дис. ... докт. іст. наук : 07.00.04 / С.В. Махортих. – Київ, 2008. – 31 с.
176. Махортих, С.В. Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу / С.В. Махортих // Археологія. – 1992. – №1. – С. 23-30.
177. Нечитайло, А.Л. Про одне з найдавніших кіммерійських поховань / А.Л. Нечитайло // Археологія. Вип. 15. Київ, 1975. – С. 50-58.
178. Отрощенко, В.В., Рассамакін, Ю.Я. Культурна належність окремих поховань «нижньомихайлівського» типу / В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассамакін, // Археологія. – 1990. – №3. – С.101-107.
179. Покровська, Е.Ф. Кургани передскіфського часу в басейні р. Тясмин // Археологія. – 1953. – Т. VIII. – С. 128-137.
180. Скорий, С.А. Допитання про культурну належність старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 р. / С.А. Скорий // Археологія. – 1991. – №1. – С. 14-25.
181. Телегін, Д.Я. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я / Д.Я. Телегін // Археологія. – Т. XII. – Київ, 1961. – С. 3-10.
182. Тереножкін, О.І. Кургани в долині р. Молочної / О.І. Тереножкін // АП УРСР. – Т. VIII. – Київ, 1960. – С. 3-16.
183. Тереножкін, О.І. Поховання епохи бронзи біля с. Солонець / О.І. Тереножкін // Археологія. – Т. XVI. – Київ, 1964. – С. 202-207.

III. ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

184. Antoniewicz, W. *Archeologia Polski* / W. Antoniewicz. – Warszawa, 1928. – 313 s.
185. Chochorowski, J. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej* / J. Chochorowski. – Krakow, 1993. – 328 s.
186. Dubovskaja, O.R. Zur ethnischen und kulturellen Einordnung der "Novocerkassk-Gruppe" / O.R. Dubovskaja // *Eurasia Antiqua*. – №3. – 1997. – S. 277-328.
187. Erlih, V.R. The archaeological evidences of the early period of the military contacts between the Black Sea North Littoral and the "Cimmerian problem". / V. Erlih // *Cuadernos de prehistoria y arqueologia*. Madrid. – V.19. – 1995. – PP.133-145.
188. Gallus, S., Horvath, T. Un peuple cavalier prescythique en Hongrie / S. Gallus, T. Horvath // *Dissertationes Pannoniae* II-9. – Budapest, 1939. – PP. 149-151.
189. Hauptmann, H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien / H. Hauptmann // *Beitraege zur Altertumskunde Klenasiens*. Festschrift Kurt Bittel. BD.1 – Mainz, 1983. – S. 251-270.
190. Ivantchik, Askold I. Les Cimmériens au Proche-Orient / Askold I. Ivantchik. – OBO 127. – Fribourg. Göttingen, 1993. – 324 p.
191. Kemenczei, T. Die Spätbronzezeit Nordostungarns / T. Kemenczei. – Budapest, 1984. – 432 s.
192. Lemman-Haupt, C.F. Kimmerier / C.F. Lemman-Haupt // *RE* XI. – 1. – 1921. Coll. 397-434.
193. Leskov, A.M. Die skythischen Kurgane / A.M. Leskov. – *Antike Welt*. – Sondernummer, 1974. – 171 s.

194. Machortych, S.V., Ievlev, M.M. Über die Anfangsperiode der Geschichte der Kimmerier / S.V. Machortych, M.M. Ievlev // Acta Arch. – Carpathica 31. – 1992. – S. 107-118.
195. Müllenhoff, K. Deutsche Altertumskunde / K. Müllenhoff. – Bd.3. – Berlin, 1896. – 64 s.
196. Rostovtseff, M. Iranians and Greeks in South Russia / Rostovtseff M. – Oxford: At The Clarendon Press, 1922. – 260 p.
197. Sulimirski, T. Kultura wisocka / T. Sulimirski. – Krakow, 1931. – 208 s.
198. Sulimirski, T. Polska przedhistoryczna. C. II. / T. Sulimirski. – Londyn, 1957-1959. – 242 s.
199. Sulimirski, T. Die thrako-kimmerische Periode in Sudostpolen / T. Sulimirski // WPZ. – XXV. – 1938. – SS. 129-151.
200. Tallgren, A.M. La pontide prescythique apres l'introduction des metaux / A.M. Tallgren // ESA. – Vol. II. – Helsinki, 1926. – 218 p.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АГПИ** – Армавирский государственный педагогический институт.
- АКМ** – Археологическая карта Молдавии, Кишинев.
- АН АрмССР** – Академия Наук Армянской ССР, Ереван.
- АН ГрузССР** – Академия Наук Грузинской ССР, Тбилиси.
- АН АзССР** – Академия Наук Азербайджанской ССР, Баку.
- АН МССР** – Академия наук Молдавской ССР, Кишинев.
- АН УССР** – Академия Наук Украинской ССР, Киев.
- АП УРСР** – Археологічні пам'ятки Української РСР, Київ.
- АС** – Археологический съезд.
- АСГЭ** – Археологический сборник государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург.
- ВГУ** – Воронежский государственный университет.
- ВДИ** – Вестник древней истории, Москва.
- ВУГУ** – Восточноукраинский государственный университет.
- ГАИМК** – Государственная академия истории материальной культуры.
- ГИМ** – Государственный исторический музей, Москва.
- ГМИНВ** – Государственный музей искусства народов Востока, Москва.
- ГЭ** – Государственный Эрмитаж.
- ДВО РАН** – Дальневосточное отделение Российской академии наук.
- ДГУ** – Днепропетровский государственный университет.
- ДДУ** – Дніпропетровський державний університет.
- ДонГУ** – Донецкий государственный университет.
- ЗГУ** – Запорожский государственный университет.
- ЗДУ** – Запорізький державний університет.
- ИА АН УРСР** – Інститут археології Академії наук Української РСР, Київ.
- ИА НАНУ** – Інститут археології Національної академії наук України, Київ.
- ІГ АНБ** – Інстытут Гісторыі АН Беларусі.

ИА АН СССР – Институт археологии академии наук СССР, Москва

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук, Москва.

ИАК – Известия Археологической комиссии, Санкт-Петербург.

ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук, Москва.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург.

КГУ – Кемеровский государственный университет.

КДУ – Київський державний університет.

КИО – культурно-историческая область (общность).

КрГУ – Краснодарский государственный университет.

КСИА АН СССР – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР, Москва-Ленинград.

КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР, Киев.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры, Москва-Ленинград.

КФ СГОКМ – Кисловодский филиал Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет.

МГУ – Московский государственный университет.

МЭСБЕ – Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград.

МИДК – Музей истории донского казачества.

НА ІА НАНУ – Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України, Київ.

НАА – Народы Азии и Африки, Москва.

НИИ – Научно-исследовательский институт.

НИЛ – Научно-исследовательская лаборатория.

ОГУ – Одесский государственный университет.

ОКМ – Областной краеведческий музей.

ОмГУ – Омский государственный университет.

ПГУ – Приднестровский государственный университет.

РА – Российская археология, Москва.

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, Москва.

РГУ – Ростовский государственный университет.

РСКД – Реальный словарь классических древностей

СА – Советская археология, Москва.

САИ – Свод археологических источников, Москва-Ленинград.

СПб – Санкт-Петербург.

ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции, Йошкар-Ола.

ХГУ – Харьковский государственный университет.

ЧГУ – Челябинский государственный университет.

ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет.

ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki

JRGZM – Jahrbuch Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Mainz.

PBF – Prähistorische Bronzefunde, München/Stuttgart.

WPZ – Wiener Prähistorische Zeitschrift, Wien.

Приложение 1. Иллюстративный материал.

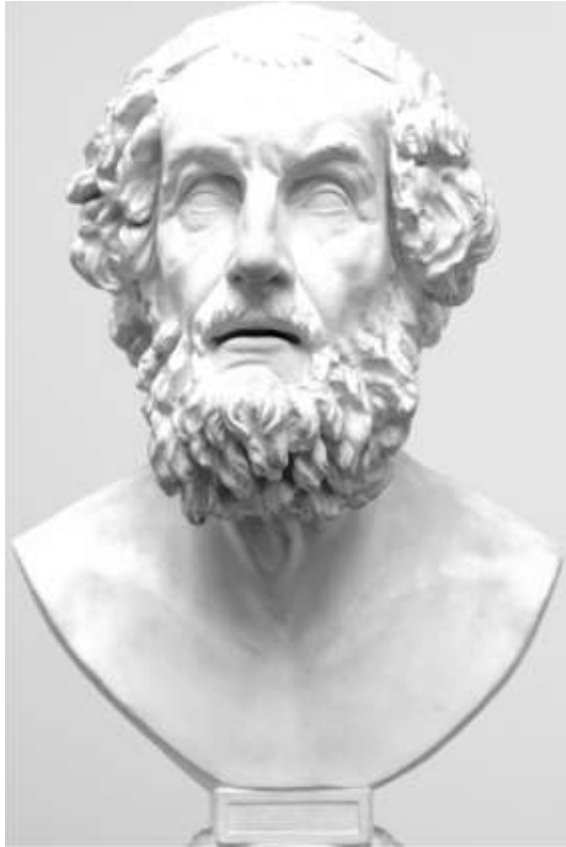

Рис. 1. Гомер (VIII в. до н.э.)

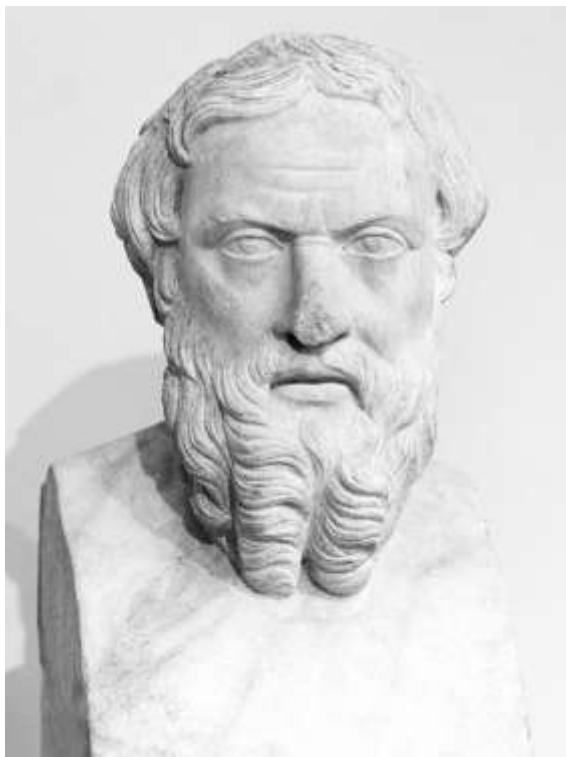

Рис. 2. Геродот (ок. 484 – 425 гг. до н.э.)

Рис. 3. Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843 – 1911)

Рис. 4. Михаил Иванович Ростовцев (Rostovtzeff; 1870 – 1952)

Рис. 5. Василий Алексеевич Городцов (1860 – 1945)

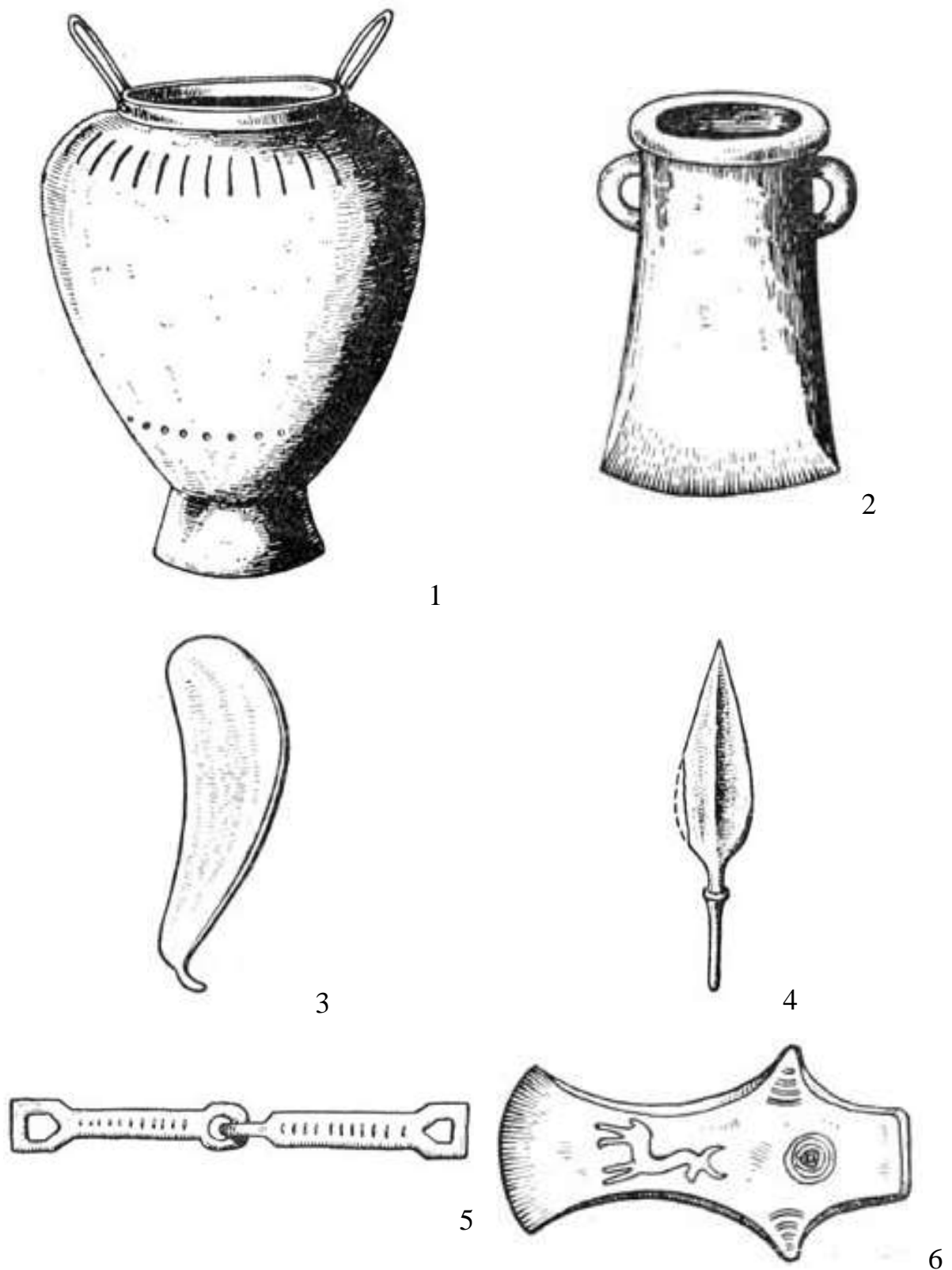

Рис. 6. Киммерийские бронзовые предметы по В.А. Городцову (по: *Городцов 1928, с. 46–60*): 1 – котёл; 2 – кельт; 3 – серп; 4 – кинжал; 5 – удила; 6 – тесло.

Рис. 7. Ольга Александровна Кривцова-Гракова (1895 – 1970)

Рис. 8. Борис Николаевич Граков (1899 – 1970)

Рис. 9. Михаил Илларионович Артамонов (1898 – 1972)

Рис.10. Евгений Игнатьевич Крупнов (1904 – 1970)

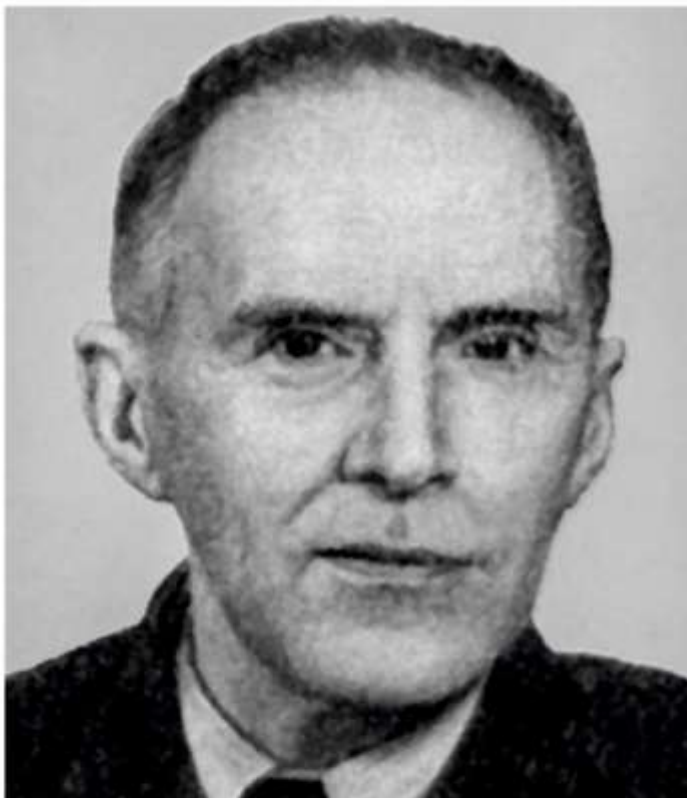

Рис.11. Александр Александрович Иессен (1896 – 1964)

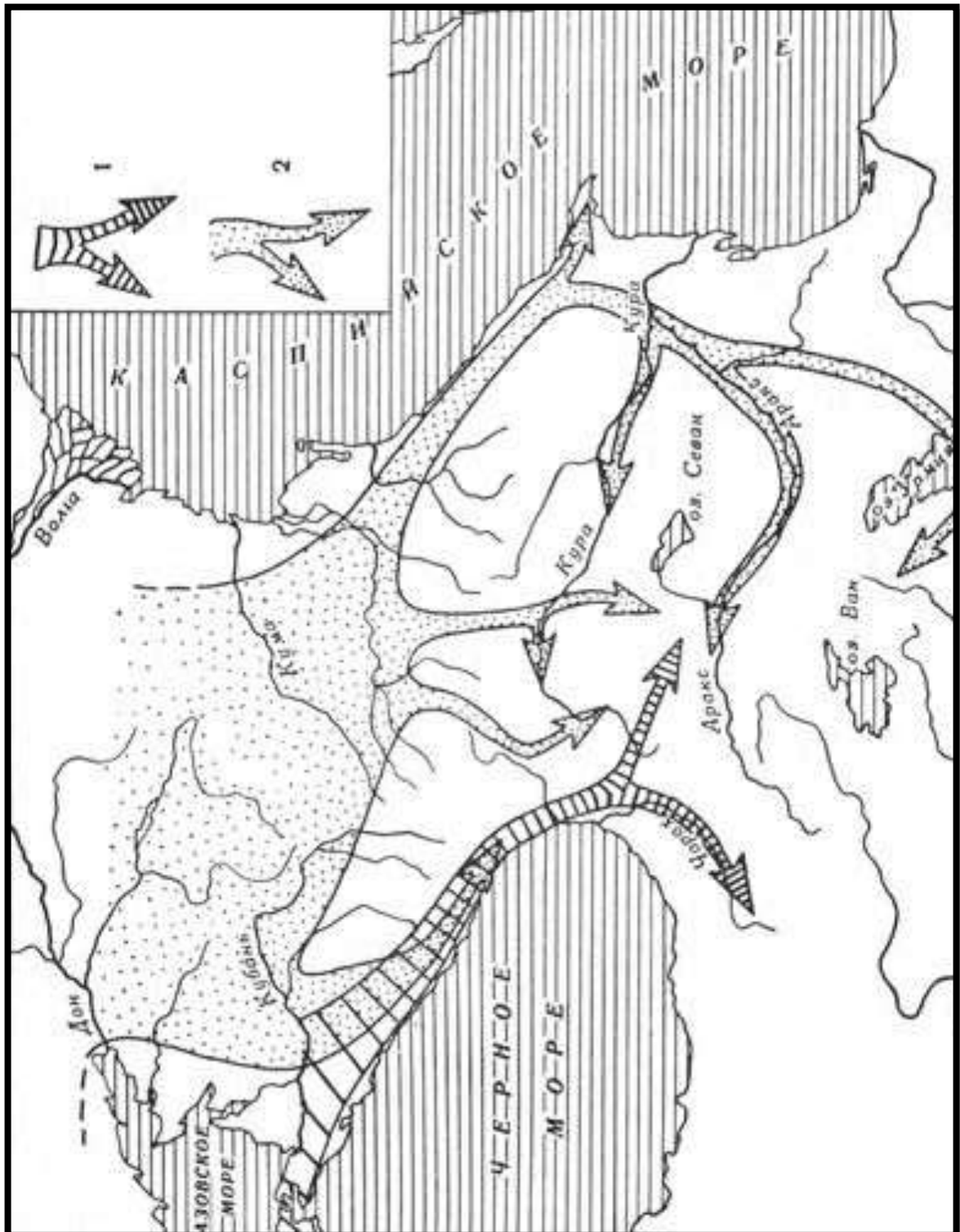

Рис. 12. Маршруты передвижения киммерийцев и скифов через Кавказ (по: Крупнов, 1960): 1 – киммерийцы; 2 – скифы.

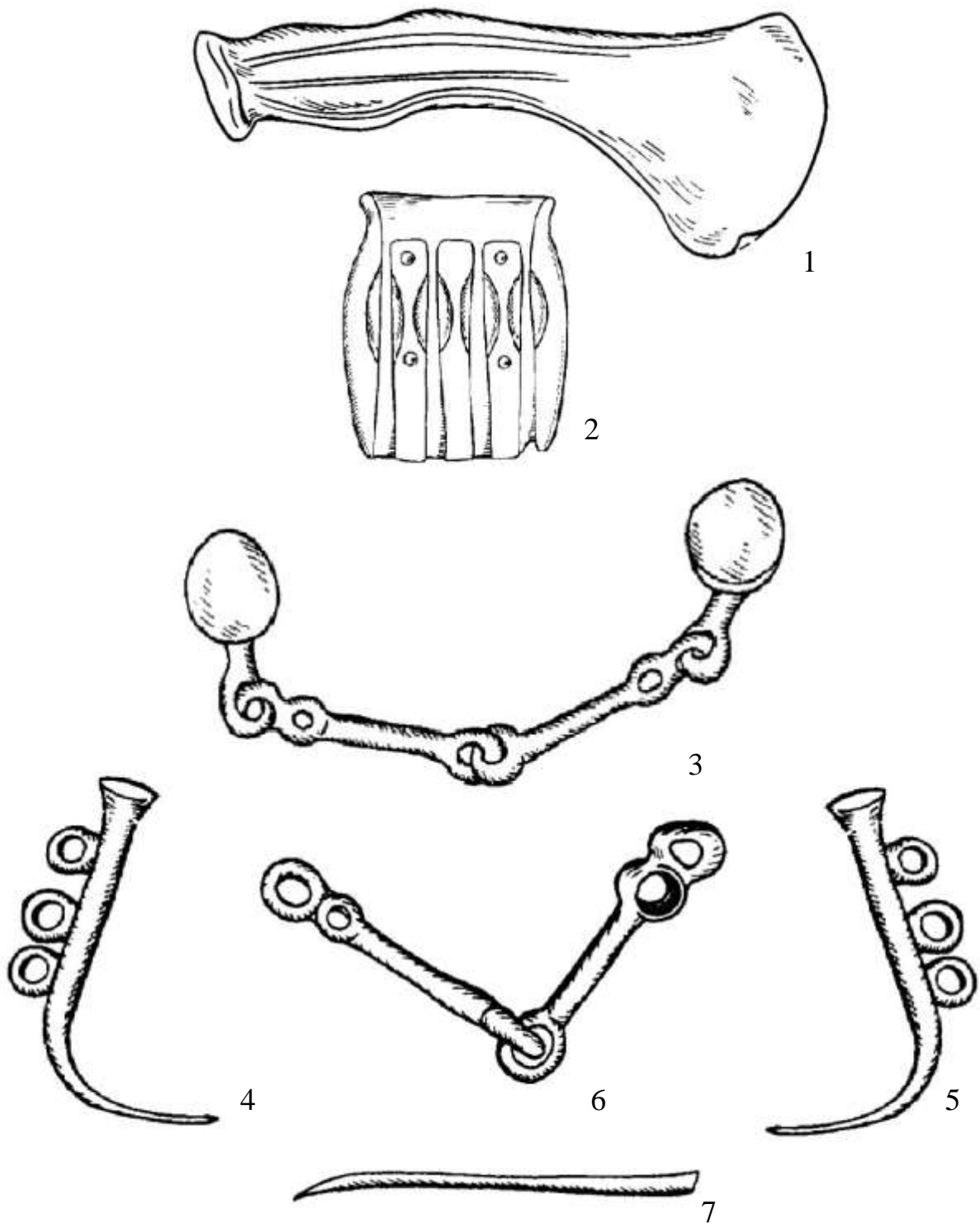

Рис. 13. Новочеркасский клад 1939 г. (по: *Иессен 1953, с. 51, рис. 1*):
 1 – топор; 2 – бронзовая литейная форма; 3, 6 – удила; 4,
 5 – псалии; 7 – стержень.

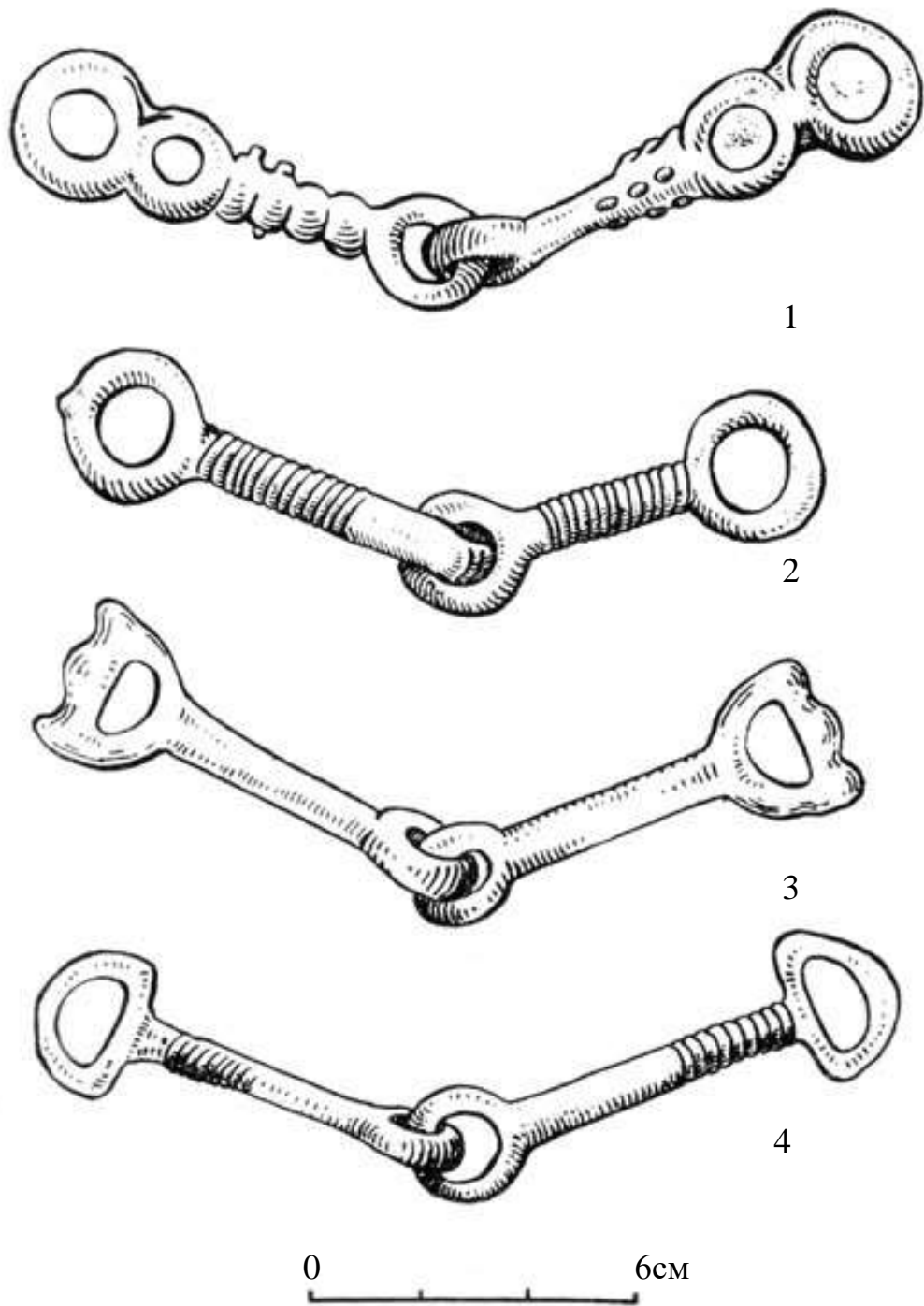

Рис. 14. Типы бронзовых удил по А.А. Иессену (по: *Иессен 1953, с. 52, рис. 2*): 1 – тип I; 2 – тип II; 3 – тип III; 4 – тип IV.

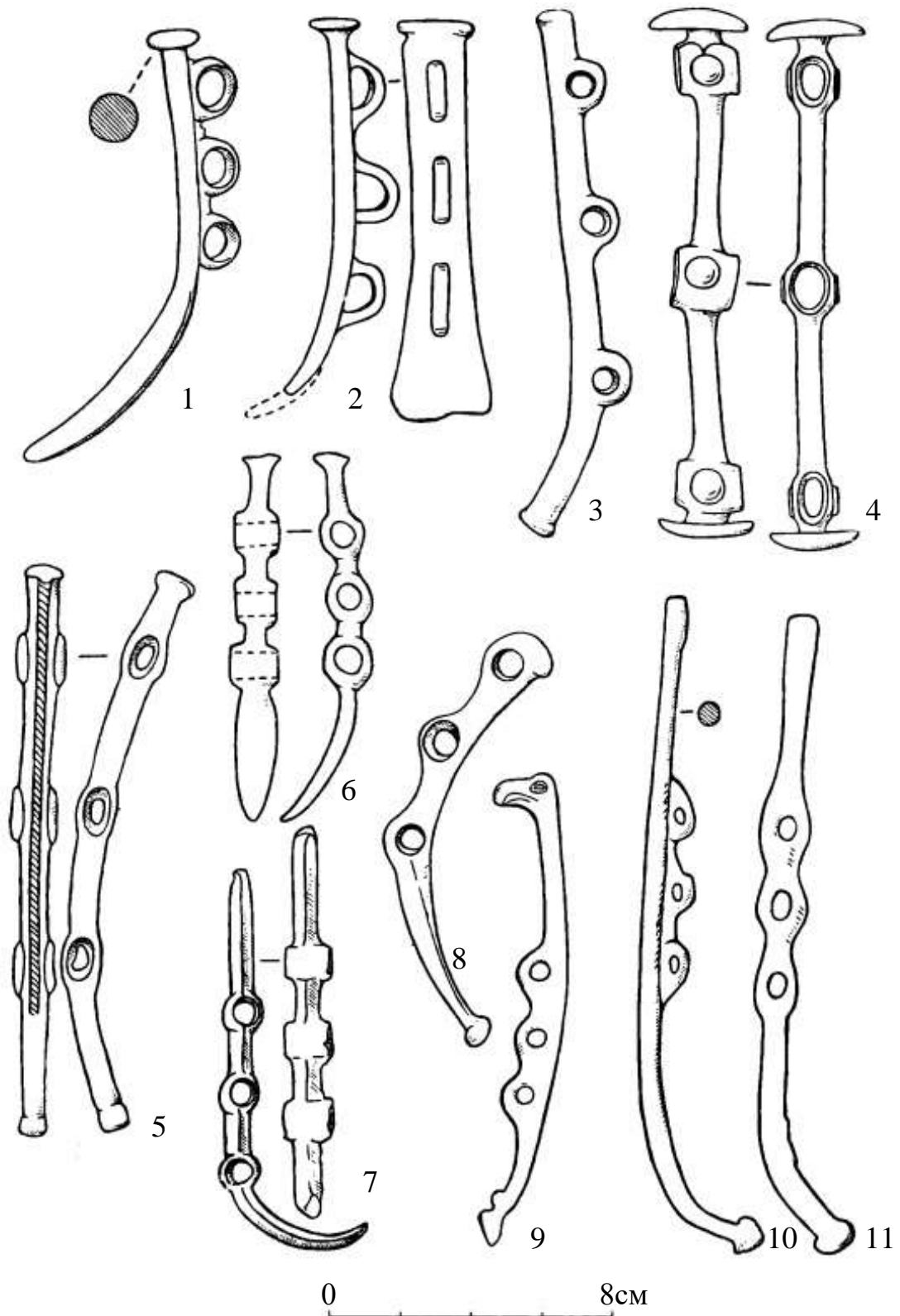

Рис. 15. Типы псалиев к бронзовым удилам по А.А. Иессену (по: *Иессен 1953, с. 53, рис. 3*): 1 – тип I; 2 – тип I-A; 3 – тип II; 4-7 – тип III; 8 – тип IV; 9 – тип V; 10-11 – железные псалии.

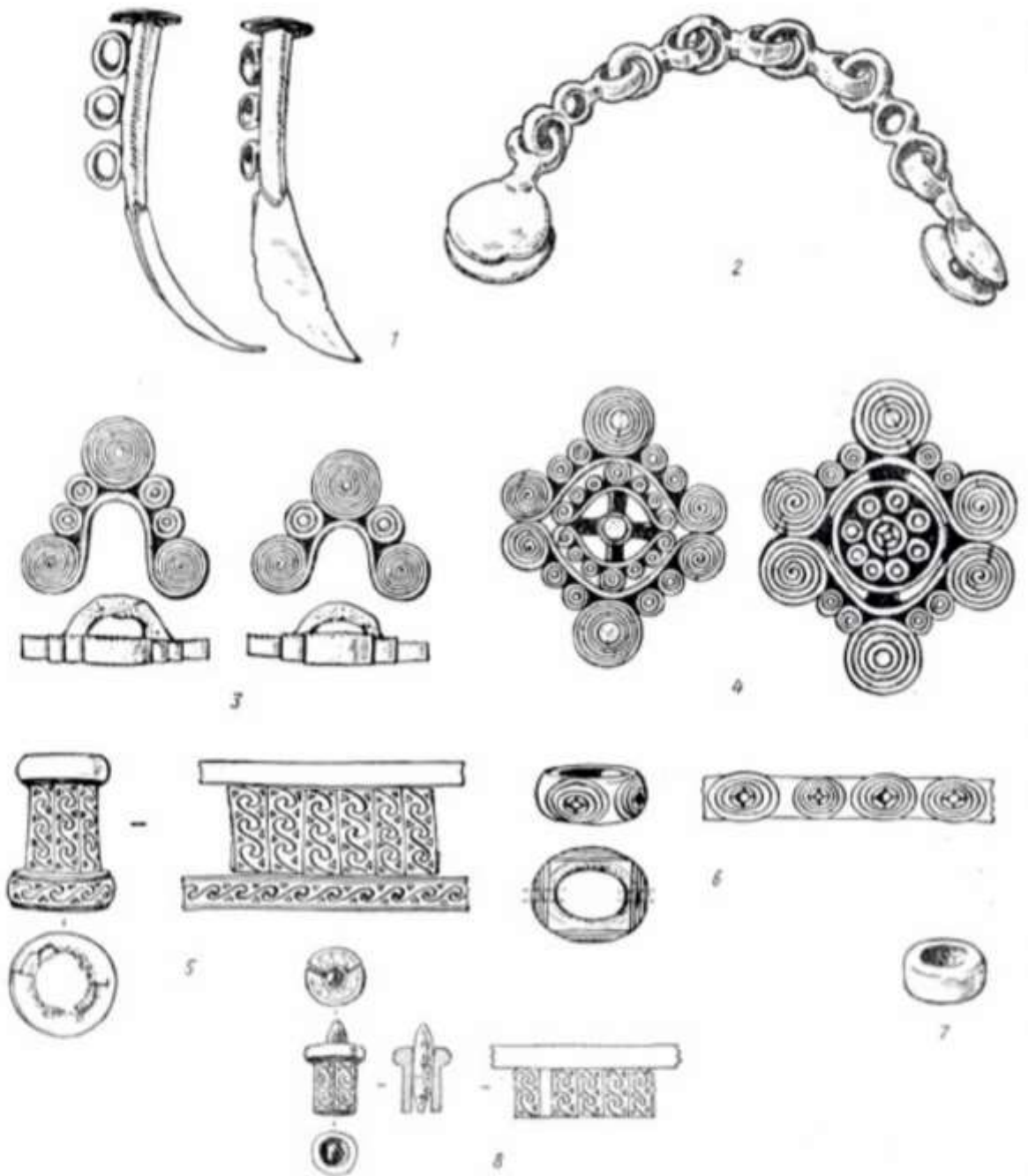

Рис. 16. Инвентарь погребения из кургана у с. Зольное (по: Граков 1977, рис. 101а): 1 - псалии, 2 - удила, 3 - лунницы, 4 - бляхи, 5, 8 - муфты, 6 - перстень, 7 - кольцо; 1, 2, 7 - бронза, 3-6, 8 - кость.

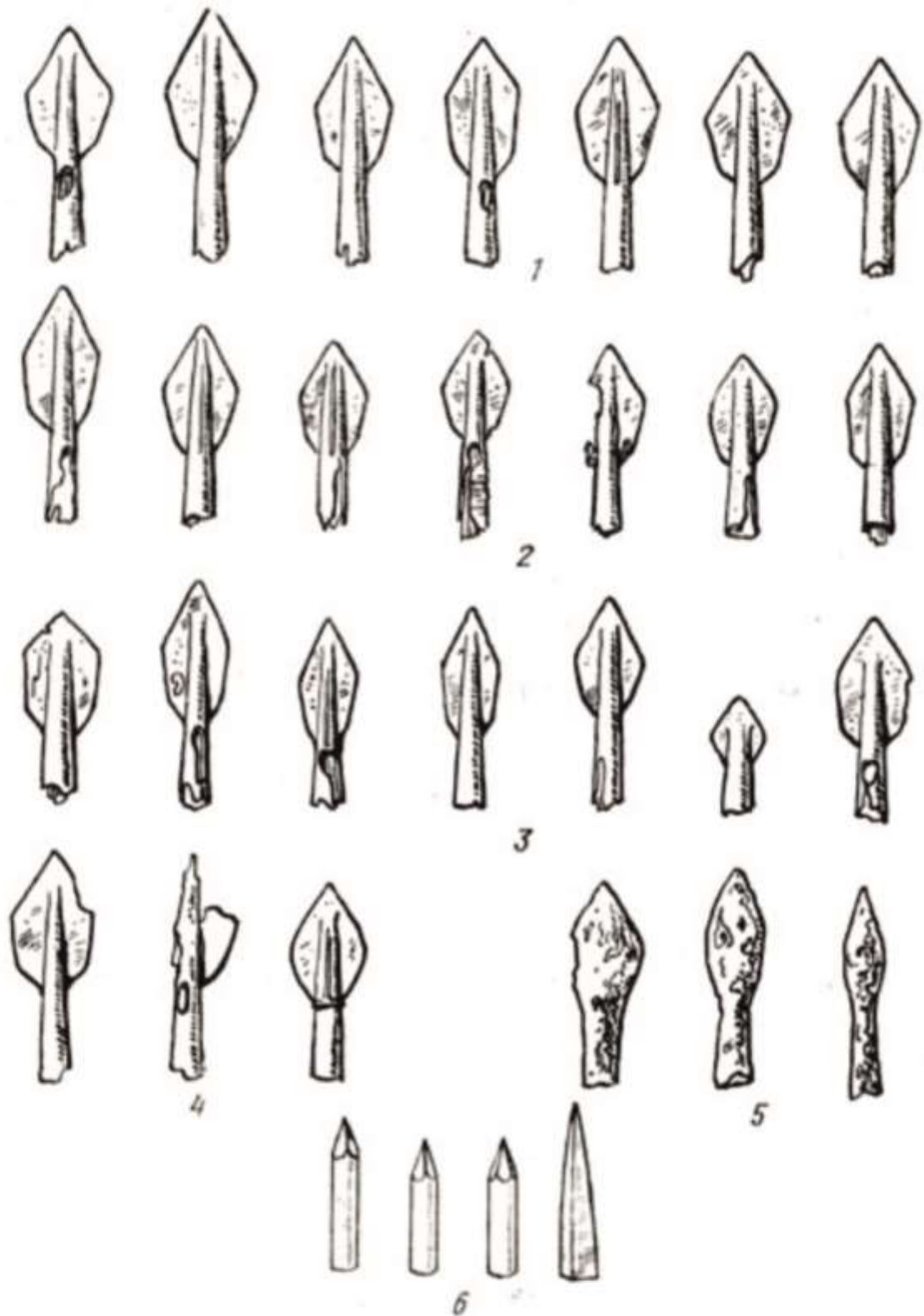

Рис. 17. Наконечники стрел всаднического погребения из кургана у с. Зольное (по: Граков 1977, рис. 101б): 1, 2, 3, 4 – бронзовые, 5 – железные, 6 – костяные

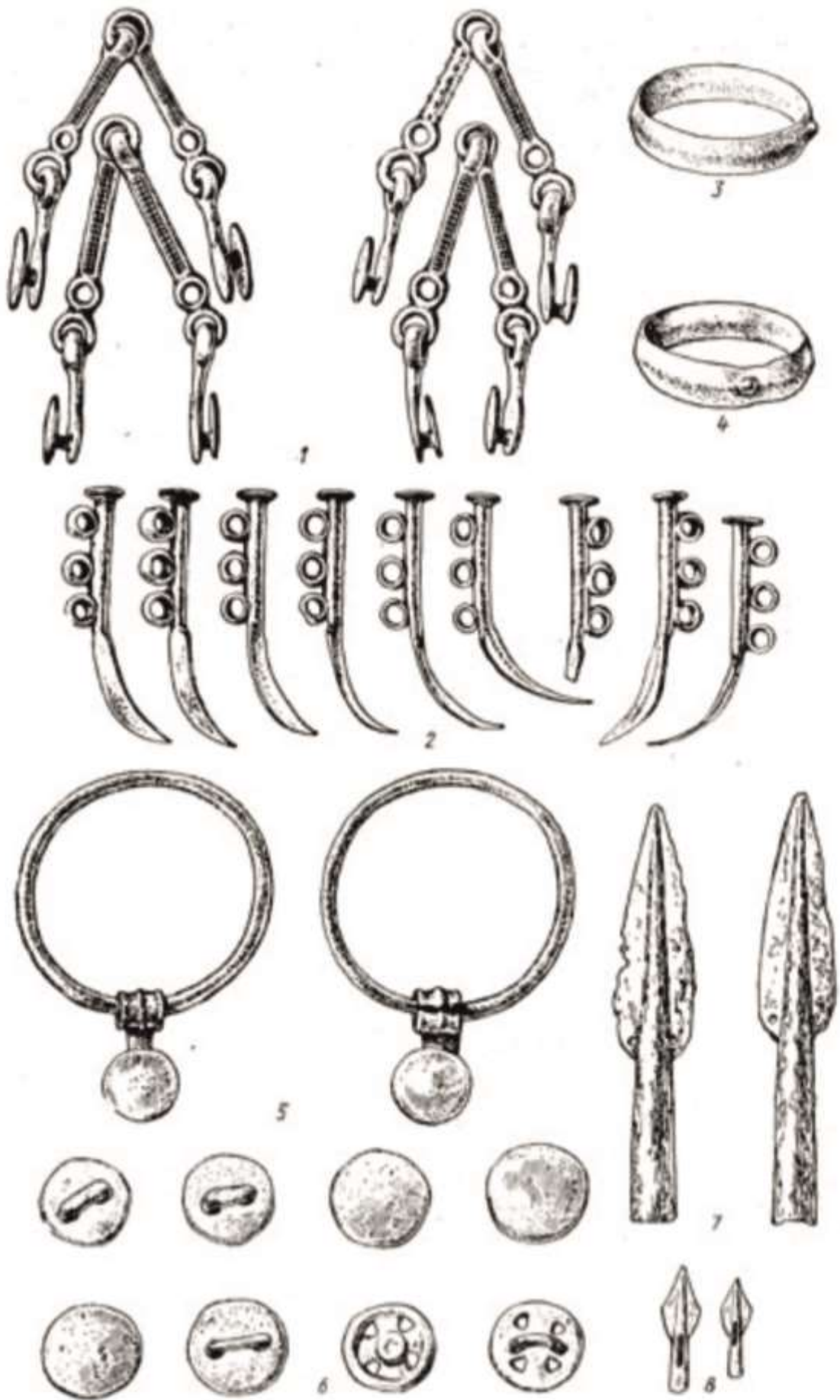

Рис. 18. Инвентарь погребения в Бутенках (по: Граков 1977, рис. 114):
 1 - удила, 2 - псалии, 3, 4 - браслетоподобные кольца, 5, 6 - кольца и бляхи
 от сбруи, 7 - железные наконечники копий, 8 - наконечники стрел (1-6, 8 - бронза).

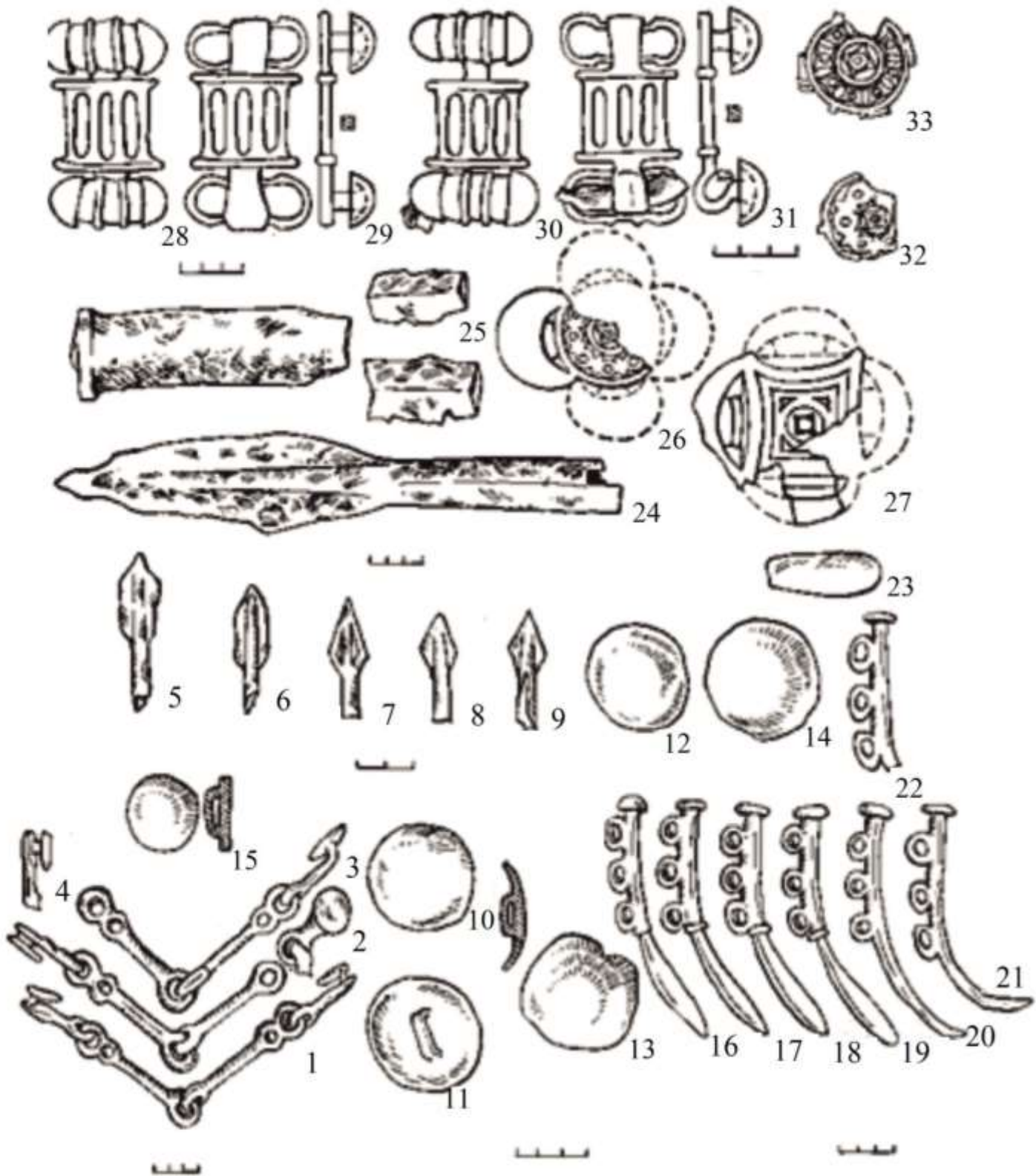

Рис. 19. Комплекс находок из Носачевского кургана (Тереножкин 1976, рис. 45): 1-4 - удила; 5-9 - наконечники стрел; 10-15 - бляшки; 16-23 - псалий; 24 - наконечник копья; 25 - обломки меча; 26-33 - уздечные бляхи. 1-23, 28-31 - бронза; 24-25 - железо; 26, 27, 32, 33 - кость

Рис. 20. Алексей Иванович Тереножкин (1907 – 1981)

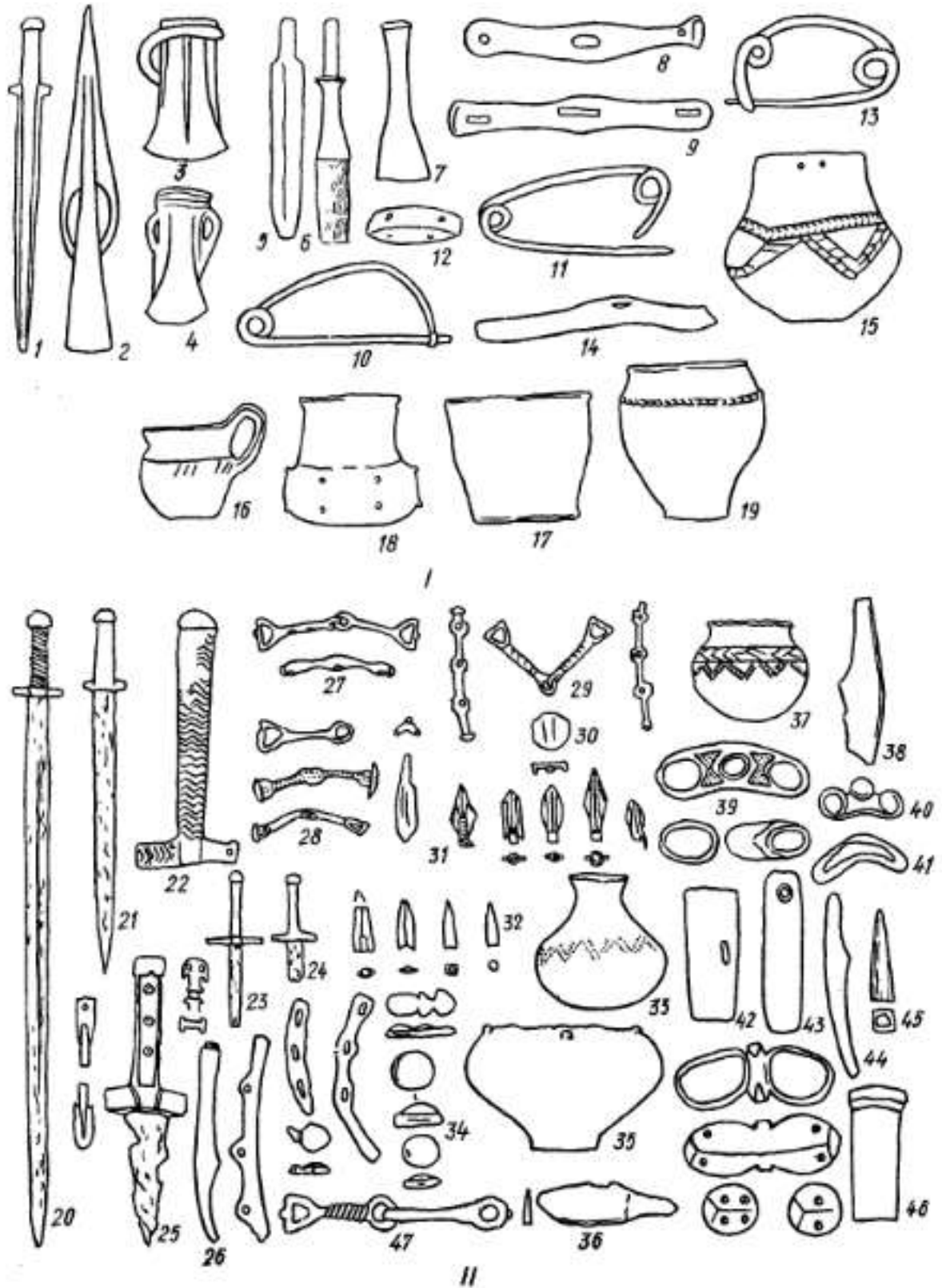

Рис. 21. Периодизация конца бронзового и начала железного века на юге Европейской части СССР по А.И. Тереножкину (по: *Тереножкин 1976, рис. 97*): I – Белозерская ступень (1150-900 гг. до н.э.); II – Черногоровская ступень (900-750 гг. до н.э.)

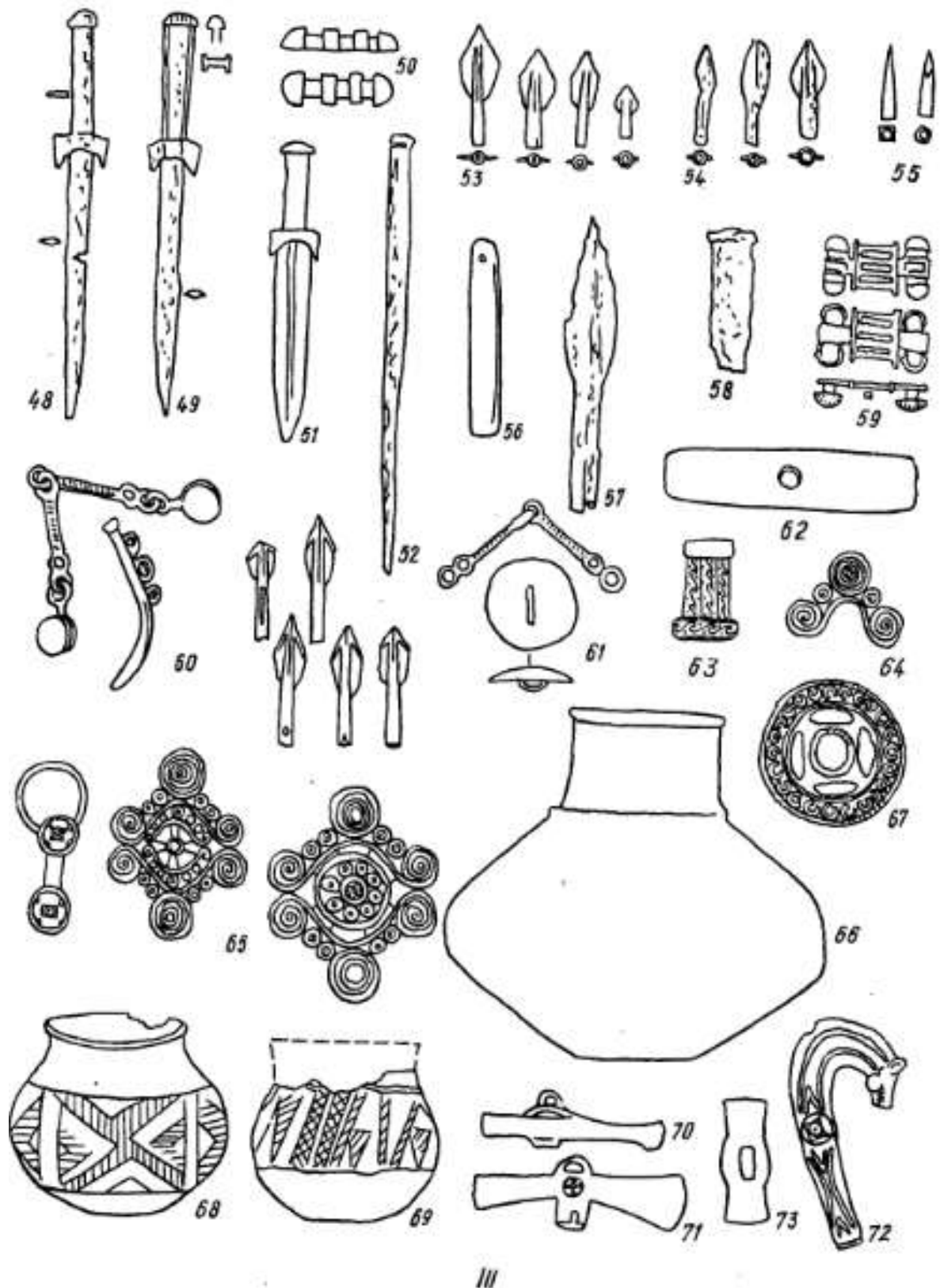

Рис. 22. Периодизация конца бронзового и начала железного века на юге Европейской части СССР по А.И. Тереножкину (по: *Тереножкин 1976, рис. 97*): III – Новочеркасская ступень (750-650 гг. до н.э.).

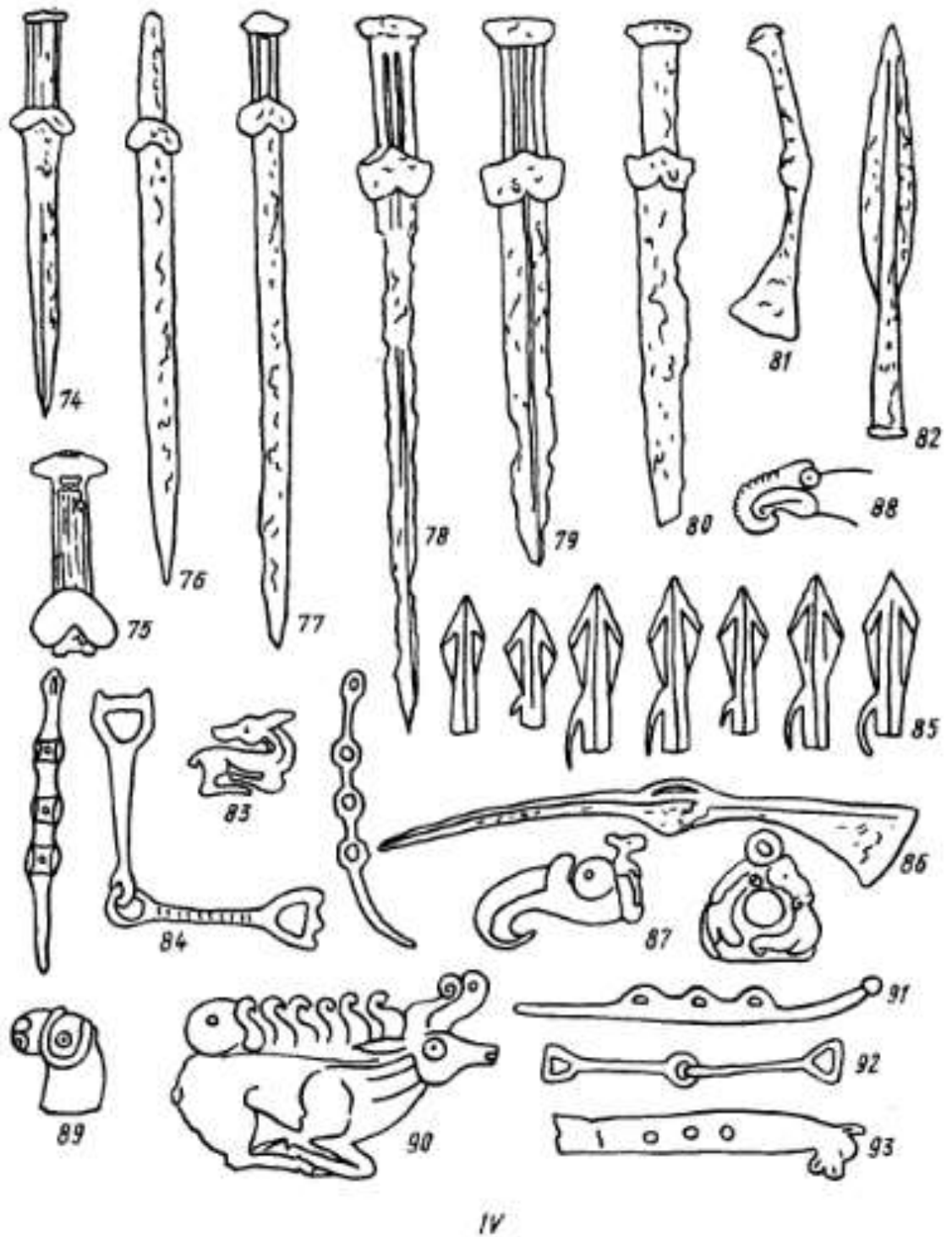

Рис. 23. Периодизация конца бронзового и начала железного века на юге Европейской части СССР по А.И. Тереножкину (по: Тереножкин 1976, рис. 97): IV – Скифский период (с середины VII в. до н.э.).

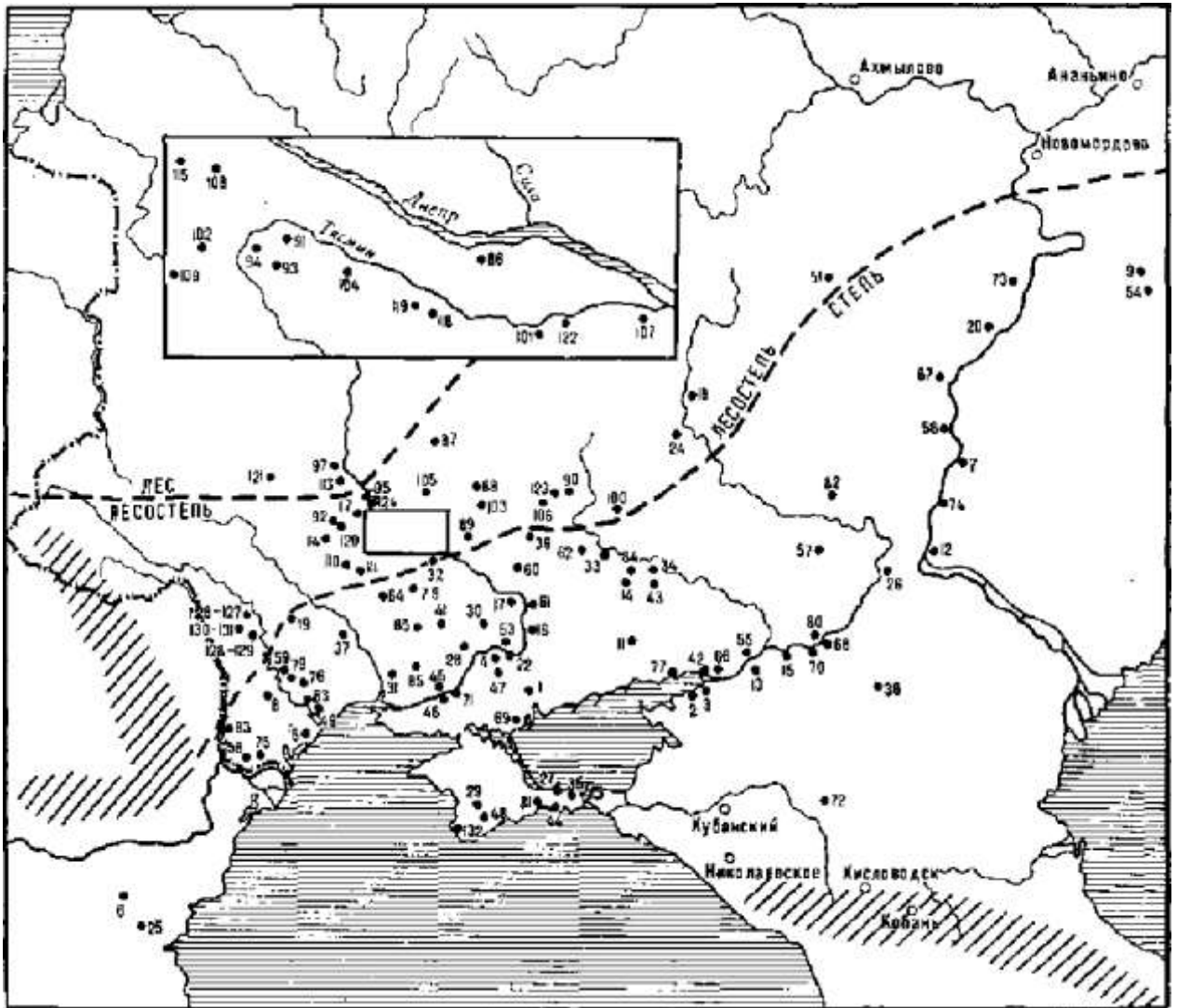

Рис. 24. Памятники киммерийцев и находки вещей киммерийских типов на юге Европейской части СССР (по: Тереножкин 1976, рис. 1)

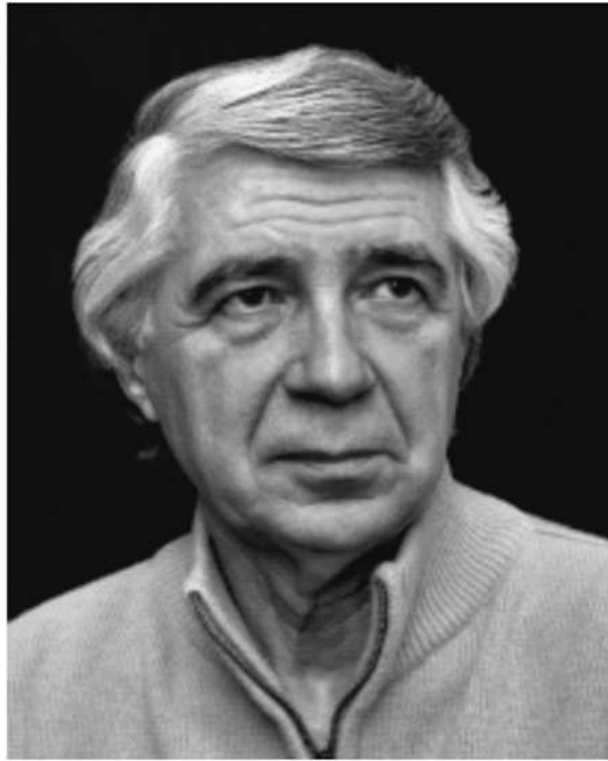

Рис. 25. Сергей Анатольевич Скорый (Скорий, род. 1949)

Рис. 26. Сергей Владимирович Махортых (Махортых, род. 1958)

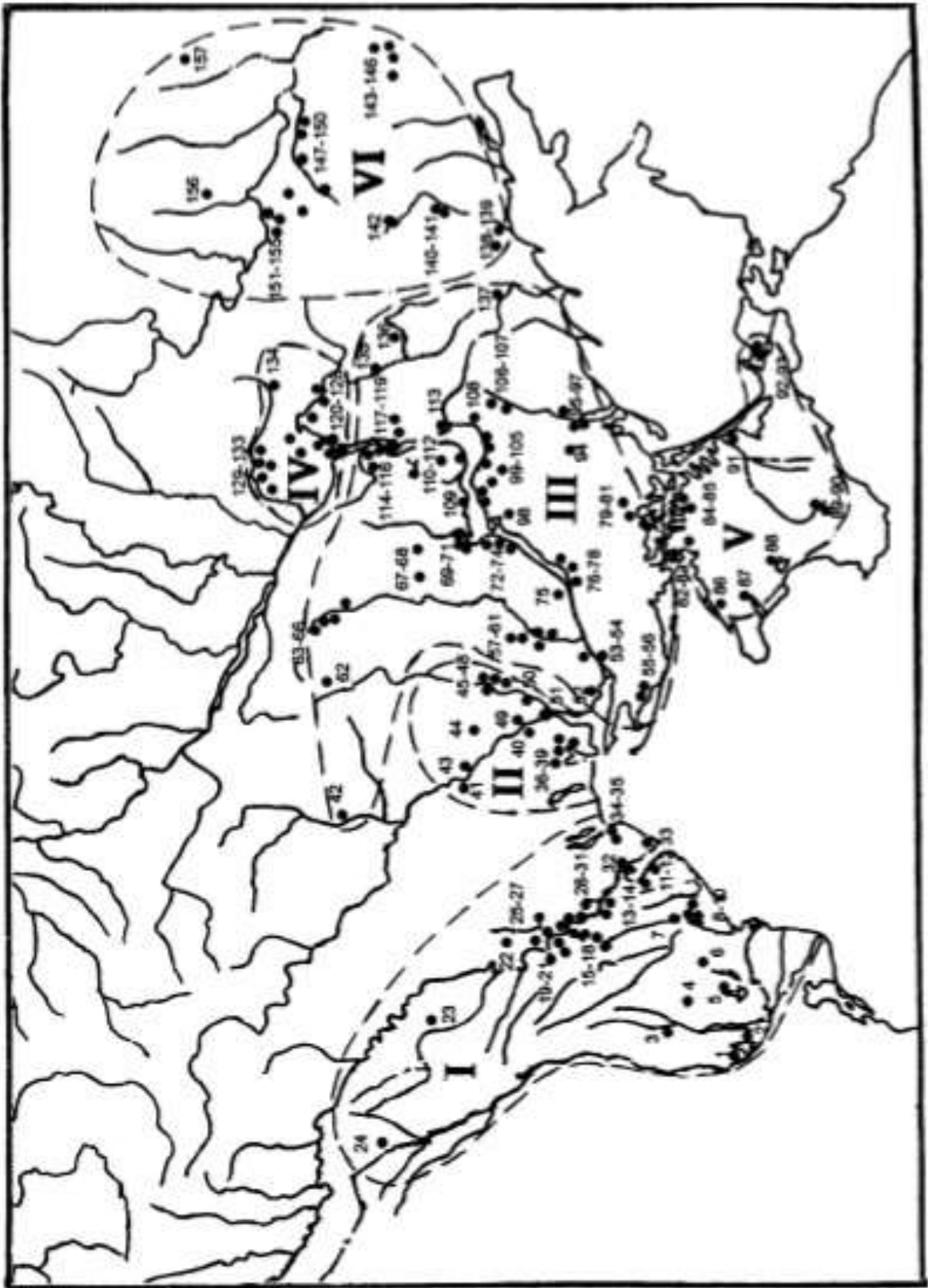

Рис. 27. Киммерийские памятники Северного Причерноморья и предполагаемые границы их территориальных подгрупп (по: *Махортых 2005, с. 36, рис. 1.*): I – Дунайско-Днестровская; II – Южнобугская; III – Приднепровская; IV – Орельско-Самарская; V – Крымская; VI – Восточнoукраинская.

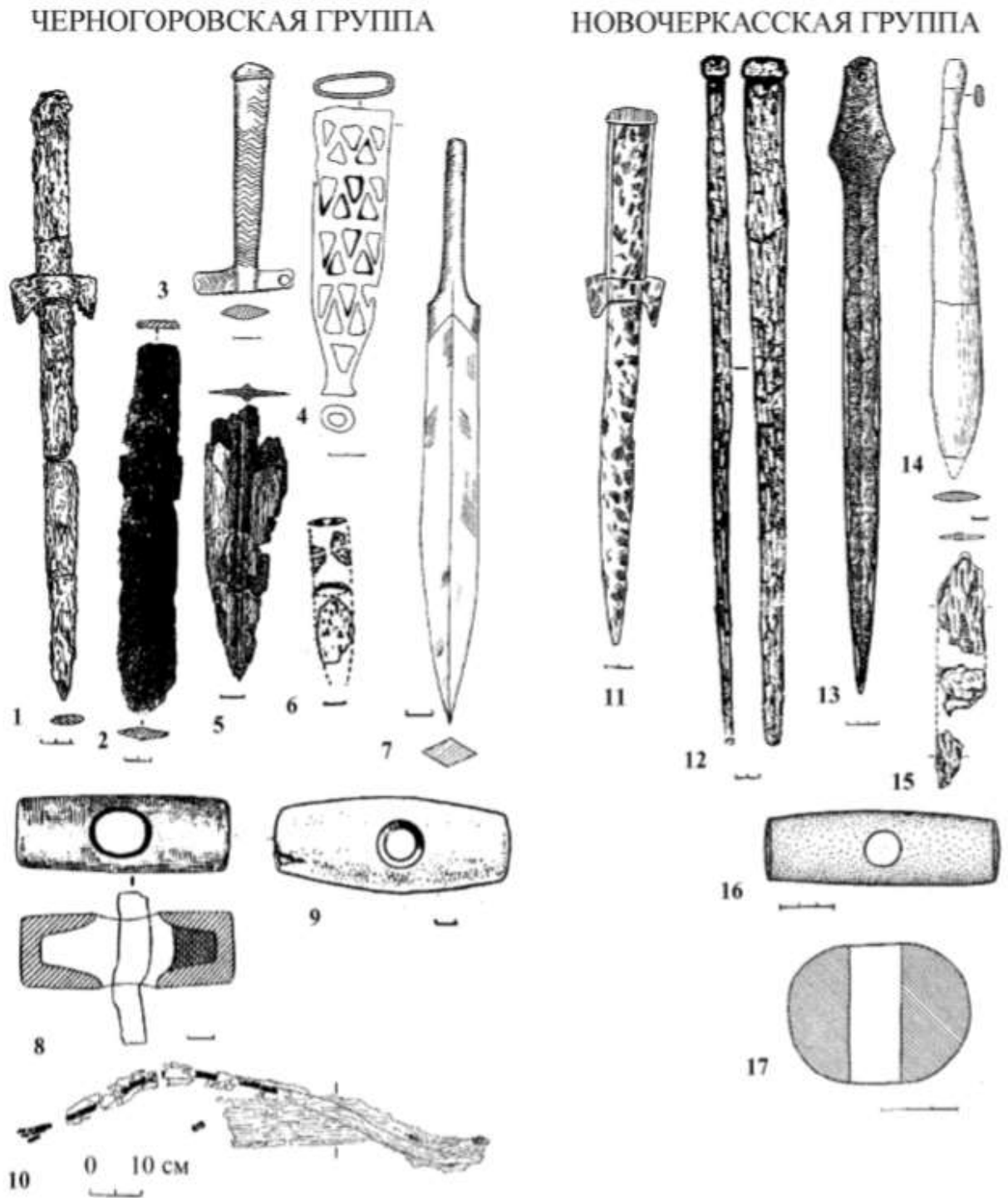

Рис. 28. Оружие черногоровской (1-10) и новочеркасской (11-17) групп памятников по С.В. Махортых (по: *Махортых 2005, с. 77, рис. 21*)

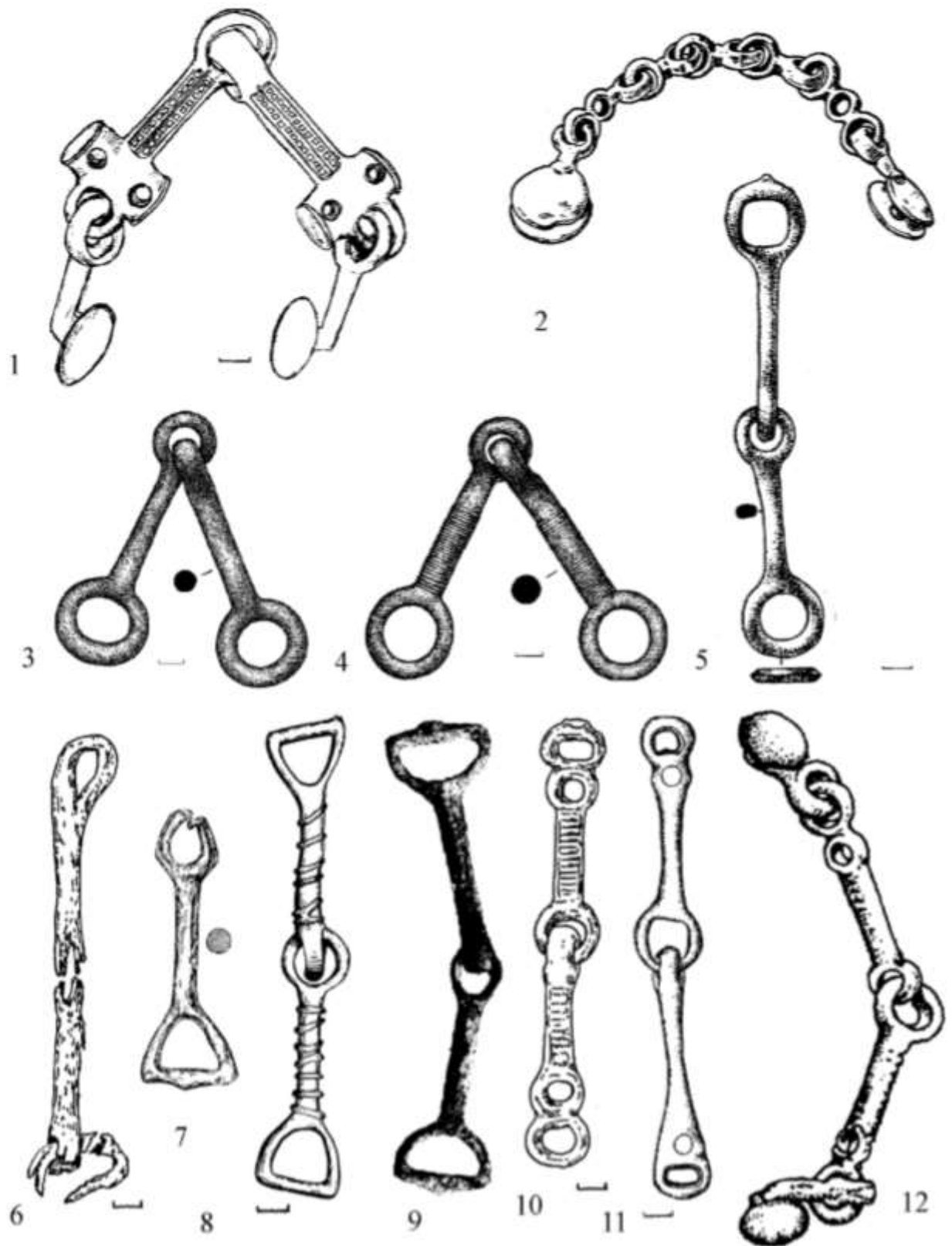

Рис. 29. Киммерийские удила по С.В. Махортых
(по: Махортых 2005, с.82, рис. 26)

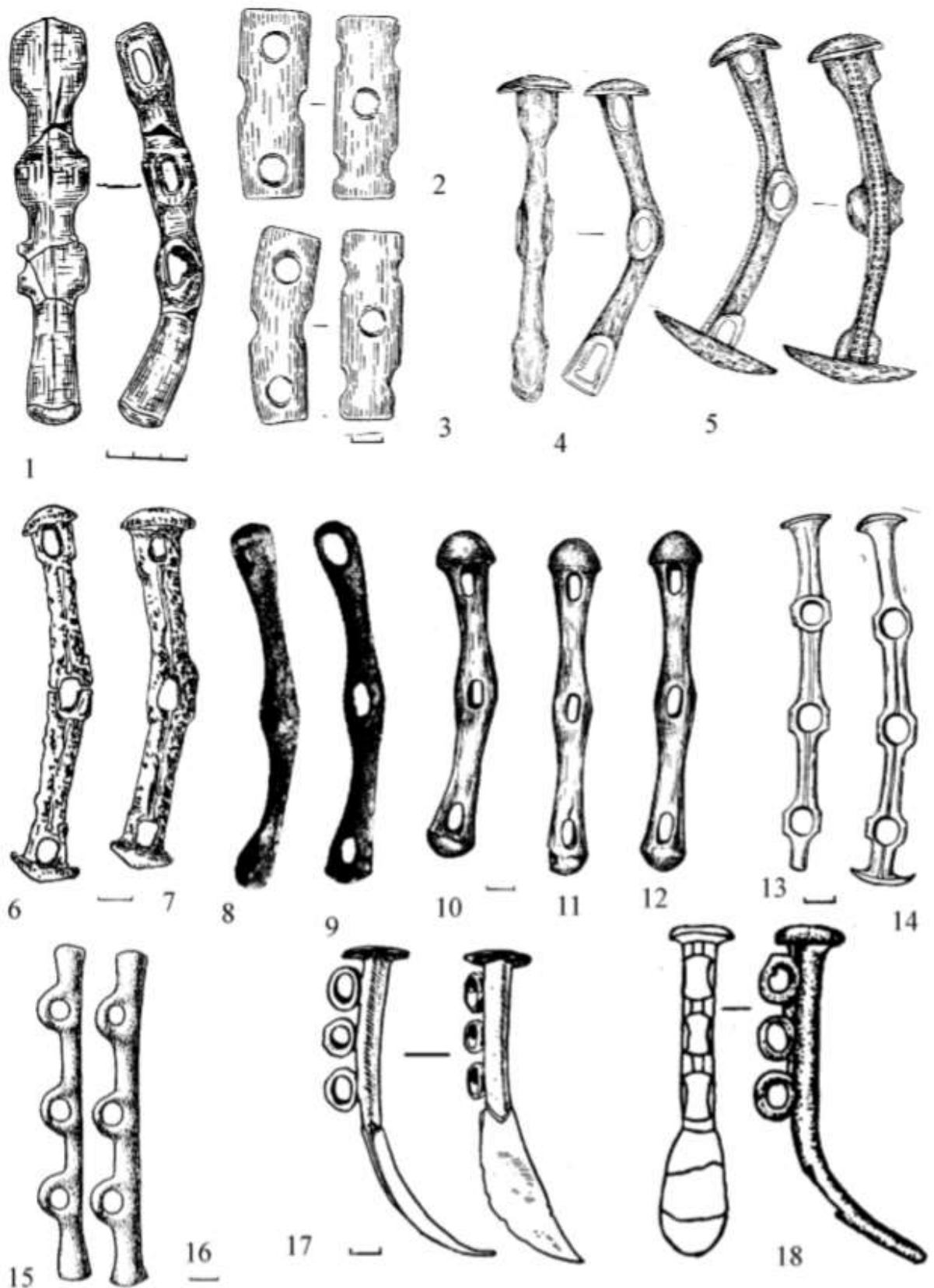

Рис. 30. Киммерийские пса́лии по С.В. Махорты́х
(по: Махорты́х 2005, с. 83, рис. 27)

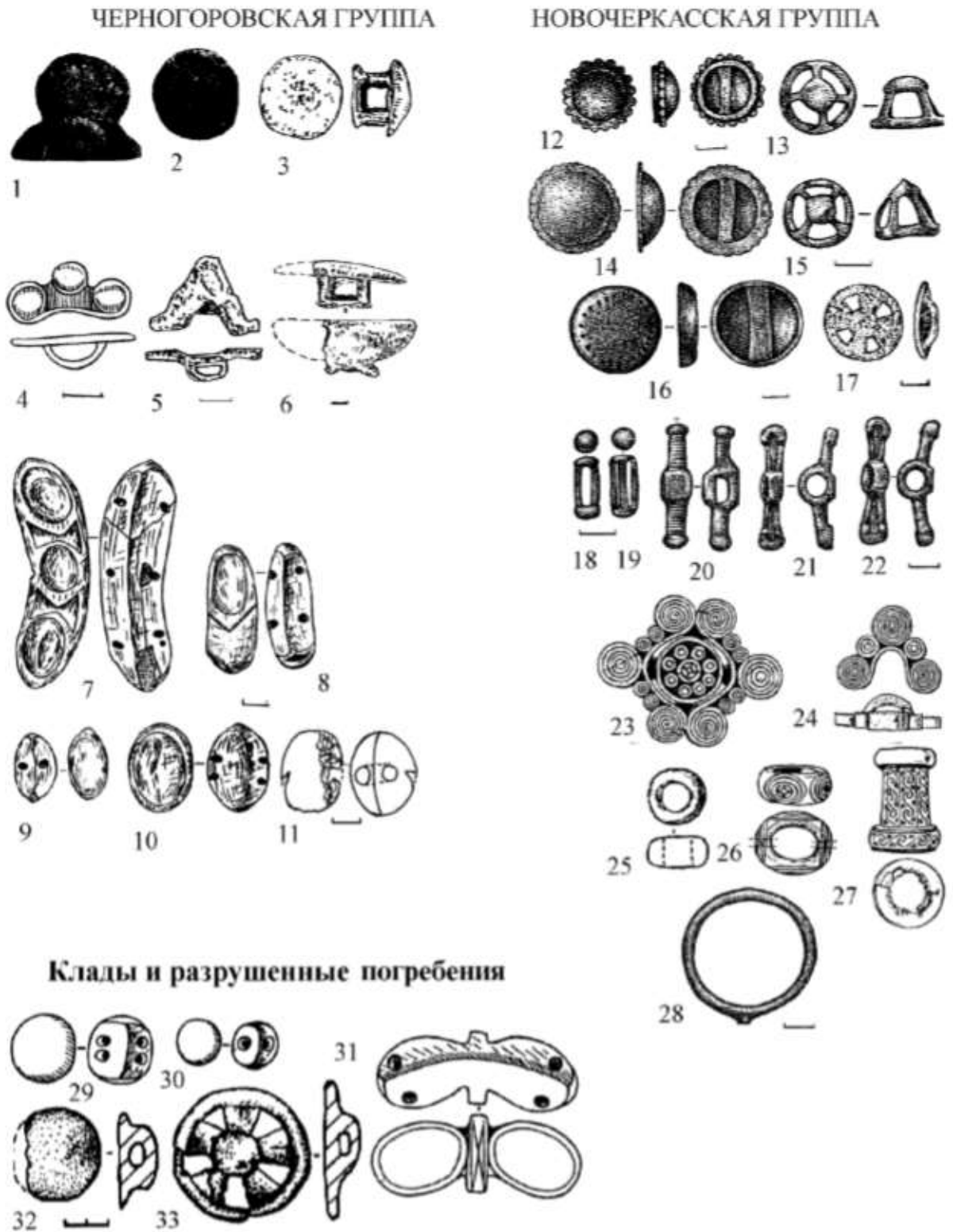

Рис. 31. Детали конской сбруи киммерийцев по С.В. Махортых
(по: Махортых 2005, с. 84, рис. 28)

ЧЕРНОГОРОВСКАЯ ГРУППА

НОВОЧЕРКАССКАЯ ГРУППА

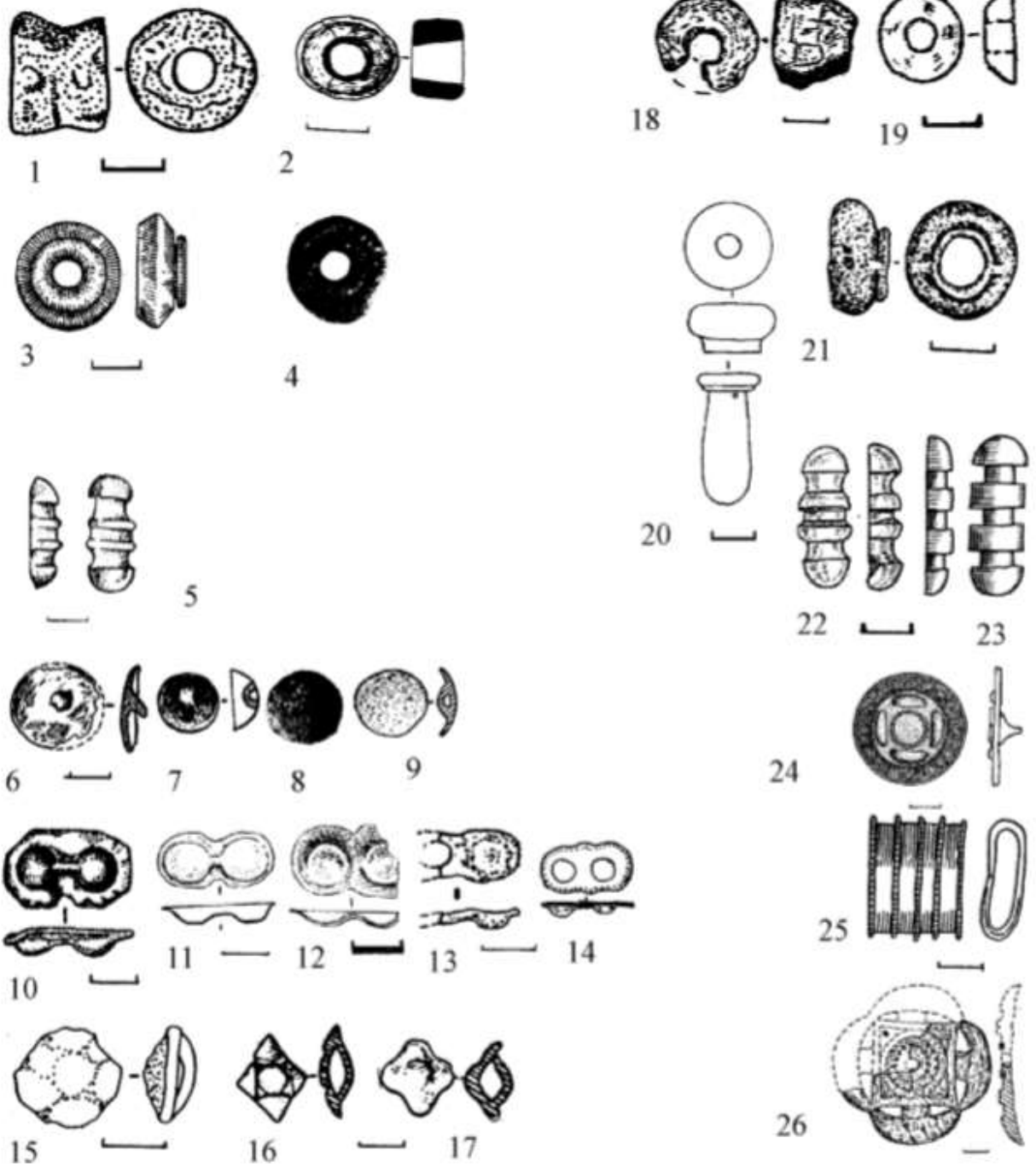

Рис. 32. Бляшки, ворворотки, застёжки киммерийцев по С.В. Махортых
(по: Махортых 2005, с. 84, рис. 29)

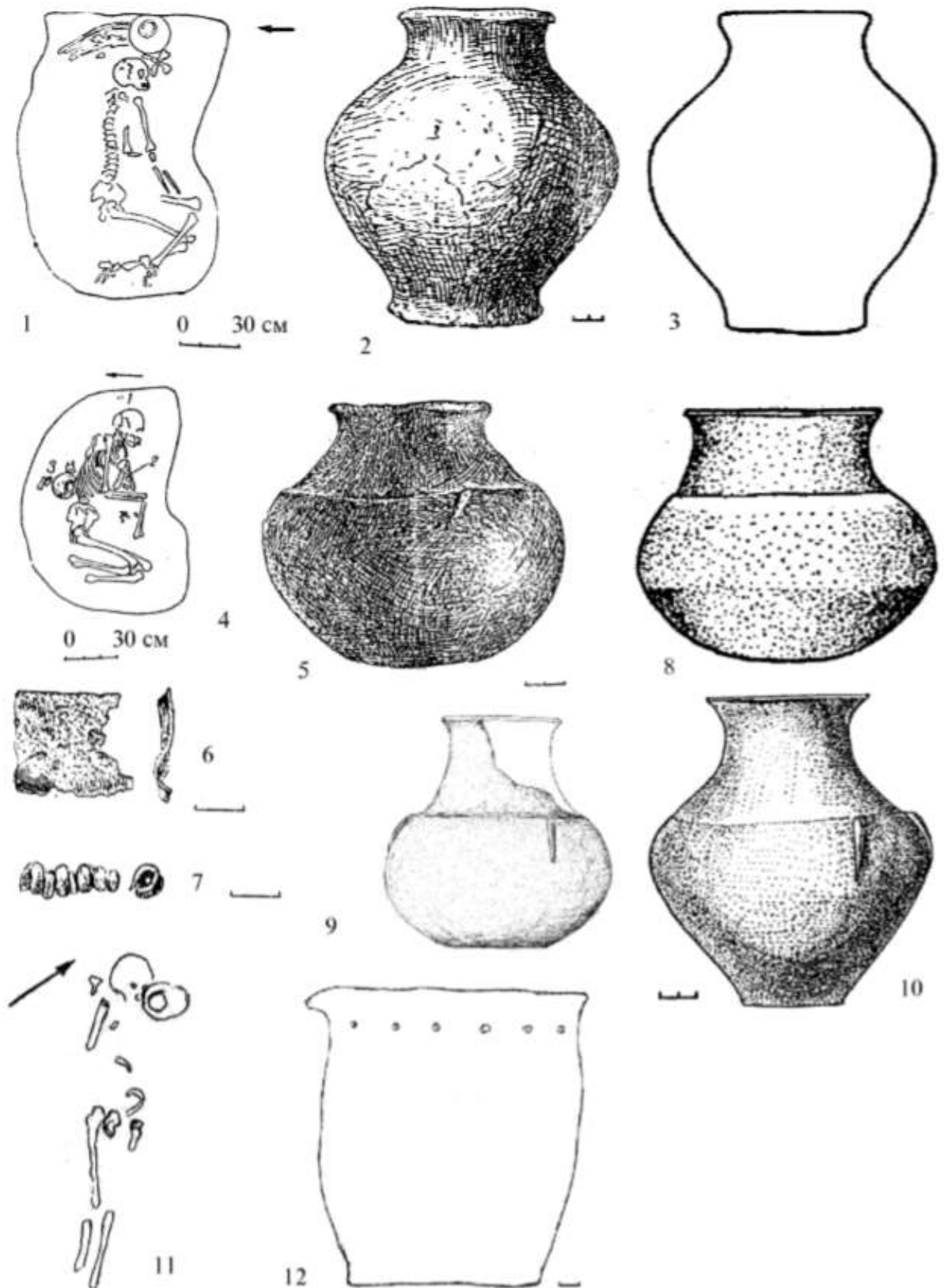

Рис. 33. Типовые киммерийские захоронения и керамический материал, близкий их инвентарю по С.В. Махортых (по: *Махортых 2005, рис. 47*)

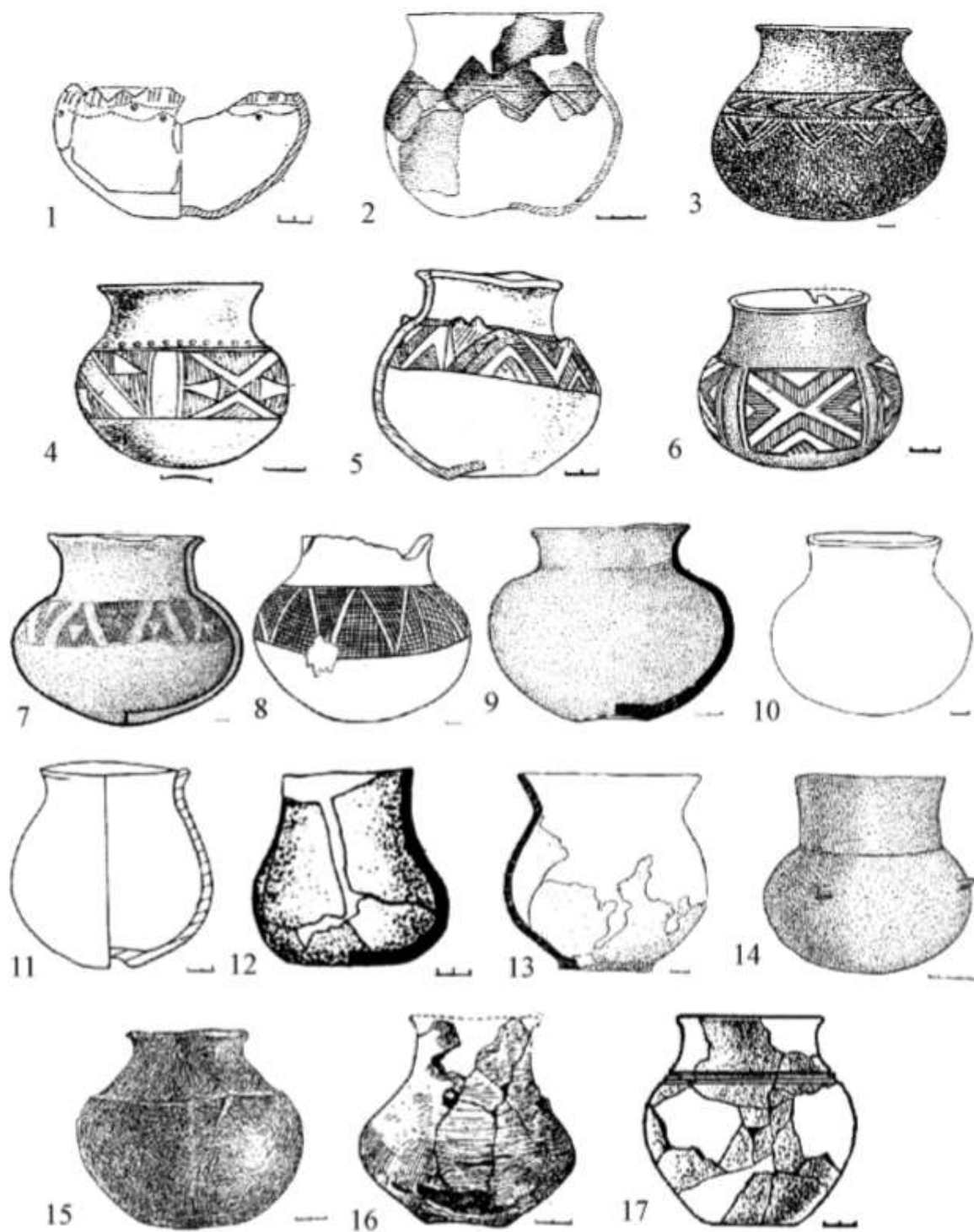

Рис. 34. Кубки черногоровской группы памятников по С.В. Махортых (по: *Махортых 2005, рис. 34*)

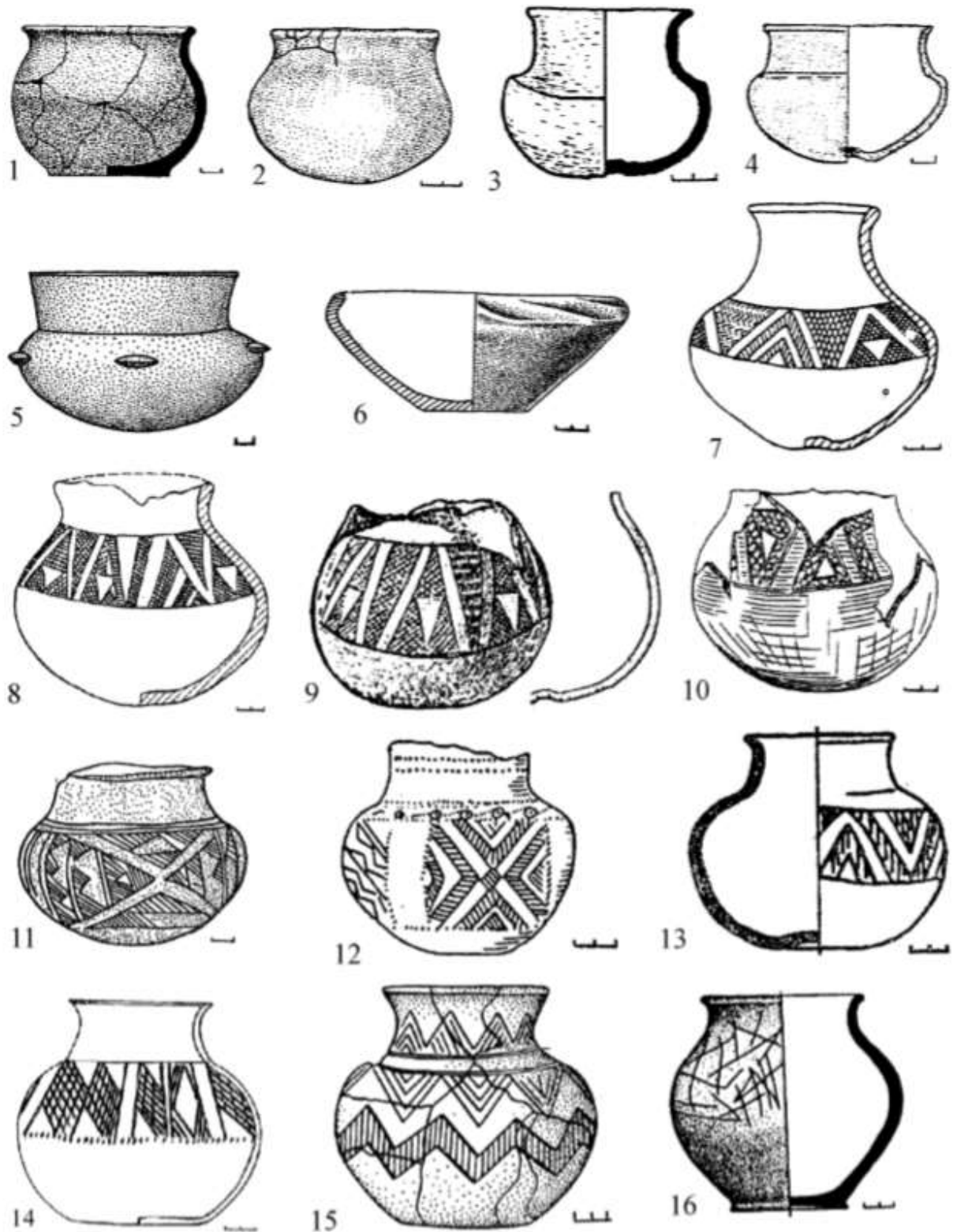

Рис. 35. Чаши (1-5), миска (6) и кубки (7-16) новочеркасской группы памятников по С.В. Махортых (по: *Махортых 2005, рис. 40*)

Рис. 36. Андрей Юрьевич Алексеев (род. 1955)

Рис. 37. Сергей Ремирович Тохтасъев (род. 1957-2018)

Рис. 38. Аскольд Игоревич Иванчик (род. 1965)

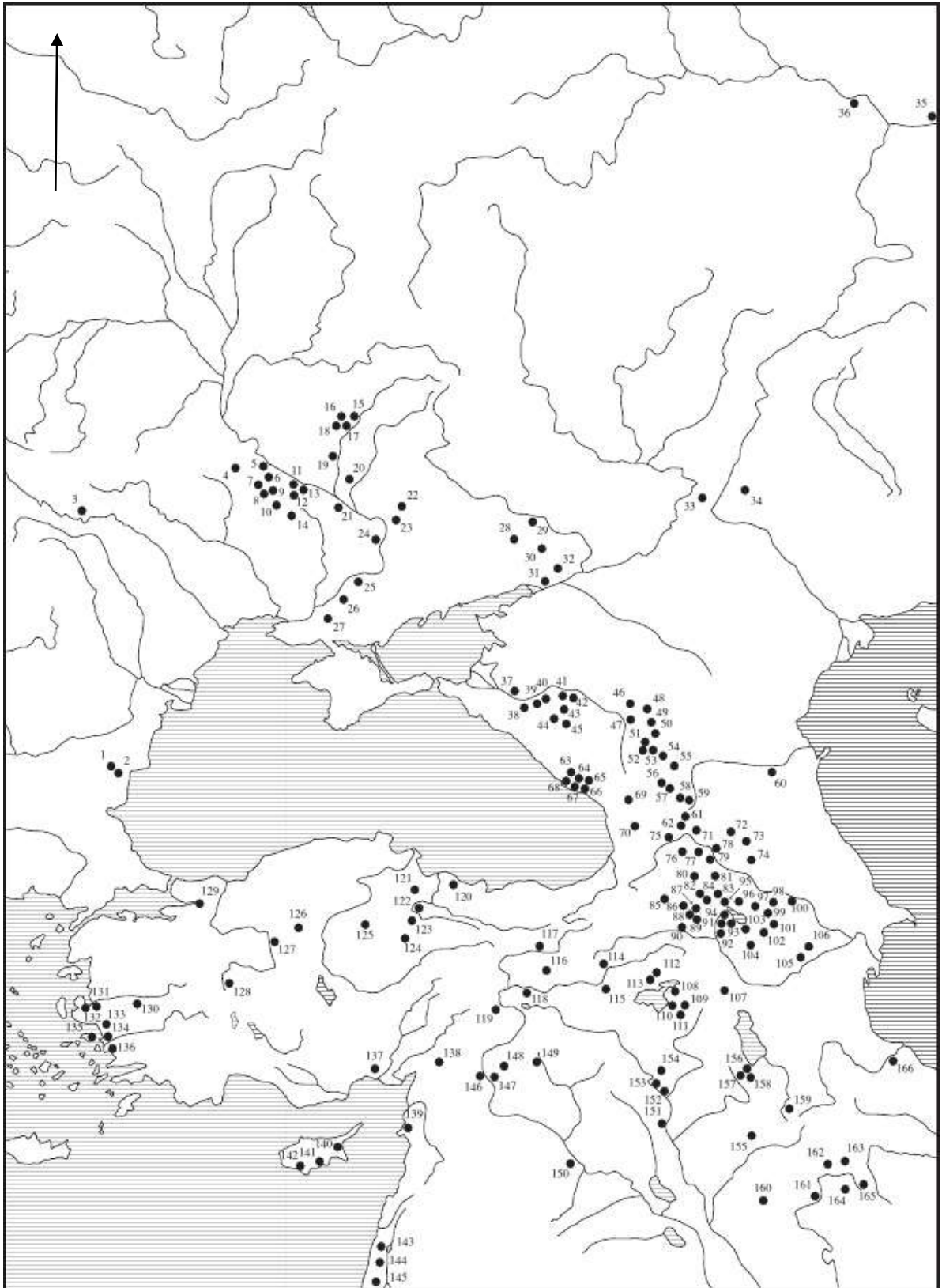

Рис. 39. Карта археологических памятников раннескифской культуры (исторических киммерийцев по А.И. Иванчику) на территории Восточной Европы и Передней Азии (по: *Иванчик 2001, с. 284-285, карта 1*).

Рис. 39а. Карта археологических памятников раннескифской культуры (исторических киммерийцев по А.И. Иванчику) на территории Ирана, Южного Урала, Центральной Азии (по: *Иванчик 2001, с. 286-287, карта 2*).

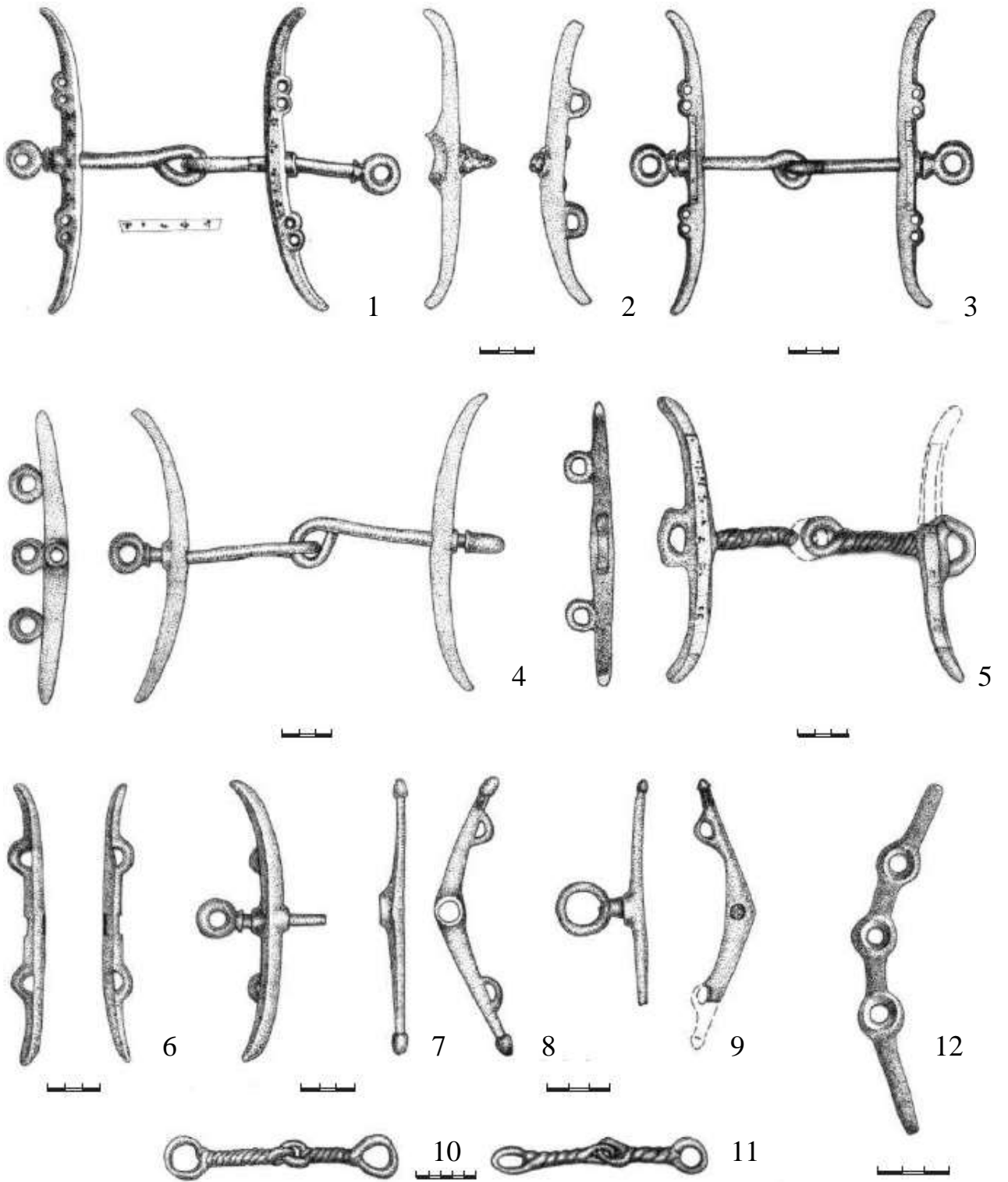

Рис. 40. Урартская конская узда (по: Иванчик 2001, с. 183, рис. 87)

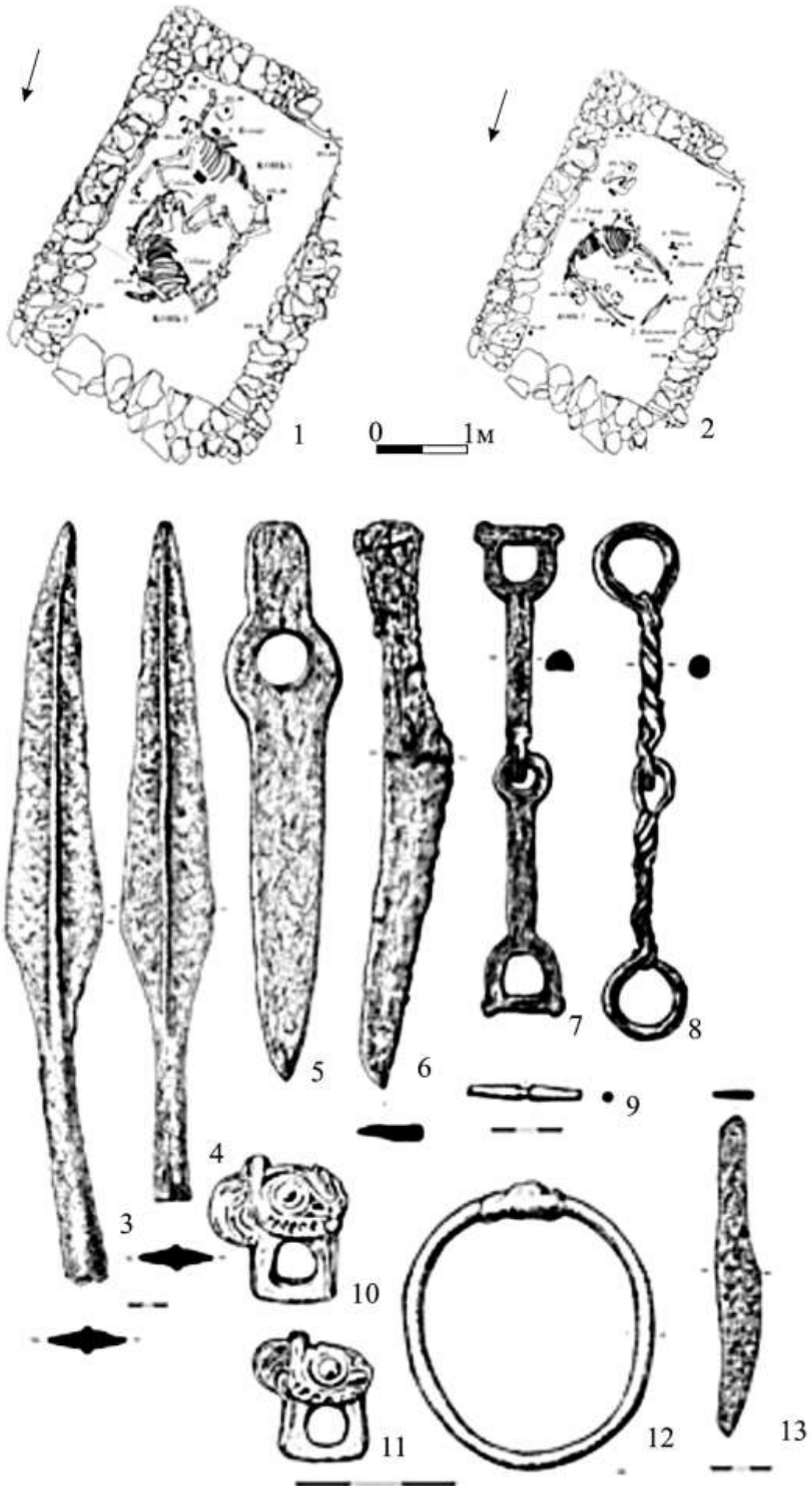

Рис. 41. Погребение на Норшунтепе (по: *Иванчик, 2001, рис. 1, 2, 4*): 1 - план погр. конь 1-2; 2 - план погр. конь 3; 3-13 - инвентарь; 3-6, 13 - железо; 7-12 - бронза

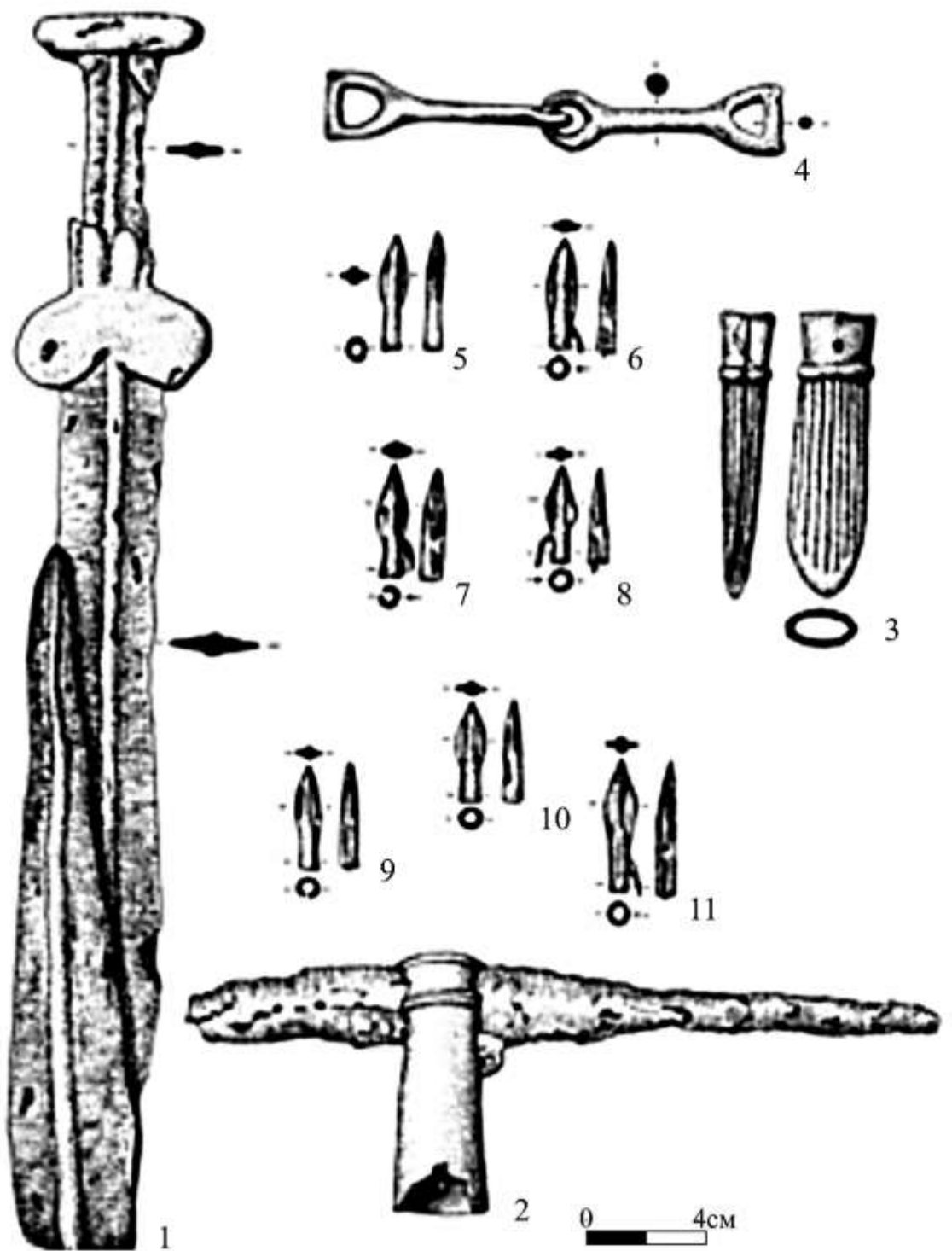

Рис. 42. Инвентарь погребения у Имирлера (по: Иванчик, 2001, рис. 19): 1 - железо, 2 - железо-бронза; 3-11 - бронза

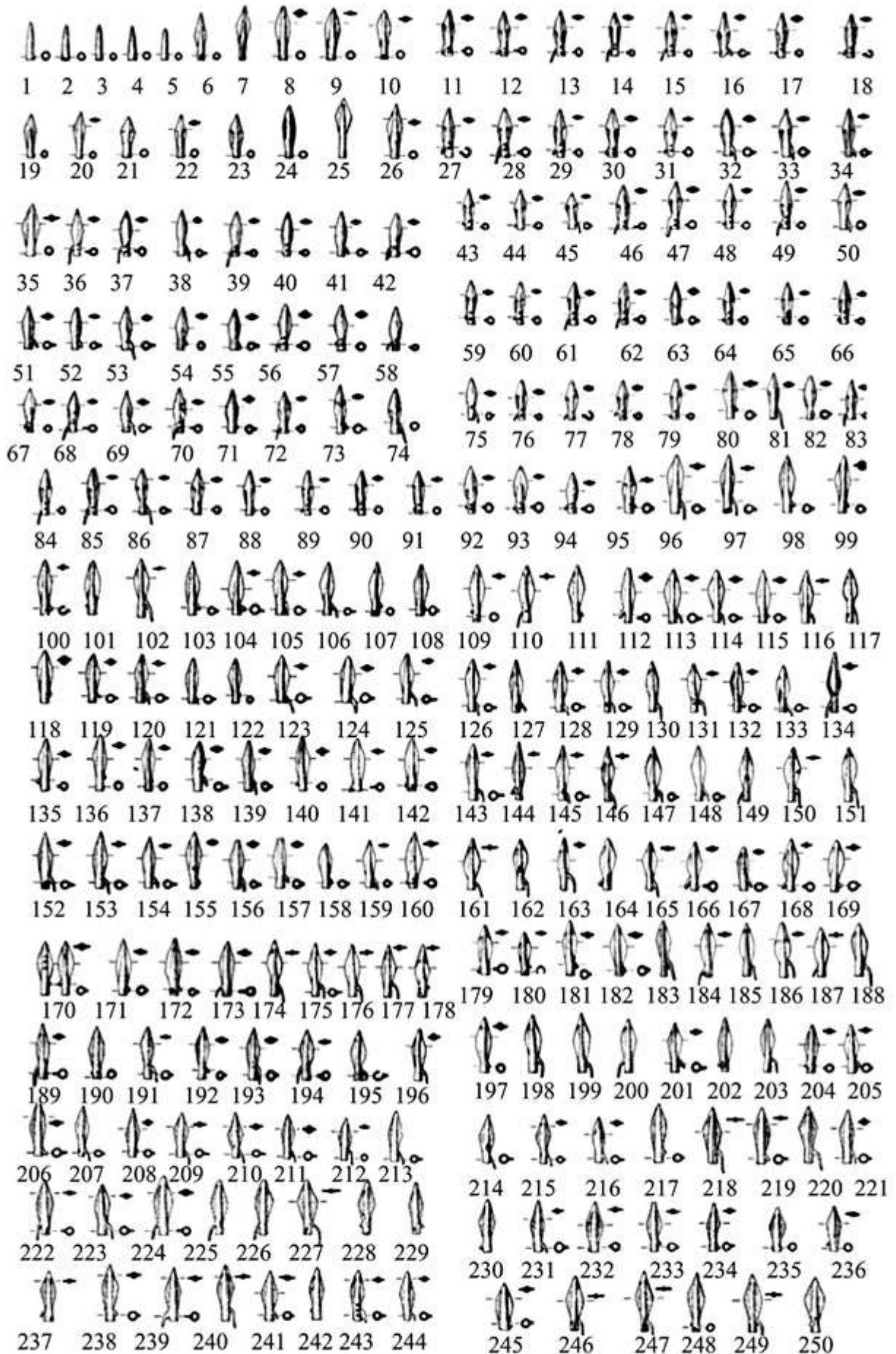

Рис. 43. Наконечники стрел из разграбленного погребения между Ташовой и Лядиком близ Амасьи (по: Иванчик, 2001, рис. 23)

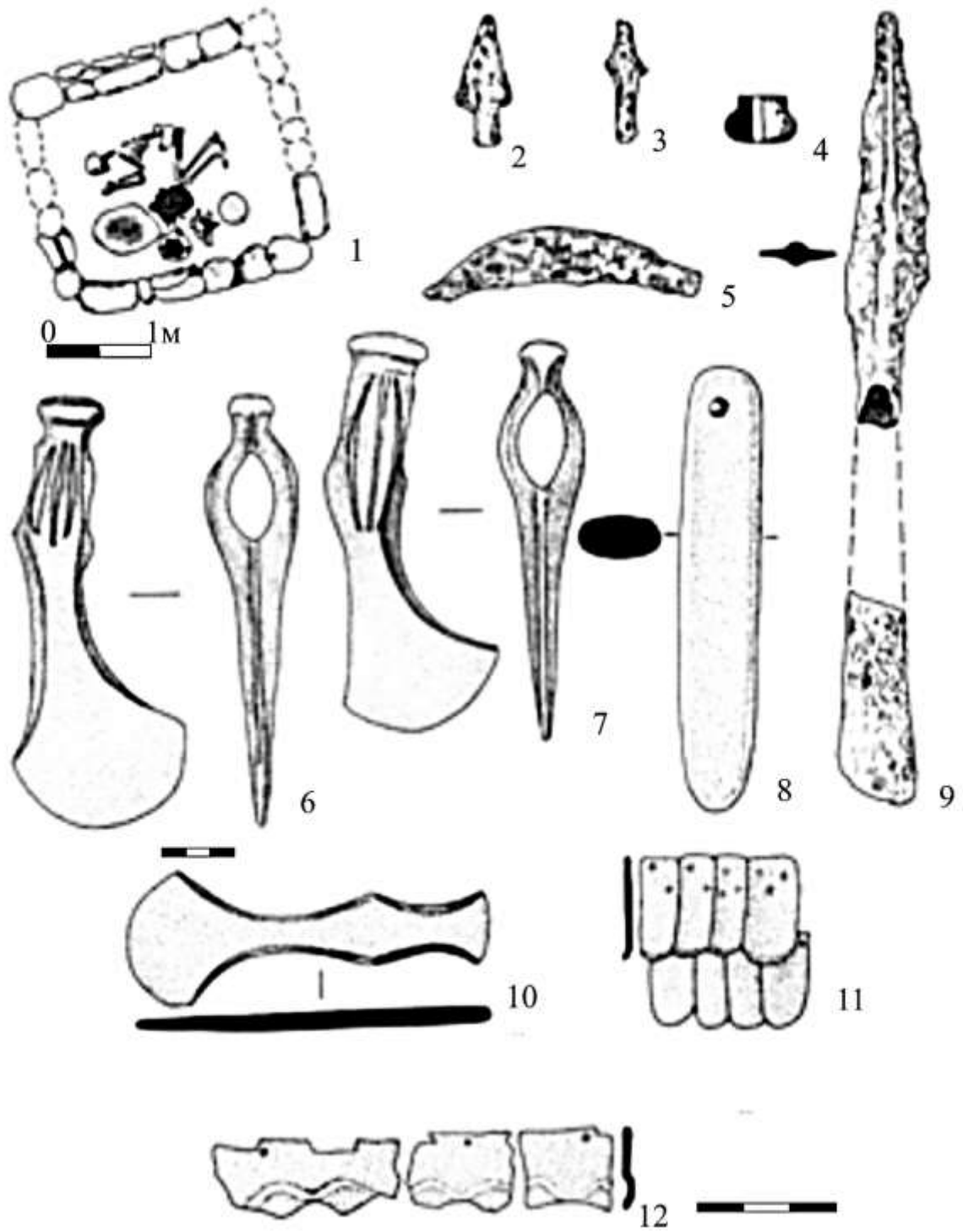

Рис. 44. Инвентарь погребения 4 могильника Индустрия-1
(по: Иванчик, 2001, рис. 127)

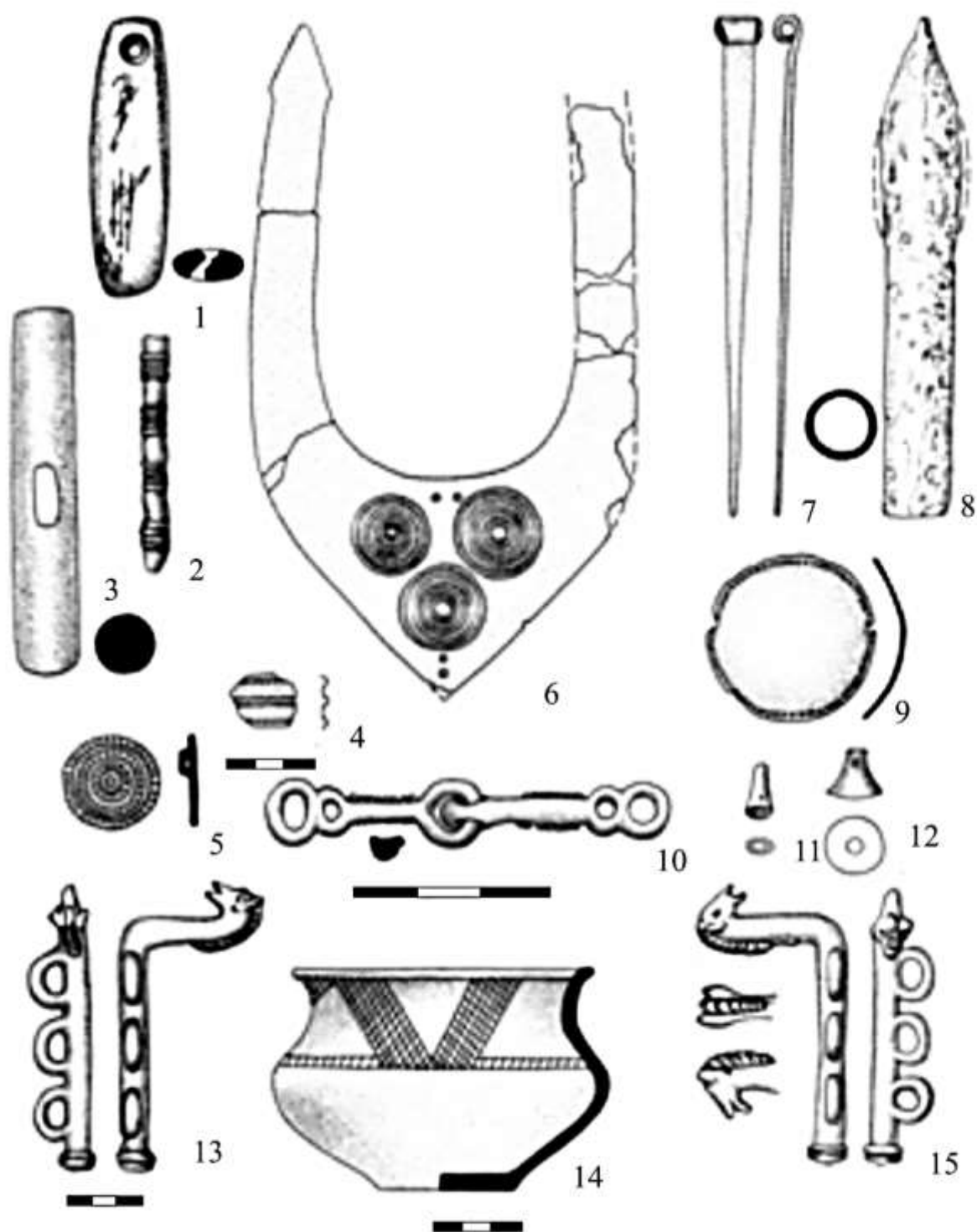

Рис. 45. Инвентарь погребения 14 могильника Клин-Яр - III
(по: Иванчик, 2001, рис. 122)

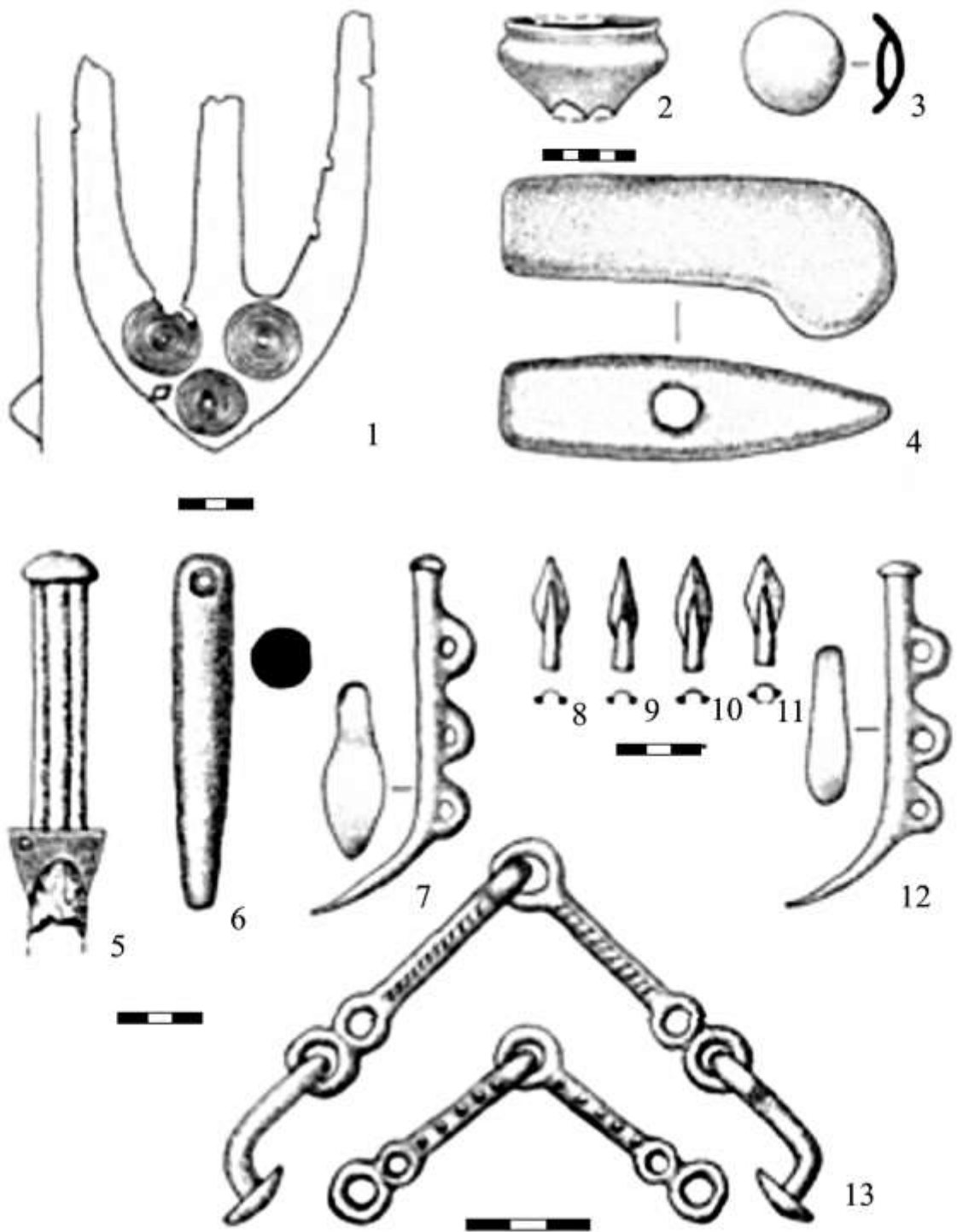

Рис. 46. Инвентарь погребения 1 Султангорского могильника
(по: Иванчик, 2001, рис. 121)

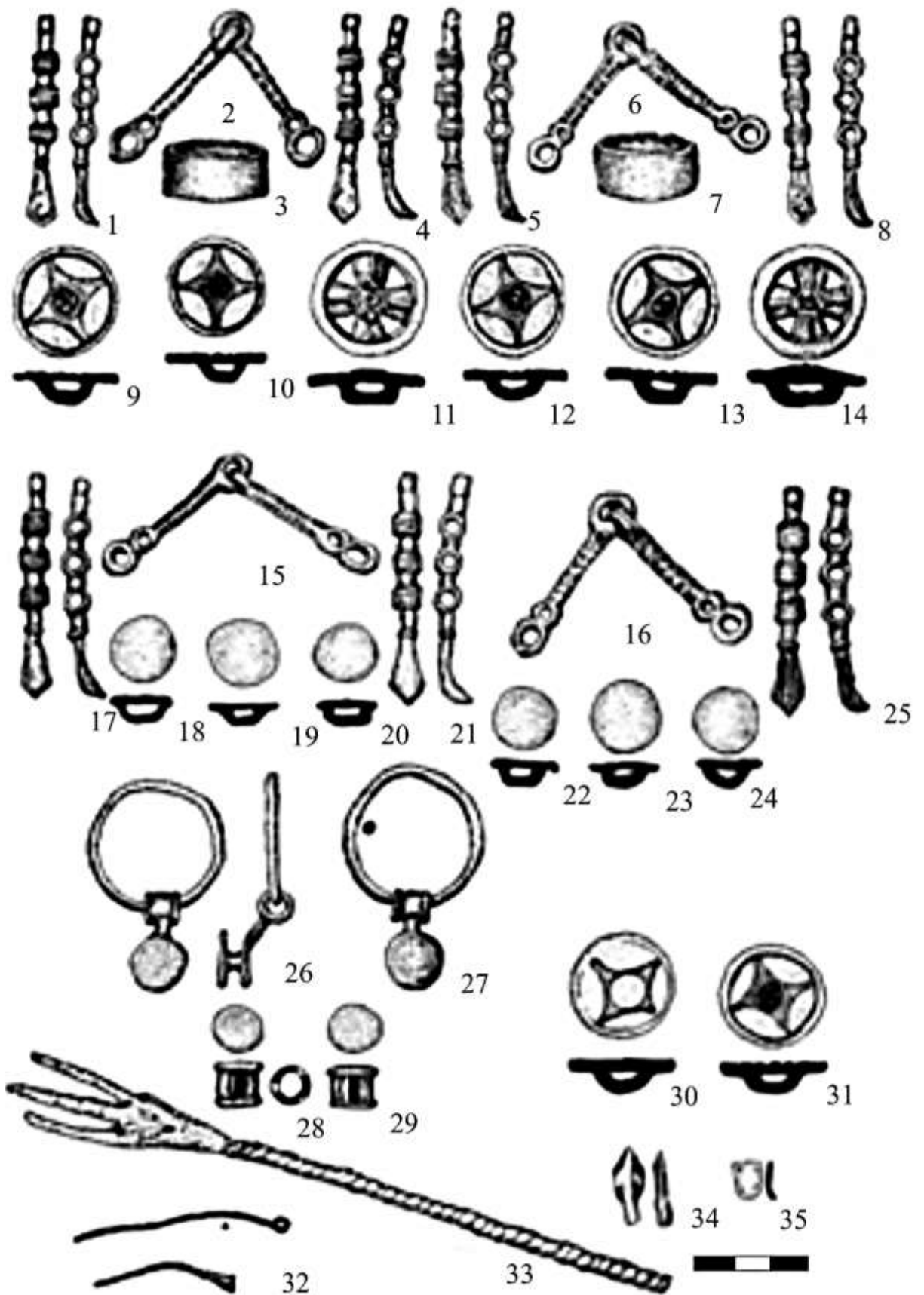

Рис. 47. Инвентарь кургана Уашхиту в Адыгее
(по: Иванчик, 2001, рис. 16)